

ИРИНА ЛЕМ

Все, что она хочет

эротика

18+

Ирина Лем
Всё, что она хочет

«Автор»

2026

Лем И.

Всё, что она хочет / И. Лем — «Автор», 2026

Преуспевающий адвокат из Лос Анджелеса встречает девушку в своей конторе. Так начинаются многие истории любви. Заканчиваются по-разному. Тиффани внезапно исчезает, и Марк не понимает — почему. Пытаясь ее разыскать, оказывается в ситуации, опасной для жизни. Стоит ли рисковать ради любимой или отказаться и идти дальше одному — дилемма, которую предстоит решить герою.

© Лем И., 2026

© Автор, 2026

Ирина Лем

Всё, что она хочет

Часть первая

1.

Оргазм приближался с неотвратимостью оркана и готовился обрушиться на Марка всей своей мощью. Придумать ему красивое имя по аналогии? А, некогда. Сосредоточился на партнерше, задал ей ритм, чтобы двигалась поживее. Еще несколько толчков, и он твердой струей извергся во влагалище Розалины, его собственной секретарши. Вернее, извергся в кондом, запас которых предусмотрительно держал в нижнем ящике стола ради таких вот случаев. Оргазм «Катрина»...

Секс на рабочем месте давно никого не удивляет, наоборот, удивило бы его отсутствие. Это занятие по популярности находится на второй строчке после секса в машине. Лично Марк поставил бы его на первое место, как не имеющее недостатков: в личном кабинете, по окончании трудового дня – спокойно, комфортно, почти как у себя в спальне.

Роман начальника с подчиненной, которая всегда «под рукой» - тема избитая, осмеянная в карикатурах, анекдотах и выступлениях юмористов. Это явление интернациональное, происходящее в любой конторе, в любом уголке земли. Из-за всеобщей распространенности оно стало нормой рабочих отношений. Ну, почти. Единственная категория людей, которые никогда не примут ее за норму - обманутые жены, но они в абсолютном меньшинстве, потому их мнение не учитывается.

Жены Марк не имел, совесть на тот счет не беспокоила. Розалина перешла к нему «по наследству» от предыдущего хозяина кабинета и сидела в смежной комнатке, дверь в которую обычно стояла нараспашку. Закрывать ее имел право только начальник, что означало знак секретарше – занят, не беспокоить ни звонками, ни посетителями.

Раньше Марк работал рядовым адвокатом и особого внимания на Розалину не обращал. Некогда было. Да и не выделялась она привлекательностью. Однажды, чтобы завязать дружеские отношения, он положил ей на стол обсыпанную шоколадом конфету-трюфель - такие в сладких магазинах поштучно продают.

Девушка улыбнулась в ответ, но лучше бы она этого не делала.

У Розалины резко выраженная верхняя губа и типичная, просто идеальная в отвратительности лошадиная улыбка – с красной, мясистой десной и крупными, квадратными зубами. Марк едва не отпрянул: показалось – она сейчас заржет по-конски и укусит. Надо было бы дать ей яблоко, чтобы впилась и закрыла рот.

С тех пор он не преподносил ей презентов, не заводил шуточных разговоров, при встрече вежливо здоровался и едва завидев приподнимающуюся верхнюю губу, спешил ретироваться. Справедливости ради стоит сказать - фигурка у нее стройная и со спины выглядела очень неплохо.

В первый же день его высокого назначения Розалина послала новому начальнику глазами сигнал – она не против исполнять его служебные и внеслужебные поручения.

Исполнительность - для секретарши качество первой необходимости.

Сначала он проверил ее на профессиональную компетентность, потом на сексуальную. За оба экзамена поставил «хорошо» и последовал общепринятому правилу: если ты босс, просто обязан трахать секретаршу. Правило настолько распространено, что недолго осталось ждать, когда ему придадут официальный статус и впишут в контракт. А на секретарских курсах наряду со «слепым» методом печати начнут преподавать новую дисциплину «Как полнее удовлетворять запросы начальства».

А кто, собственно, против? Марк – только «за», если девушка, в свою очередь, не требует прибавки к жалованью. Впрочем, на каком основании? Платить за любовь на рабочем месте не принято, это называется по-другому, да и к любви имеет мало отношения. Достаточно того, что он дарит ей свое тело – это подороже денег, так что пусть не заикается насчет прибавки.

Розалина не заикалась, знала свое место. Была Марком хорошо обучена для секса – в ему удобной позе, в ему удобном темпе. Когда он кончил, она не поспешила встать, поправлять одежду и прическу, встряхиваться, будто курочка, только что потоптанная петухом. Сидела не шевелясь, давая мужчине время интенсивно насладиться оргазмом.

Наслаждался. Поднял голову. Перед глазами – мясистая попка в белых трусах незагорелой кожи, которая резко контрастировала с коричневой поясницей. Легонько шлепнул, давая понять – все, пришел в себя, секс-пауза закончена, девушка может быть свободна. Розалина оперлась на его колени, поднялась, натянула трусики и джинсы, которые на время соития припустила до колен. Марк снял потяжелевший кондом и бросил в специально поставленную рядом с диваном урну. Убрал свое обмякшее хозяйство в брюки – с воли в темницу, рывком застегнул «молнию», будто звякнул тюремным ключом.

Действовал молча и по-деловому, без сантиментов в сторону секретарши. Секс – процедура чисто техническая, без включения его эмоций и без учета ее. Розалина не любовница и не сердечная пассия, лишь своего рода «скорая помощь», которая помогает снимать напряжение, если оно возникает спонтанно, на рабочем месте.

Конечно, между ними существовала определенная симпатия, но, скорее, как между коллегами, доверяющими друг другу. Переход через незримую границу прайвеси не предусматривался со стороны Марка: на работе они сотрудничают в интересах бизнеса – даже когда сливаются в интимном акте, домой едут раздельно. Это их негласный договор, в котором только он ставит условия.

Секс с Розалиной Марк позволял себе нечасто и только по вечерам, чтобы не превращать в рутину, не быть застигнутым случайным свидетелем. Офисный день «с девяти до шести», по окончании его сотрудники по собственной инициативе ненадолго задерживались, показывая преданность хозяевам, рассасывались постепенно. К семи этаж безлюден и безмолвен.

Сегодняшний вечер не исключение, но проверить никогда не помешает. Ощувив знакомый позыв в голове, потом в промежности, Марк сначала прошелся по служебным комнатам. Одиннадцатый этаж, где располагалась фирма, был пуст. Двери кабинетов замерли до завтра, охраняя воцарившуюся внутри тишину, коридор затих и оголился, будто берег при отливе. Ничего удивительного, учитывая время – десятый час. Сутки на исходе, и нормальные люди проводят их, занимаясь удовольствиями, а не корпея над бумагами.

Марк задержался не только, чтобы между написанием протоколов удовлетворить физиологическую потребность. Собирался ознакомиться с материалами нового дела, обещавшего стать криминальной сенсацией года. После обсуждения с совладельцем и компаньоном Энтони Бернсом, Марк принял в производство досье так называемой «зеленой вдовы» Мэри Эллис Салливан. Она оказалась замешана в убийстве, которое в прошлом году взбудоражило Лос-Анджелес, потому что касалось персоны из Голливуда.

Дело выглядело выгодным со всех сторон. Если Марку с коллегами удастся выиграть процесс, это станет крупнейшей победой их адвокатского бюро за те пять лет, что он там работал. Если проиграют, тоже не останутся внакладе: дело на слуху у обывателей, причастные к нему получают отличную рекламу. Бесплатно. На протяжении процесса, обещавшего затянуться на месяцы, название фирмы будет мелькать в средствах информации вместе с фотографиями и комментариями Марка.

Внимание прессы и телевидения – что еще требуется для продвижения бизнеса?

2.

Лос Анджелес только на первый взгляд кажется изнеженным, солнечно-беззаботным раем, жители которого пребывают в нескончаемом отпуске: спят до двенадцати, днем катаются на роликах, вечером развлекаются в ресторанах и клубах.

Нет, Элэй – по-деловому жесткий американский город: чтобы здесь выжить, надо вставать не позже шести и идти работать. А чтобы процветать, надо работать в два раза больше, захватывая свое свободное время – формула, которой придерживался Марк.

Сексуальный позыв удовлетворен, можно возвращаться к работе. Еще до того, как встал с дивана, переключился на деловой режим: просмотреть досье, выделить выгодные пункты для защиты, составить план разговора с клиенткой.

Начисто забыв про секретаршу, Марк направился к бюро. По дороге наткнулся на вопрошительный взгляд Розалины, не спешившей покинуть кабинет. Ее взгляд пробудил в нем капельку порядочности или как там называется ощущение, заставляющее людей вежливо обращаться друг с другом. Все-таки, не стоит вести себя как законченный эгоист или бесчувственный диван, который они только что вместе испытывали на прочность, ведь женщина – тоже человек, напомнила эта капелька.

Отклонившись от траектории, он подошел к секретарше, чмокнул сухими губами в лоб, коротким «спасибо» поблагодарил за услугу. Он не любил фальшивых нежностей. Был убежденно старомоден в том, что касалось личных отношений. Поцелуи в губы, со страстью, затмевающей рассудок, считал неким священным ритуалом, который совершал далеко не со всеми.

Для этого требовалась девушка особенная, настоящая. К которой питал бы восхищение, похожее на восхищение ювелира драгоценным камнем – не столько за его внешний блеск, сколько за натуральность и чистоту.

Но трудно найти настоящее в столице фальши и показухи как трудно обнаружить истинный бриллиант среди кучи сверкающих камушков от фирмы Сваровски. Особенно, если бриллианта там вовсе нет. Неординарные в своей естественности девушки, достойные восхищения, Марку давно не встречались. Лет пять примерно. Или шесть? Страшно подумать, сколько прошло времени с их последней ночи с Леонтин.

Они познакомились в университете Остина, где оба учились на юридическом. Почти сразу начали жить вместе. И после учебы не расстались, устроившись в одну контору: Марк – криминальным адвокатом, Леонтин – адвокатом по семейным делам.

Она не отличалась яркой красотой, скорее девушка средне-симпатичная: темно-карие глаза, рыжеватые волосы, лицо в веснушках, из-за которых она страшно комплексовала. Марк любил ее губы – непухлые, чуть вывернутые, удивительно подвижные. Именно они, а не глаза, лучше всего выражали внутреннее состояние хозяйки: когда она злилась – губы белели, становились узкими и собирались в морщинки, когда была счастлива – они мягчели, темнели и набухали. Если бы Леонтин когда-либо задумалась о пластической операции, Марк запретил бы ей трогать губы.

Они здорово совпали, просто исключительный случай, все общее: интересы, предпочтения в еде, в способе проведения досуга... А, ерунда. Сказочки психологов. Они совпали в главном – темпераментами. Оба, вроде, спокойные по характеру, но это только внешне. Внутри полыхал огонь. Стоило им остаться наедине, как мгновенно возгоралось «пламя страсти». Не могли ждать, набрасывались друг на друга, словно изголодавшиеся по сексу дикие звери, с рычанием и стоном, с ревом сметающей препятствия лавины. Не успевая раздеться, принять душ, поужинать. Без прелюдий, поглаживаний, разговоров. С неумолимой жадностью предавались любви, хотя только вчера провели ночь без сна – по той же причине.

Казалось, Марк и Леонтин были счастливы.

Но так казалось только ему. Счастье кончилось, когда в один не самый лучший день Леонтин вдруг захотелось сделать тату. Она давно мечтала: на правом плече – карликовое япон-

ское деревце «бонзай», на каждой веточке которого имена членов семьи. Предусматривалась ли веточка и для него, Марк не спрашивал. Татуировки не любил, но подруге не препятствовал.

Ожидая очереди в татуировочном салоне, Леонтин познакомилась с гитаристом рок-группы «Spooky Tooth», которая ездила с концертами по Техасу. Парень имел глупое имя Орби, длинные волосы на прямой пробор и небольшую бородку. Цвет ее непонятный – не светлый, не темный, какой-то «грязный блондин», создавалось впечатление, что бородка покрыта пылью. Он до шеи включительно был покрыт татуировками и выглядел неряшливо – как уличный музыкант-неудачник или начинающий наркоман, что одно и то же.

Чем уж он покорила Леонтин, Марк так и не разобрался. Вскоре она уволилась с работы, забрала из дома зубную щетку, косметичку, белье и переехала в номер к новому знакомому. Потом отправилась гастролировать с ним по штату в качестве группы поддержки - сексуальной, если называть вещи своими именами.

А Марка оставила переживать.

Сам от себя не ожидал, что будет так расстраиваться из-за женщины. Нахлынуло глупое ощущение - его на ходу сбросили с поезда. Стоит теперь на обочине и не представляет, что делать: то ли догонять поезд, то ли возвращаться назад.

Предательство Леонтин задело его самые глубины. Искал причины, копался в себе, спрашивал – что сделал не так, и не находил ответа, от того делалось больнее.

Было грустно до банальности и обидно до слез. Буквально. Сидя вечерами перед одиноким телевизором, Марк по-детски кулаком смазывал горячие капли со щек. Разбитое душевное благополучие, нарушенный распорядок жизни - то, что он имел. Впору тоже идти делать тату, под настроение: кровоточащее сердце, распавшееся на две половинки. И крупная, алая капля крови, несущаяся вниз... Первая кровь в поединке с судьбой. Один-ноль в пользу противника.

Хорошо, хватило благоразумия не глушить боль самым легким способом – наркотиком или алкоголем, на трезвую голову легче искать выход.

И нашел. Ушедший поезд догонять не стал. Вернулся к исходной точке, взял себя в руки, сконцентрировался на профессии: она не женщина, не подведет, если сам не оплошаешь.

Как водится – кто не сдаётся, тому помогает провидение. Марка позвал к себе в Лос Анджелес родной брат отца Саймон Руттенберг, совладелец адвокатской фирмы «Бернс и Руттенберг». Саймон собирался на пенсию и искал себе замену. Он не имел сына, способного продолжить дело, вообще не имел детей, и очень хотел передать собственный опыт и акции успешной фирмы племяннику.

Вот оно! Предложение, от которого глупо отказываться.

Успех в жизни зависит от правильно сделанного выбора.

Переменив адрес, Марк оставил переживания в прошлом. И не только в прошлом, а в другой географической точке – как в другой жизни. Теперь он, опытный с любовных переживаний, каждому дал бы совет: уезжайте из того места, где постигла неудача. Не зря говорят – с глаз долой, из сердца вон. Когда никто и ничто, в том числе соседи и обстановка в доме, не напоминают о пережитой обиде, она скорее забудется.

В Лос Анджелесе, кстати, обретался друг детства - Закария Старки, сокращенно Зак, который несколько лет проработал адвокатом в фирме Саймона и в скором времени намеревался пуститься в самостоятельное плавание.

3.

Марк и Закария были одноклассниками, учились в одной школе, но в разных классах и не догадывались о существовании друг друга, пока не влюбились в одну девочку – Ники Черри. Хитрая Ники любила находиться в центре внимания, сталкивать поклонников лбами, чтобы получалась драма. Она долго не выбирала постоянного друга, позволяя каждый день другому парню сопровождать себя до дома. Когда честь выпадала Марку, Зак впивался в его спину ненавидящим взглядом, и наоборот.

Когда же Ники, наконец, определилась с выбором, бывшие враги объединились в ненависти против удачливого соперника – Тома Бриза. Том не выделялся ни лицом, ни интеллектом, играл в американский футбол и отсутствием шеи походил на Халка, особенно когда надевал зеленую футболку. Марк с Заком понедоумевали над странностями женской психологии и как-то сразу охладели к Ники.

На следующий год они одновременно сдали на права и, запасшись кое-какой снедью и мешком пеканских орехов, отправились в парк Биг Бен - в свое первое дальнее путешествие без родителей.

Впечатлений получили столько, что хватило рассказывать весь следующий год. Катались на велосипедах по заброшенным ртутным карьерам, пустынной напоминавшим марсианские ландшафты. В сухом каньоне Аламо искали полудрагоценные камни и привезли домой несколько по-настоящему красивых, вроде зеленоватого хризопраза, похожего на осколок пивной бутылки. Гуляли по тропе «Уши Мула», названной так потому что упиралась в гору, похожую на голову мула со стоячими ушами.

Любовались цветущими кактусами, один из которых – окотилло преподал Заку жестокий урок. Его продолговатое соцветие покрыто ярко-малиновыми цветками на длинном, тонком стебле, отходящем от собственно кактуса. Стебель покрыт листочками, под которыми прячутся иголки, с первого взгляда неразличимые. Зак хотел было сорвать цветок, взялся и тут же отскочил, замахав рукой, будто обжегся. Марк долго отливал его ладонь водой из бутылки, чуть весь питьевой запас не истратил.

Дошли до каньона Святой Елены, где между ровно-отвесных скал течет в Мексику зеленая, непрозрачная Рио Гранде. Наделали фоток, искупались, подуррачились. Собрались в обратный путь, но вздумалось Заку проявить геройство, вскарабкаться на утес, нависший над рекой, и чтобы Марк его на видеокамеру запечатлел.

Идея оказалась неудачной, пришлось ему испытать «Титаник-момент». Подъем шел успешно, на самый козырек Зак подтянулся без проблем. Когда до вершины оставалось совсем немного, начал помогать себе ногами и, видно, ослабил внимание, соскользнул рукой – той самой, что поранил кактусом. Вскрикнул, сорвался и рухнул в реку со звонким шлепком.

Рио Гранде по большей части неглубокая, но в заводях метров до трех доходит – достаточно, чтобы взрослого человека утопить. От пронзившей боли Зак занервничал, начал барахтаться вместо того, чтобы, сохранив спокойствие, достигнуть дна, оттолкнуться и всплыть. Кроссовки вниз потянули, вода сомкнулась над головой. Он потерял ориентацию, хотел крикнуть, забулькал и выпустил последний запас воздуха. Ума хватило крепко сжать челюсти и постараться не дышать как можно дольше.

Марк наблюдал падение через объектив и сначала не поверил глазам. Растерянность длилась не дольше секунды. Бросил камеру и, оттолкнувшись от валуна, нырнул в воду. Нырнул грамотно, как учил тренер по плаванию – голова должна уйти под воду на мгновение раньше вытянутых рук. Тот же тренер учил приемам спасения: чтобы утопающий в суматохе не начал цепляться за спасателя, следует заплывать сзади, хватать подмышки, тащить вверх и к берегу.

После они долго лежали на валуне, до самого вечера: Зак блевал водой, Марк смотрел на него с сочувствием и благодарностью за то, что тот выжил. Страшно представить, если бы Зак погиб...

Нет, хорошо то, что хорошо кончается, и не надо ничего представлять.

О происшествии не разговаривали. Ночью возвращались к палатке, шатаясь, обнявшись и голоса во все горло «Мы – чемпионы, мой друг». И слушая их надрывную песню, удивленно моргали звезды и разбегались испуганно койоты. Которых друзья ни капли не боялись – что им какой-то койот, когда победили саму смерть!

Утром Зак сказал:

- Ты меня спас. По ковбойским законам мы теперь братья. Давай породнимся кровью.

- Давай.

И породнились. Сорвали по кактусовой игле, надрезали подушечку правого большого пальца, проговорили «Техасские рейнджеры – братья навек!», соединили. Теперь в жилах каждого текла капля крови друга.

Посещение заповедника Биг Бена превратилось в ежегодную традицию. Уже будучи студентами, ездили туда каждый год всей группой на пару дней в начале весны. Не умиляться на цветущую пустыню, а заниматься чисто мужским делом - драться с мексиканскими пограничниками. Ну-у, драться – сильно сказано, обычно дело ограничивалось тычками, пинками и ругательствами на родном языке, которого противоположная сторона не понимала. Редко кто возвращался домой с синяком под глазом или подбитой губой - их не стеснялись и ощущали себя героями. Те пьяные, куражные вылазки Марк вспоминал с особой теплотой.

Он любил родной Техас, но Зак, кажется, любил его сильнее. Когда еще жил с родителями, завесил стены в комнате флагами штата – сине-бело-красными со звездой. Когда заработал первые деньги, купил позолоченную гитару – символ Остина. И в дальнейшем каждую мелочь – брелок ли, кулон, часы, браслет приобретал с той или иной местной эмблемой: двурогим быком, металлическим кактусом или надписью «Элвис живет здесь». Пил только пиво «Одинокая звезда», в барах заказывал стейки «по-техасски» - зажаренную на барбекю говяжьё грудинку.

Однажды ему попала на глаза официальная бумага какого-то учреждения с надписью внизу «Вы имеете дело с Техасом, а с Техасом не шутят». Фраза так понравилась, что Зак с тех пор сделал ее присказкой и употреблял к месту и не к месту. Уже переехав в Лос Анджелес, продолжал два раза отмечать день Независимости: второго апреля – Техаса, четвертого июля - Америки.

Узнав, что Марк решил на переезд, Зак жутко обрадовался, встретил его в аэропорту, долго тискал и смеялся по-идиотски – высоким тоном «хи-хи-хи», что означало высшую степень радости.

Заезжать к нему Марк не стал, не хотел терять время, теперь они в одном городе, найдут время пообщаться. Попросил отвезти к Саймону в Санта Барбару.

По дороге Зак наставлял:

- Самое главное, не тушуйся здесь. Не ощущай себя деревенщиной, вдруг попавшей в столицу мира. Мы, техасцы, не дураки. Если бы не были ковбоями, были бы великими учеными. Или политиками. Вспомни Джорджа Буша. Пусть его считали недоумком и бывшим алкоголиком, а он два срока отсидел, так же как папаша. Линдон Джонсон тоже. Его, по-моему, вообще недооценили. Джонсон в сто раз лучше Кеннеди оказался, кучу социальных программ осуществил, дискриминацию осудил на правительственном уровне. Кеннеди давно убить надо было.

- За что же? Он, конечно, не самый лучший президент в истории Америки...

- Самый худший! В дела государства не вникал, за каждой юбкой волочился как неудовлетворенный подросток. Секретарша, телефонистка – без разницы. С Монро подло поступил - попользовался и бросил. Ты знаешь, что он еще и наркоман был? Причем в запущенной стадии?

- Нет. Ты серьезно?

- Еще как серьезно! По признанию его личного врача, Кеннеди пять раз в день колосся амфетаминами. У-у, как я его ненавижу! – прорычал Зак и даже порозовел от возбуждения. Вкупе с рыжей щетиной розовые щеки сделали его похожим на новорожденного поросеночка. – После его убийства нас, техасцев, возненавидела вся Америка. Нью-йоркские таксисты отказывались обслуживать людей с техасским акцентом. А машины с нашими номерами не пускали в другие штаты. Ну не идиотизм? Как политик Кеннеди ничего не представлял. Его любили только за симпатичную мордашку. После смерти сделали иконой. Потому что если бы всплыла

правда, Америка ужаснулась бы. А теперь поди разберись. Да никому не надо. Ты веришь, что Освальд его убил?

- Нет.

- Вот и я нет. Не такой он был отличный стрелок, чтобы в движущуюся цель попасть. Тут не каждый снайпер справился бы. И потом слишком много причастных к делу людей погибло. Кстати, помнишь кадры документальных съемок: когда Кеннеди ранили в голову, Жаклин зачем-то на багажник машины полезла? Мне все мучил вопрос – зачем?

- Я думал – она впала в стресс, захотела на полном ходу выпрыгнуть.

- Оказывается, нет. Недавно посмотрел фильм, там объяснили. Когда пуля разворотила Кеннеди череп, кусочек отлетел на багажник. За ним-то и полезла отважная Первая леди.

- Понятно, прям камень с души, - сказал Марк и шутливо-облегченно вздохнул. – А кто на самом деле его убил, многие уже тогда догадывались. Гувер.

- Точно. Всесильный директор ФБР. Он в то время самый влиятельный человек в Америке был. По какому поводу они с Кеннеди в клинч вошли, мы никогда не узнаем. Как результат – убитый президент и позор на голову техасцев. – Зак умолк, будто переживал события полувековой давности. - Этот «результат» на долгие годы привил нам комплекс неполноценности. Я, когда сюда приехал, был начеку – не начнут ли надо мной насмеяться, считать провинциалом. И очень скоро понял: мы, техасцы, в сто раз умнее всех остальных американцев. Пока они думают «смогу ли я?», мы уже составляем план действий. Вот в чем сила Техаса. С ним не шутят. Я тебе помогу в Элэй освоиться, бади. Бары, ночные клубы – везде бываем. Поставим ночную жизнь на уши! Рад, что ты приехал, Марк.

- Я тоже рад тебя видеть, Заки.

Пожали руки братским замком. Помолчали. За пять лет, что Марк не видел друга, тот мало изменился: та же ярко-рыжая шевелюра, будто облизанная солнцем, и улыбка озорного мальчишки. Впридачу - бульдожьей челюсти, что касалось карьеры. В конторе «Бернс и Руттенберг» Старки специализировался на бракоразводных процессах - неиссякаемый источник дохода в Голливуде.

Источник, щедростью которого Зак собирался пользоваться единолично. После нескольких удачно проведенных дел в фирме он создал себе репутацию адвоката, умеющего отстаивать честь, а главное – деньги состоятельного клиента. Общительный по характеру, Зак быстро завел полезных знакомых среди голливудских звезд второй величины, хорошо оплачиваемых и капризных. Единожды войдя в их круг, адвокат будет обеспечен работой до конца жизни. Голливуд – склочная организация, здесь все судятся со всеми: с работодателями, соседями, папарацци, супругами, детьми, домработницами и так далее.

Будущее выглядело радужно, Старки сообщил хозяевам об уходе. Стремление молодого сотрудника к самостоятельности понятно, препятствовать глупо - в контракте не стоит «Принят на пожизненную службу». Энтони Бернс отпустил его со скрипом и какое-то время пребывал в молчаливой панике. Самый перспективный адвокат ушел, друг и со-основатель фирмы собрался на пенсию...

Кто поддержит репутацию конторы? Качественные сотрудники имеются, но до статуса альфа-адвоката далеко - середнячки, которые громких процессов не выигрывают. У Бернса заведение солидное, в десятке лучших держится который год, снижать планку нежелательно: конкурентов расплодилось как уличных енотов, почуют слабинку, накинута, разорвут на части.

И вдруг как снег на голову посреди жаркого лос-анджелевского лета – Марк Руттенберг. Кто такой, откуда, с каким багажом знаний и опыта – неизвестно. Племянник Саймона. Хм. Маловато, чтобы возлагать большие надежды, они никогда не оправдываются.

Бернс - прожженный бизнесмен и средний руки адвокат, недавно отошедший от активной практики, с самого начала был настроен критично. Он не собирался заниматься благотворительностью - делать желторотика из Техаса совладельцем процветающей фирмы с перспекти-

вой выбиться в миллионеры. Лишь из уважения к Саймону решил дать молодому сотруднику шанс. По большому счету, не имел выхода: в контору настоятельно требовалась новая кровь. Брать человека с улицы, чужака с протекцией из бюро по трудоустройству – риск, в его положении непозволительный.

Сомнения спрятал подальше, принял Марка радушно, но поблажек не делал – дела подбрасывал самые заковыристые, трудоемкие. Наблюдал.

Бернс не прогадал – молодой Руттенберг оказался ценной находкой для предприятия. Недостаток адвокатского опыта он с лихвой компенсировал качествами, без которых немислим успешный специалист. Имел высокий уровень интеллекта, обладал профессиональной интуицией, вгрызался в работу как бульдозер. Лучшей замены двум уходящим сотрудникам трудно и представить.

Оба приятеля, Марк и Старки, нашли свое место на новом поприще: помогли исключительная работоспособность и немного удачи – куда ж без нее! За короткое время Зак выбился в популярные адвокаты и купил дом на окраине Бел Эйр, где жили его клиенты – средне- и малоизвестные звезды кино. А Марк с конца прошлого года стал полноправным совладельцем преуспевающей адвокатской фирмы.

Конечно, видимых изменений в названии «Бернс и Руттенберг» не произошло, но Марку пришлось привыкать, что вторая фамилия – его. Она смотрелась знакомо, но отчужденно, будто принадлежала однофамильцу. Каждый раз, когда входил в холл небоскреба, где располагалась контора, взглядывал украдкой – не пропала ли вторая часть, не заменена ли на другую?

Привыкал день за днем, понемножку. Потом фамилия на вывеске и его самоощущение слились, и уже казалось – так должно быть.

В душе он жутко гордился собой.

Происходил из обычной трудовой семьи: отец всю жизнь проработал контролирующим финансистом в администрации Остина, мать – старшей медсестрой в больнице системы «Методист». Среднестатистическая американская ячейка общества. Марк не был их единственным ребенком, но старшая дочь оказалась болью и разочарованием родителей. Сын же их не подвел. Впрочем, себя тоже.

И дядю Саймона. Который с чувством исполненного долга отошел от дел и уединился в скромной по меркам Лос Анджелеса полумиллионной вилле в тихом районе Санта Барбары, подальше от беспокойного люда – студентов и туристов.

Уединился, но связи с племянником не терял, регулярно звонил, чтобы поинтересоваться «как дела?» или пригласить провести вместе выходной день – с барбекю на свежем воздухе.

4.

С повышением статуса повысились доходы, но они не заставили Марка переехать в престижный район – ближе к знаменитостям или океану.

Он имел скромный, двухэтажный дом на Перпл-роуд в той части Пасадены, которая вползает на склон горного кряжа Сан Габриэл.

Улица узкая, тихая, располагалась вдали от беспокойных транспортных потоков, в день по ней проезжало несколько машин – утром на работу, вечером домой. Пешеходы были редкость. Камерный уют ей создавали огромные, старые платаны по противоположным берегам дороги. Похожие на кряжистых великанов, они соединились вверху ветками как руками, образовав зеленую галерею из крон. Улица выглядела ненатурально живописной, как пейзаж на глянцеовой открытке с текстом «Привет из Пасадены!».

Здесь проживали не миллионеры, но люди хорошего финансового уровня, не желавшие выставлять доходы напоказ. Жилища, выполненные в рационально-современном стиле, походили друг на друга: красные крыши, белые или бежевые стены, что типично для тропического дизайна. Из-за ограниченности места на склоне дома стояли рядом, но не вплитык, разделенные заборами из кустарников чуть выше человеческого роста. От проезжей части их отделяли

зеленые газончики без тротуаров, машина сворачивала с дороги и через пару метров оказывалась в гараже.

Сторона фасадов выглядела молчаливой и пустынной, зато с задней стороны, где сады, бассейны и террасы, кипела жизнь, скрытая от посторонних глаз. Прайвеси ценилось и не нарушалось, что импонировало Марку.

Его собственное двухэтажное жилье выглядело как два каменных куба, поставленных друг на друга, и стандартно имело два входа: один – через парадную дверь с номером 1238, другой через гараж сразу в жилую комнату.

В доме он ощущал себя комфортно, как улитка в ракушке – не очень тесно и без лишнего пространства, создающего пустоту. За входной дверью короткий коридор, затем гостиная со всеми положенными предметами мебели, самым любимым из которых был диван – светлый, но не белый, мягкий, теплый, огромный: в разложенном состоянии уместил бы шесть человек. Его Марк специально заказывал на фабрике в Чикаго.

Направо – открытая кухня и далее лестница на второй этаж, где две спальни, каждая с душем и туалетом.

Слева у стены музыкальный центр, полки с дисками. Дверь в гараж, проход и стеклянная дверь на террасу. В глубине дома рабочая комнатка с компьютером и отдельное помещение для книг, одежды, бегового тренажера, хозяйственных вещей.

Компактно, упорядоченно, все необходимое под рукой. Марк всегда недоумевал: как люди живут во дворцах? Чтобы попасть на кухню, надо пройти километр коридоров, а чтобы найти молоток – перерыть кучу ящиков с инструментами. Глупая трата жизни.

Его удовлетворяли и жилище, и соседи, и пейзаж за окном. Расширяться? Незачем. Одному пространства хватало, в ближайшее время создавать семью или заводить постоянную подругу не планировал. Дети тоже с рождением подождут, не до них. Сейчас карьера – его супруга, дитя и престарелая тетья, требующая круглосуточного внимания.

Жить одиноко он привык. После истории с Леонтин стал осторожнее относиться к знакомствам. Не превратился в закоренелого холостяка или женоненавистника, обиженного на весь прекрасный пол. Также не переквалифицировался в нетрадиционного по примеру тех, кто, поддавшись веяниям моды, пробует себя на разных сексуальных поприщах. Просто решил для себя второй раз не спешить.

Он повзрослел и стал если не мудрее, то предусмотрительнее – точно. Прежде, чем взять женщину в дом, должен убедиться, что без нее действительно хуже, чем одному. И не менее важно: она должна испытывать то же самое. Как это будет называться – любовь, привязанность или по-другому, не имеет значения. Главное – внутреннее совпадение, душевная тяга друг к другу, а не только физиологическая страсть. Секс – важно и приятно, но больше похоже на животный инстинкт. С возрастом начинаешь ценить человеческие качества.

В Лос Анджелесе достойной кандидатуры в спутницы жизни у него не появилось. Хотя активно не искал. Работал, может быть – слишком много, но если хочешь добиться успеха, безделье противопоказано. В свободное время занимался развитием тела – полезно для здоровья и разгрузки головы. Не менее двух раз в неделю посещал гимнастический зал – напрягать мышцы. В бассейне плавал каждый день, в любую погоду: зимой короче, летом дольше.

Раньше, в университете он профессионально занимался плаванием, даже завоевывал какие-то медали, потом активные тренировки бросил. Резко. Что чревато суперскоростным накоплением жира. Чтобы его предупредить, совершал регулярные пробежки вдоль Перпл-роуд. Результат – идеальная фигура пловца: с узкими бедрами, развитыми плечами и выпуклыми бицепсами. Не стыдно раздеться на пляже.

По выходным они с Заком ходили на Голливудский бульвар поглазеть на толпу или в рекреационные центры весело провести время. Элэй – мировая столица развлечений и соблаз-

нов, переплюнувшая Лас Вегас, который слишком контрастен: одна улица по центру сияет огнями отелей и казино, остальной город сидит тени и злится.

В Лос Анджелесе все по-другому, демократичнее.

Развлечения на каждом шагу и на любой вкус, в том числе испорченный. Единственный ограничитель - финансовые возможности, впрочем, как и везде. Правило простое: есть деньги - идешь тратить в бутики, рестораны, ночные клубы, нет - отдыхаешь бесплатно: гуляешь, занимаешься серфингом, загораешь. Учтены интересы каждого, наверное, от того здесь народ приветливый.

В плане секса Марк вел себя осторожно. Миллионы туристов приезжают в Калифорнию ежегодно, толпы чужаков, иностранцев и фриков бродят по Элэй. Стоит сто раз подумать прежде, чем бросаться на кого-то, чего он, кстати, не позволял и в беззаботные, студенческие годы. В последнее время ограничивался физическим удовлетворением с Розалиной, приучив себя к умеренности, что оказалось легче, чем ожидал.

Прямо противоположное отношение к сексу имел Зак. Обремененный семьей, состоявшей из жены и троих детей, он не мучил себя воздержанием за пределами супружеской кровати. Как молодой, ненасытный жеребец покрывает миловидных кобылиц не жалея сил, так Старки покрывал миловидных девушек не жалея спермы. Впрочем, предусмотрительно упаковав ее в кондом, чтобы избежать «Борис Беккер – момента». Зак помнил тот курьез: находчивая девушка сделала Беккеру минет, использовала сперму для искусственного оплодотворения, родила рыжую дочку – копию папы и теперь живет припеваючи на алименты.

Старки любил экстравагантные эротические приключения. Любил делиться ими с приятелем, когда они, еще трезвые, сидели за столиком рыбного ресторана или в такси по дороге в ночной клуб. Делился, живо жестикулируя, смакуя подробности, и казалось – рассказывать о них было интереснее, чем участвовать.

Любовь к авантюрам, однако, не означала полнейшей неразборчивости в связях. Заводил знакомства в кругах, далеких от клиентов и друзей клиентов, чтобы ненароком не влипнуть в секс-скандал, не испортить деловую репутацию. Он и Марка предупредил:

- Знаю, интрижки на одну ночь тебя не интересуют. Если захочешь начать серьезные отношения, просканируй девушку основательно. Не представляешь – как легко тут вляпаться. Твоя тренерша по кардиогимнастике может запросто оказаться начинающей порно-актрисой.

Сам Зак предпочитал именно «любовь на один раз» за ненавязчивость, безответственность и постоянную новизну. Как догадывался Марк, жена Натали отвечала ему той же монетой. На почве супружеской неверности в семье скандалов не возникало, более того - Старки считали себя идеальной парой.

5.

После секса сосредоточиться на делах не получилось: в мозгах рассеянность, в мышцах усталость. Марк сидел перед экраном ноутбука, в который раз читал текст и не соображал, о чем там говорится, хотя сам написал десять минут назад. Нехорошо. Надо вернуть к деятельности отвлекшееся сознание, еще минимум на полчаса.

С силой протер сухими ладонями лицо, похлопал по щекам – киношный трюк чтобы взбодриться. Не помог. Кофе, что ли, выпить? Нет, на ночь не стоит.

Подумал.

Подвел итог: рассматривать материалы подзащитной Салливан не закончил, но записал шаги, с которых следует начать. Лучше, чем ничего. Ладно, не стоит себя насиловать, чтобы не заработать до бернаута. Внести пару напоминаний в компьютерную записную книжку и можно со спокойной совестью уходить домой.

Воспоминание о совести или привычное чувство ответственности заставило сконцентрироваться - последний напруг, как перед финишем. Марк склонился над компьютером и, не

глядя на клавиатуру, шустро застучал: «Спросить у вдовы, где она находилась в момент убийства мужа, а также ее дочь и...».

Послышался неясный шум. Марк вскинул голову, поглядел вверх экрана на прикрытую полосатыми жалюзи стеклянную стену, отделявшую кабинет от коридора.

Прислушался. Где-то неподалеку звучала музыка – качеством так себе, с хрипотцой, будто из старого радио или кассетного магнитофона. Различил вполне определенную мелодию, не похожую на современные музыкальные опусы, состоящие из ритма и синтезированных нот. Это была классическая поп-песня, очень знакомая, очень популярная лет двадцать назад. Навскидку название не вспомнилось, завертелось в голове – вот-вот всплывет.

Непонятно откуда музыка – контора давно пуста, радио в кабинетах не установлено. С улицы донеслось? Невозможно, одиннадцатый этаж, сюда едва долетали сигналы автомобилей, а хрипатая музыка не донеслась бы ни за что. Охранники, приходящие по ночам осматривать помещения, магнитофоны с собой не носят. Да им еще рано. Знают процедуру: ключ от этажа не сдан, значит, кто-то сидит на рабочем месте, чаще всего – босс, тревожить не стоит.

Предположить невероятное: взломщик – любитель музыки?

Смешно.

Ну не привидение же в самом деле...

Мельком взглянул на кабинет секретарши. Как и ожидалось, он был пуст: Розалина покинула рабочее место сразу после секс-сессии, вежливо попрощавшись «до завтра». Марк посидел секунду неподвижно, оттолкнулся от стола, тяжело поднялся. Пока шел к выходу, расправлял рукава рубашки, которые закатывал, чтобы легче было печатать. На сегодня его трудовая деятельность точно закончена. Не ощущал ни злости, ни досады, скорее любопытство – что-то непонятное происходит в его вотчине, надо выяснить.

Двигаясь вдоль коридора, наклонялся ухом к закрытым дверям, прислушивался. С каждым шагом музыка становилась громче, отчетливее. Он ее узнал: когда-то популярная песенка «Все, что она хочет» шведской группы «*Ace of Base*».

Подобно многим артистам-однодневкам группа мелькнула на небосклоне шоу-бизнеса и канула в забвение, хотя амбиции имела большие – стать преемниками «АББА». План, заранее обреченный на провал: участники ее не имели ни качественных голосов, ни мелодий, ни текстов. Главное же – отсутствовала харизма. Каждый из четверки «АББА» – это целый мир. Талант. Характер.

А эти? Штамповка и безликость.

Но иногда таким безликим везет – попадают на нужную волну, делают долговечные вещи, которые запоминаются, создают музыкальное сопровождение жизни.

Колыхнулся теплый ветерок ностальгии. Вспомнились первые строчки: «Все, что она хочет, найти парня на ночь» – простенькие слова, в свое время перевернувшие его романтическую подростковую душу. Эту песню они с Заком слушали по сто раз на дню и до хрипоты заездили самый первый магнитофон Марка «Панасоник», который получил от родителей на тринадцатилетие.

Потом они вдруг посчитали попсу «девчачьей» музыкой и перешли на настоящую, мужскую – «Бон Джови», «Статус Кво», «Металлика». Это был противный период – они уже не ощущали себя детьми, но в бары и ночные дискотеки их еще не пускали, приходилось устраивать концерты на дому.

Став официально взрослым, Зак как настоящий друг ждал месяц и восемь дней, пока Марку тоже исполнилось восемнадцать. В тот же день они, захватив паспорта, отправились на Шестую улицу Остина, где стоящие плечом к плечу бары, рестораны и клубы предлагали главное свое блюдо – живую музыку высочайшего качества.

Когда предложений много, трудно сделать выбор.

Друзья свернули в заведение «Грязный пес» только из-за юморной вывески - там красовалась девушка в короткой юбке, сзади к ножке пристроился крошечный песик с недвусмысленным намерением изнасиловать ее туфель.

В баре выступал певец и гитарист-виртуоз Стиви Рэй Вон – техасский Элвис. Зак влюбился в его музыку с первого аккорда, Марк чуть позже. И до сих пор частенько в машине включал станцию, которая передавала старый, добрый «ритмический блюз».

Современных певцов и певичек не переносил категорически - их вопли невозможно слушать нормальному человеку. Музыка примитивна, тексты пошлы, переживания неискренни – когда поют о любви, им не хочется верить. Разве можно признаваться в тонких чувствах таким ошалелым, истерическим голосом? А на дискотеках что играют? Сплошной синтезатор и деревянный ритм – «творчество» диджеев, которые миллионы зарабатывают на отуплении и оглушении молодежи.

Музыка второго десятилетия двадцать первого века – это один визгливый кошмар из клиники для психических. Марк никогда его не примет, потому что вырос на спокойных, мелодичных песнях-балладах. Их приятно слушать, легко напевать. Взять классическую композицию из фильма про Робина Гуда - «Все, что я делаю, делаю ради тебя» в исполнении Брайана Адамса. Вот как объясняются в любви.

И не требуется голосить «Я тебя люблю, ла-ла-ла!», вроде кто громче орет, тот сильнее любит. Совсем наоборот - тому, что тихо сказано, верится больше.

Клип на песню «Все, что она хочет» он видел много раз по MTV – простенький и целомудренный. Тогда еще не открыли моду на публичное обнажение, солистка была одета в черную кофту-водолазку и походила на директрису колледжа. Она рассказывала историю девушки, любившей каждую ночь менять парней, и смотрела на зрителя строгими, поучающими глазами - вот-вот погрозит пальцем и назначит штраф. Сейчас ее лицо мелькнуло и не показалось строгим, как раньше.

Песенка доносилась из комнаты, которая никому конкретно не принадлежала и в рабочие часы была самой шумной в конторе: здесь трудился многофункциональный копировальный аппарат - потрескивая, попискивая, позванивая. Сейчас он должен был бы отдыхать. Или решил развлечь себя на досуге поп-музыкой?

Приостановившись, Марк толкнул дверь.

И застыл удивленный - как статуя Фемиды, с глаз которой сорвали повязку.

Посреди комнаты стояла девушка спиной ко входу, лицом к ночному окну и танцевала сама с собой под музыку из крошечного, портативного магнитофона. Марка не заметила.

В черном окне как в зеркале он видел ее закрытые глаза и блаженное выражение – как у человека, мечтающего о скором отпуске и представляющего себя на пустынном, теплом пляже под ласковыми лучами солнца.

Она подняла руки над головой и, тихо подпевая, двигалась в ритме песни, практически не сходя с места. Она танцевала каждой частичкой тела, изгибалась так мягко, как изгибается водоросль, потревоженная подводным течением. Такой гибкости Марк не видел: у нее что – нет костей?

Глядя на ее волнообразные движения, сам заволновался. Тем более что одета девушка провокационно: в белую, узкую майку под джинсовым сарафаном, который приподнялся и открыл складочки на границе ног и попки.

Стриптиз полнейший.

Незнакомку можно было бы обвинить в непристойной манере одеваться, если бы она сделала это нарочно – заявила сюда среди дня и принялась дефилировать по коридорам. Но кого можно провоцировать в пустой конторе? В полной уверенности, что одна, она танцевала для себя и не рассчитывала на зрителей.

А Марк не рассчитывал стать свидетелем эротического представления. Чувствовал себя неловко, будто проник в театр без билета и украдкой наблюдает за актрисой.

Кажется, подглядывание с сексуальным уклоном называется в искусстве вуайеризмом. Это отклонение или вариация?

Неважно.

Отвести глаза от опасного предмета.

Отвел.

Скользнул по фигуре вниз, до самых босоножек на каблучках и с переплетенными ремешками, из которых выглядывали нежные, розовые пятки. Почему-то эти голые пятки действовали на Марка возбуждающе, как обнаженные груди. Что за фривольное настроение у него сегодня?

Простите, не виноват. Не знал, что за спектакль тут показывали...

Ситуация двойственная. Открыться означало - конец зрелища.

Нет, его стоило досмотреть. Марк привалился плечом к косяку, засунул руки в карманы и сосредоточил взгляд на фигурке перед собой, все остальное вокруг потеряло четкость.

Он видел, как она ловко двигала нереально длинными ногами, полусгибая и выпрямляя, как бы образовывая волну, которая зарождалась внизу, у самых пяток, плыла по телу вверх - до кончиков пальцев, и возвращалась обратно. Она ритмично пританцовывала бедрами, делала полный поворот, то ускоряя, то замедляя темп, приседала, поднималась, вставала на цыпочки, выгибала спину. И все - на одном месте!

Эротизм и целомудрие в одном танце. Она профессионалка, только пока непонятно в каком искусстве. Марк впитывал взглядом каждое движение. Мешать не хотелось, но и стоять, уставившись откровенно жаждущими глазами, тоже неудобно.

Уйти, не открывшись?

Не может быть и речи.

Дождался, когда музыка стала утихать, встал прямо, зачем-то поправил галстук и постучал костяшками пальцев по дереву двери.

б.

То ли Марк не рассчитал силу на нервной почве, то ли получилось само собой, стук прозвучал звонко и неуместно как раскат грома посреди тихой, звездной ночи. Чуть сам не испугался, уже пожалел, что постучал, да убежать поздно. Натужно сглотнул - и тоже слишком громко, ненатурально. Попить бы водички, смягчить горло, чтобы разговаривая не хрипеть, не кряхтеть, не запинаться. Беседа - минимум, на что он рассчитывал и имел право, как хозяин конторы.

Вспомнив про «хозяина», приободрился, выпрямил спину. Что за странности с ним происходят: растерялся при виде танцующей статуэтки, поддался неуверенности. Как мальчишка. Комплекс неполноценности что ли резко возник?

От стука девушка не вздрогнула и не смутилась, как ожидал Марк. Замерла, опустила руки, открыла глаза и уперлась взглядом в окно. Заметила сзади мужчину, улыбнулась - незастенчиво, очень естественно, с кивком головы, как улыбаются хорошему знакомому или человеку, которого давно ждали. Одернула юбку, махнула рукой по волосам и неспешно повернулась.

Ее нельзя было назвать яркой, но красивой точно - на вкус нормального мужчины, а не поклонника голливудских «див», красота которых зависит от мастерства визажиста. У тех на лице килограмм макияжа и застывшая маска, которую надевают, чтобы выглядеть безупречно на фотографиях. Если их умыть, будут похожи на бледную задницу.

У незнакомки минимум косметики или совсем нет, лицо подвижное, эмоциональное, его выражение не определить одним словом. Безмятежное, но не бездумное. Доброе, но не глупое. Серьезное, но не суровое.

Взгляд открытый, доверяющий - когда она смотрит на человека, тому кажется, что он лучше, чем есть на самом деле. В таких девушек влюбляются с первого мгновения, не поговорив, не узнав характер.

Характер? Хотелось, чтобы был традиционно женский – нетребовательный и мягкий, но такие в современном Элэй не водятся...

Жаль. Было бы здорово проснуться утром от прикосновения этих налитых молодым соком губ, не испорченных корректирующими инъекциями. Верхняя чуть уже, нижняя полнее - отличная комбинация: когда она недавно улыбнулась, обнажился ряд белоснежных зубов, получилась идеальная улыбка из рекламы зубной пасты. Сейчас губки сложились и стали похожи на лодочку.

Вроде, ничего особенного в ней, а невозможно оторваться.

Почему?

Пригляделся.

Глаза... Что за глаза у нее?

Получше рассмотреть, ненавязчиво, не вытягивая по-жирафски шею: какой у них цвет? Конечно нестандартный, как и все в ней - приглушенно-синий, какой-то дымчатый, редко встречающийся у брюнеток. Трудно обозначить одним словом. Цвет по-северному сдержанного тумана, которого не бывает в бушующем красками, тропическом Лос Анджелесе.

Марку вспомнилось его давнее, сразу по окончании школы, короткое путешествие с приятелем Стивом Кросби на север Канады. В лесистом штате Алберта отец Стива имел охотничий домик и предложил сыну с друзьями отметить там успешное завершение детства и вступление во взрослую жизнь.

Сложенный из стволов дом стоял на горном склоне среди столпившихся вокруг диких елок, и Марк впервые увидел, как растут шишки.

В день приезда наслаждаться окружающими красотами времени не нашли - кутили: пили, горланили песни, гонялись друг за другом гольшом, пугая лесных жителей и горное эхо.

За один вечер превратили дом в свинарник и завалились спать кто где. На рассвете Марку потребовалось в туалет. Внутри его с похмелья не нашел, натянул чьи-то брюки и, переступая через тела, вышел наружу, огляделся в поисках подходящего куста.

Вдруг заметил – что-то странное происходило. Вернее, странно, что ничего не происходило - ни птичка не клекотала, ни зверь не шуршал, ни ветерок не шевелился.

Тишина. Абсолютная. Неземная.

Был он привычен к шуму вечно спешащего города, к завыванию равнинных ветров, к гудению знойного воздуха в техасской пустыне и никогда не слышал – как звучит покой. Как он выглядит.

А вот так. Перед Марком раскинулся пейзаж, будто огромное полотно, написанное художником-великаном: на заднем плане – сплошные кряжи с белыми верхушками и зелеными до черноты лесами на склонах, внизу – маленькое озеро без берегов, нашедшее местечко между горами. На переднем плане дом, крылечко которого поддерживали два обтесанных сосновых ствола - один изогнутый, другой раздвоенный.

Леса и озеро прикрыли ватные клоки тумана, такого густого, что казалось – именно в нем завязли живые звуки.

Эту всеобщую тишину и неподвижность не хотелось нарушать ни голосом, ни жестом.

Но только Марк проникся величиим окружающего, как «тр-р-р!» оглушительно скрипнула дверь. Оглянулся - кто тот вандал, вознамерившийся погубить шедевр природы – всеобщий покой?!

Вандалом оказался Стив. В одних трусах, поеживаясь от утреннего холода, он разинул было рот, собираясь вслух зевнуть.

- Эй, тихо! – шепотом крикнул Марк и приложил палец к губам.

Тот понял. Сомкнул губы, подошел, крадучись по-кошачьи. Взглянул перед собой. Вдохнул глубоко, неслышно - только видно было как его голая грудь раздулась и вернулась обратно.

Помолчал.

- Видишь дым, - тоже шепотом проговорил Стив, показывая пальцем вдаль. – Из-за него индейцы называли этот район «Дымящиеся горы».

Самая плотная дымка стояла над озером и будто впитала его синий цвет, смягчив и успокоив - получился серо-голубой с нежными, перламутровыми переливами. Казалось – повисло зыбкое, тончайшее покрывало. Сейчас оно взлетит и откроет нечто чудесное, неожиданное увидеть в земном мире: оживших сказочных героев – добрых гномов и животных, умеющих говорить.

Сплошная нереальность. Марк в жизни не видел такого тумана, ни до того, ни потом.

Да и где его увидишь, в Лос Анджелесе, что ли?

Тишине, зыбкости здесь не место...

И вот пожалуйста. В центре вечно мчащегося куда-то мегаполиса довелось встретить девушку с глазами как туман над заколдованным горным озером. Откуда она? Со склона «Дымящейся горы»? Из той доброй сказки про гномов? Не хватало, чтобы она оказалась лесной феей. Или озерной русалкой. Тогда ему не избежать ее чар. Хотя Марк не сопротивлялся бы. Наоборот. С удовольствием отдался бы во власть ее чудодейственных глаз...

Девушка выключила магнитофончик карманного формата и вопросительно посмотрела на Марка. Он заволновался, как перед экзаменом на бакалавра. Нет, на доктора юридических наук.

С чего начать? Представиться? Спросить что она тут делает?

Глупо спрашивать. Что делает нимфа, порхающая над цветущей полянкой?

Тогда просто уйти?

Невозможно, ноги приросли к полу.

- Вы кто? – деревянным голосом спросил Марк. Вопрос прозвучал топорно, но за неимением времени на подготовку ничего лучшего не придумалось.

- Я здесь убираю, - ответила она и кивнула на тележку с чистящими принадлежностями. – По четвергам.

- Почему я раньше вас не видел?

- Я новенькая. - Он открыто и, как показалось Марку, насмешливо смотрела, ожидая, когда он еще что-либо глупое спросит или уйдет.

Не сделал ни того, ни другого. Расставив ноги, перекачивался с пяток на носки – так делал Бернс, когда не знал о чем разговаривать.

Тогда она сама спросила:

- Я вам музыкой помешала? Извините, думала в офисе никого нет.

- В офисе я.

Был такой фильм «Тупой, еще тупее». Это про него. Мозги застопорились, и голос металлический – все как у робота, который задымился от переработки. Пора домой, пока не случилось короткого замыкания, сегодня не на что путное Марк не способен.

Услышал резонное:

- А вы кто?

- Я владелиц этой фирмы, - ответил машинально, не думая и понадеялся, что верно.

Слова не произвели впечатления.

- Очень хорошо, - нейтрально произнесла она и слегка пожала одним плечом, мол без разницы – владелиц или электрик. Сама не представилась, руку знакомиться не протянула. Растерянность, невежливость или неуважение к боссу?

Неважно, за недавний танец ей это можно простить. За глаза еще больше.

Да и все остальное на высшем уровне.

Пока она возилась с магнитофоном, Марк откровенно ее разглядывал. На вид слишком юная для него, лет шестнадцать. Фигура тонкая, но не тощая. Наоборот, налитая, сформировавшаяся, больше половины длины которой приходится на ноги. Грудь? К сожалению, трудно разглядеть - на месте предполагаемых сосков пуговицы сарафана. Ясно, что не арбузы. И не плоская доска, небольшие выпуклости заметны.

Кажется, она не носит бюстгалтера – майка обтянула сбоку совершенно гладкую округлость. Тут же заработала фантазия. Эх, чертовски заманчиво посмотреть на ее едва проклюнувшиеся, подростковые груди. Коснуться подушечками пальцев, ощутить трепетность, беззащитность и чистоту, подержать в руках – осторожно, чтобы не раздавить их хрупкость...

Они натуральны, не то что силиконы Розалины, которые ничего кроме брезгливости у Марка не вызывали. До ее округлого бюста он дотронулся лишь однажды – в самом начале их внеслужбных отношений. Сжал «в порыве страсти» и ощутил упругие, неподвижные мячи вместо живого, податливого тела. С тех пор возненавидел фальшивые сиськи.

Настоящих давно не встречал.

До сего момента.

Эта девушка – сама естественность. Гибкая, как стебель орхидеи. Свежая, как утренняя роса. Сладкая, как плод манго...

Желание, недавно удовлетворенное с секретаршей, проснулось с силой, удвоенной любопытством. Интересно, какова она в сексе?

7.

«Очень неуместный вопрос, хоть и заданный мысленно». Марк ощутил себя циником: недавно думал о возвышенном – волшебных туманах и озерных феях, а сейчас захотел эту самую фею затащить в постель. Вернее – в кабинет на диван. Нет, прямо здесь, стоя...

Дьявол! Отвлечись.

Легко сказать.

Желания надо подавлять в зародыше, и Марк знал, что опоздал. Желание загорелось одновременно в голове и в паху, заколыхалось внутри горячими волнами. Одна волна прилила к лицу, хищно блеснула в глазах. Не хватало, чтобы девушка догадалась о его озабоченности. Опустил взгляд на кончик галстука, вроде рассматривал – не капнул ли соусом во время ланча.

Давно не случалось с ним спонтанного возбуждения. Чем бы отвлечись?

Включить адвоката.

Адвокат посоветовал: чтобы успокоиться, надо призвать на помощь старозаветные нормы морали, вспомнить о необходимости держать похоть в узде.

По следующим причинам.

Во-первых, совокупляться после одной женщины с другой, не приняв душ, негигиенично. Потом. Девушка явно не из тех, кто отдается первому встречному, пусть даже начальнику. Как догадался? Очень просто – подсознанием, проще сказать – первобытным инстинктом, доставшимся от пещерных предков. Такие вещи определяются моментально, независимо от степени интеллигентности сексуально озабочившегося индивидуума.

Что бы там ни говорили, мужчина всегда знает, как вести себя с женщиной. С *этой* рекомендована осторожность. Она не дает повода к развязности, не улыбается двусмысленно, не кокетничает даже глазами. Есть в ее взгляде твердость, уверенность в своей неуязвимости - то невидимое излучение, которое останавливает даже насильников. К тому же девушка, вероятно, несовершеннолетняя. Для Марка это табу.

- Сколько тебе лет? – спросил, чтобы подтвердить выводы и окончательно успокоиться на ее счет.

- Двадцать один год.

Сюрприз!

- Выглядишь моложе.

- Знаю, потому всегда ношу с собой паспорт. Ну, энергетик купить или еще что. К тому же, несовершеннолетнюю не приняли бы сюда на работу, потому что заканчиваю поздно.

Девушка отвечала исчерпывающе и вежливо, точно так, как следовало разговаривать с начальником. В отличие от него, она не поглупела на время и вела себя раскованно: повесила свой игрушечный «Сони» на руку, другой раскачивала как ребенка на качелях. Полнейшее равнодушие к Марку, даже обидно стало. Зародилось подозрение - она его в чем-то превосходит: многое познала в жизни или что-то драматическое пережила.

- Во сколько заканчиваешь?

- В десять.

Взглянул на золотой «Ролекс», который приобрел по цене месячной зарплаты на предпоследний день рождения. Марк не был маниакальным поклонником престижных предметов, но определенные вещи считал необходимым иметь - ради поддержания статуса. Когда клиент видит, что адвокат носит ту же марку часов и ездит на машине того же класса, скорее проникается доверием.

«Ролекс» показывал тридцать семь десятого. Время поджидает, поболтать бы подольше, да ей еще его кабинет убирать...

Упускать девушку не хотелось, сам не разобрался - почему. Вернее, очень хорошо разобрался, но не собирался признаваться. Конечно, он хотел с ней секса, идеальный вариант - здесь и сейчас. Быстро бы управился, пять минут - и оба удовлетворены: он отправится домой, она пылесосить кабинеты.

Ага. Помечтай. Учítывая ее безукоризненное поведение, надежд мало. Точнее - никаких. Марк тоже не сторонник одноразовой любви, но сегодня авральная ситуация. Надо сказать что-нибудь невинное, чтобы ее не спугнуть.

Мозги заработали в сумасшедшем темпе. Интересно, она догадывается - что с ним происходит? Нет, хотя бы узнать - он ей понравился? Черт, не спросишь напрямую... Что делать: предложить ее подождать, подвезти до дома, напроситься на чашку кофе, а там действовать по обстоятельствам?

Нет, нет и нет. Слишком неестественно, грубо, двусмысленно. Она не похожа на безмозглую курицу, ищущую приключений. Торопливостью можно испортить дело. Надо посубитьнее.

- Что ж, не буду задерживать, - вырвалось почти против воли.

«Кретин и идиот в одном флаконе, ничего лучшего не придумал. Так и расстанешься в сухо-официальном стиле? Хотя бы дай понять незнакомке, что произвела впечатление».

- Приятно было поболтать. Увидимся в следующий четверг? - Дежурные слова, подходящие для любого случая.

- Конечно, - небрежно бросила девушка и, оторвавшись от магнитофона-качелей, пристально посмотрела на Марка. С любопытством. Или вопросом. Например - почему он не набросился на нее с поцелуями?

Она их ожидала? Он бы не отказался...

- Спокойной ночи. - Ее холодный голос остудил его воспаленное воображение.

Девушка отвернулась и принялась протирать экраны компьютеров, послав Марку сообщение по невербальной коммуникации «отправляйся восвояси, мне некогда».

Сообщение дошло мгновенно. Получатель развернулся и направился в кабинет - едва переставляя ноги и вразвалку, будто обожравшийся сардинами пингвин. Не хватало еще рыгнуть для достоверности картины. Интересно, пингины рыгают? А, черт, глупости в голову лезут. Надо о серьезном подумать. О подзащитной Салливан...

Да пошла она...

Марк вышагивал по коридору и, не отдавая себе отчета, тянул время в надежде, что девушка его окликнет. Для чего-то незначащего, мелочи, которую ей вдруг понадобилось знать, например - где у них аппарат, приготовляющий кофе?

Почему она не сделала кофейную паузу? Нет, сделала. Танцевальную.

Тогда пусть спросит - который час. Или скажет, что у него красивый галстук. Снова завязался бы разговор, и кто знает, чем кончился бы...

Не окликнула.

Кабинет встретил его неприветливо, показался чужим. Рассеянным взглядом Марк обвел лежавшие вразброс бумаги, не представляя, о чем в них речь. Вроде не сам только что написал и распечатал, а компьютер и принтер сделали это по собственной инициативе.

Настроение резко упало. Не испортилось, просто съехало на ноль - ни хорошо, ни плохо. Досада разобрала, непонятно, на кого: на себя или незнакомку. Или на белые листки с черными буквами, содержавшие неважные сейчас, не относящиеся к его состоянию мысли. Злым движением он сгреб бумаги и бросил в ящик стола. Закрыв текст, отправил в дроббок, отключил ноутбук. Надел пиджак.

Все действия производил на автомате, все мысли только о *ней*.

Девушка поставила его в тупик. Своим тотальным равнодушием.

Без лишней скромности - Марк был уверен в себе как в мужчине. Знал, что привлекателен - немного экзотической, ближневосточной красотой: имел от рождения слегка смуглую кожу, тонкие черты и красивую форму черепа, которую подчеркивал короткой стрижкой без всяких чубов и проборов. Как-то одна из кратковременных подружек, увлекавшаяся египетской археологией, сказала, что удлинёнными глазами он похож на Эхнатона Четвертого и так же атлетически сложен.

Практически каждая девушка, на которую он обращал даже мимолетное внимание, отвечала продолжительным взглядом, в котором читалось согласие на еще не поступившее предложение.

Кроме этой таинственной пришельцы из ниоткуда, которая вместо уборки занимается танцами. Кто она, как здесь очутилась, где живет, чем занимается в свободное время? Вдруг она замужем? Если нет, то наверняка имеет друга - слишком уж незаинтересованно глядела на Марка. Первая трещина в самоуверенности: оказывается, он привлекателен не для всех. Неужели стареет? В тридцать один год?

Вопросы крутились в голове, толкаясь и обгоняя друг друга, подобно пронумерованным шарикам лото в прозрачной колбе.

8.

Шарики крутились, но ни один с дельной мыслью или ответом на вопрос не выпал. Марк прошелся по кругу, уставясь в ковролин, имитирующий звездное небо - темно-синий с желтыми вкраплениями. Обвел стены бессмысленным взглядом, сходил в кабинет секретарши, выключил свет: Розалина оставляла его нарочно, чтобы начальнику не смотреть в черную дыру.

Подошел к окну.

Выражение «Город, который никогда не спит» подходит Лос Анджелесу тоже, только он «не спит» красивее, чем Нью Йорк.

Это вообще города-противопоставления. Нью Йорк создавали трезво мыслящие архитекторы, которые прежде всего заботились о комфорте для людей, ведущих бизнес. Старые здания помпезны и прямолинейны, новые - высоки и высокомерны, глядят на человека сверху вниз, подавляя, заставляя подчиняться правилам. Ночью город освещен строго по-деловому - там, где нужно, и так, как нужно. Правильно пел Стинг «Мягкости, простоте здесь не место». К Нью Йорку надо долго привыкать, подлаживаться, только тогда полюбишь. Или возненавидишь. К Марку относилось второе.

В Лос Анджелесе он сразу почувствовал себя как дома. Если бы не родители, никогда больше не наведаясь в родной Остин. Зак посчитал бы его предателем, но имелось подозрение, что он тоже проникся... если не любовью, то бо-о-ольшой симпатией к Элэй, хотя вслух ни за что бы не признался.

Сразу видно - город возвели художники с открытым сердцем и трепетной душой, которым захотелось создать красоту, и чтобы люди ею насладились. Наверное, они вдохновлялись сказкой про Аладдина – столько здесь восточных элементов: башни, дворцы, галереи, арки, фонтаны, пальмовые аллеи. Ночью они искусно подсвечены разноцветными лампами, лучи их расходятся вверх как веер, постепенно растворяясь во мраке.

Ночь здесь многоцветна, многолюдна, многообещающа - как в любом субтропическом приморском мегаполисе. И необязательно проводить время в ресторане или клубе. Здорово - просто проехать по улицам, неторопливо оглядеться по сторонам, заметить вещи, которые днем выглядят обычно, а ночью с оттенком волшебства.

Лос Анджелес – это не только солнце, волны и песок. Это город- впечатление. Когда-то он упорно трудился, чтобы заполучить мировую славу, теперь слава работает на него. Но город не остановился на достигнутом, он развивается, ищет новые идеи. Продолжает удивлять, увлекать. Обещает и исполняет обещанное.

Хотите прикоснуться к легенде Голливуда? Пожалуйста! Вот вам Аллея Звезд, кинотеатр «Кодак», Беверли Хиллз. Хотите знать, как снимались самые известные зрелищные фильмы – вот вам студия «Юниверсал». Хотите обозреть городскую панораму до самого горизонта, заодно полюбоваться на космические тела – вот вам планетарий Гриффит.

Оставайтесь с нами, мы не дадим вам заскучать – лозунг Элэй, и Марк любил его за креативность, беспокойство, доброжелательность.

Сейчас он смотрел на квадратные окна соседнего небоскреба и ощущал себя некомфортно. Буквально из ниоткуда, из пустого воздуха возникла проблема, которую ничто не предвещало еще четверть часа назад. Не проблема, а небольшое неудобство. Точнее сказать, полнейшая неопределенность. Девушка, танцующая под музыку двадцатилетней давности...

Чем она, собственно, его зацепила?

Нет, глупо. Ничего специального в ней нет. Глаза, фигура - да. Но недостаточно, чтобы надолго захватить мысли. Нет, ерунда. Расслабился после секса с Розалиной. Видимо, не до конца удовлетворился - только физически, а фантазия осталась неутоленной.

При виде незнакомки она встрепенулась, нарисовала соблазнительные картины, потребовала их осуществить. Все-таки, мужчины не так примитивны в сексе, как принято думать. У них богатая фантазия - стоит ли ее серьезно воспринимать? Нет, не стоит. Фантазия нематериальна - нечто эфемерное, расплывчатое, невозможное пощупать.

Блажь, несерьезно. Напридумывал чепухи - глаза цвета тумана... Романтик. Услышал старую мелодию, вспомнил первые юношеские порывы, перенес на девушку.

На самом деле она ничего из себя не представляет – типичная клуша, недалекая умом. Поговорить с ней пять минут, окажется толкушкой вроде той наследницы отельного бизнеса, которая ежедневно мелькает на телеэкране. Или замужней матроной с тремя детьми. Или любительницей собственного пола. Или вообще... мужчиной. Нет, хуже - инопланетянкой. Да мало ли фриков в городе!

Усмехнулся. Честно признаться - очень не хотелось, чтобы хоть одно из предположений оказалось правдой. Выяснить бы, но как? Пойти снова начать с ней разговор? Порасспросить в подробностях о личной жизни? О сексуальной принадлежности, количестве любовников, заодно - планах на ближайший уик-энд? Нет, о нейтральном - музыкальных предпочтениях. Нет, поздно. Попрошался до следующего четверга и возвращаться сегодня просто неприлично. Что он скажет? Простите, забыл полюбопытствовать...

Неудобно. Девушка насторожится – его поведение попахивает нездоровым интересом, который не пристало иметь шефу адвокатской конторы. Если она феминистка, ухватится, раскрутит скандал.

И что он перед ней растерялся? Свернул беседу, не спросив имени... Глупо. Но еще глупее оставаться здесь. Сейчас она придет наводить порядок, а он будет мешаться под ногами.

«Немедленно убираться отсюда!» - приказал себе Марк, подхватил портфель и быстрым, каким-то истерическим шагом направился к выходу. В коридоре он опять услышал музыку, приглушенно. И двери всех кабинетов стояли закрытыми.

Интересно, она все еще танцует или занимается прямыми обязанностями? - пришла нелепая мысль, когда он входил в лифт.

9.

Лифт был не из тех, что проскакивают десять метров за секунду, погружался в шахту не торопясь - если не останавливался на этажах, достигал вестибюля за четырнадцать секунд. Все это время Марк желал одного: чтобы она поскорее закончила... танцевать? убирать? Ну неважно... Закончила то, чем занималась.

Проходя через холл, он попрощался с охранниками, сидевшими за стойкой ресепшена, и вышел через служебную дверь в гараж. Нельзя сказать, что он пустовал, пара-тройка автомобилей в разных углах дожидались хозяев. У второй колонны, метрах в десяти стоял новенький, желтовато-перламутровый «Мерседес»-кабриолет на четыре персоны, сияя под лампой как елочная игрушка. Марк обласкал его глазами: цвет шампанского был цветом года и очень нравился.

Дилер уговаривал купить «Форд-фокус-спорт», но тот не понравился на вид – тупорылый, никакого изящества. Вдобавок стоил на три с половиной тысячи дороже и предназначался только для двоих. Удобно для романтического путешествия, но Марку не подходило – чаще, чем девушек, он возил родителей, которые регулярно наезжали из Техаса.

Он давно сделал выбор в пользу немецкой фирмы и ни разу не разочаровался. Нравился ее концепт - не поддаваться веяниям автомоды, не тратить время и деньги на оригинальные штучки, не имеющие практической надобности. Поднимающиеся двери или фары, открывающиеся как глаза - трюки для позеров, к которым Марк себя не относил.

Машина – это не одежда «от кутюр», которая только для показа. Она должна быть по старозаветному добротна, надежна, комфортабельна. И не шарабан на внешность.

«Мерседес» отвечал требованиям - рабочая лошадка королевских кровей.

Достал ключ с черным брелком и фирменным знаком, нажал кнопку дистанционного управления. Машина отозвалась радостным сигналом, будто крикнула хозяину – «я здесь!», отчетливо щелкнула замками, снимая блокировку дверей. Приятно с ней общаться, почти как с девушкой. В конце концов Мерседес – женское имя, так звали дочку основателя, и она была милашка.

В пустынном гараже шаги отдавались эхом под приземистым потолком. Марк сел за руль, мягко прикрыл дверцу, сумку с ноутбуком положил на пассажирское сиденье.

Заводить не стал. Решил подождать, когда выйдет прекрасная незнакомка. Ждал без большой надежды - она могла не иметь машины, приехать на такси или на автобусе.

Хм, сомнительно. Такси отпадает - слишком дорогой способ передвижения для уборщицы. Автобусы в этот район вообще не ходят или ходят с интервалом в три часа. Общественный транспорт - большая проблема города: местные жители предпочитают ездить на собственных авто, часто приобретая их прежде, чем телевизор.

В салоне становилось душновато. Снял пиджак, потянулся к кнопке, которая откидывает крышу. На полпути рука остановилась. Убирать верх неразумно - если девушка выйдет, тут же заметит, подумает: босс ее преследует. Нет, лучше незаметно подождать.

Приоткрыл окно.

Притаился в засаде, вроде бойскаута, поджидающего редкого зверя, чтобы запечатлеть на камеру и послать в National Geographic. Марк откинулся на спинку. Нет - скаутам подобный комфорт не снился: сидит развалившись, все равно что дома на диване. Вспомнил, как школьниками играли в разведчиков-шпионов – пролежали с Заком час в болоте среди лягушачьей икры, потом неделю головастиками воняли.

Сейчас он «воняет» одеколоном от Хьюго Босс и дезодорантом с примесью морского бриза, который отлично перебивает пот. Проверить? Приподнял руку, понюхал подмышкой – через рубашку не пахнет. Положил руку на сиденье, ощутил почти человеческое тепло.

Хорошо, не сэкономил на люксе. В разумных дозах он необходим: покрытые тонкой кожей кресла, подстраивающиеся под сидящего человека; система навигации, ловящая сигнал через спутник; круиз-контроль, облегчающий управление на прямой дороге. Над ветровым стеклом - спойлер, который овеивает сидящих теплым воздухом и в ночных поездках незаметным.

Шестицилиндровый мотор согласно спецификации без усилий разгоняется до двести сорока трех. Может, и больше - Марк на дороге не проверял, не будучи любителем бешеных скоростей. Три кнопки для установки скоростного режима приятно щекотали нервы своим присутствием. Только раз он опробовал их на профессиональном автодроме Сономы, в пламя-защитном комбинезоне и со шлемом на голове - похожий на астронавта, собравшегося испытывать ракету.

Сто сорок, сто пятьдесят, сто восемьдесят... От скорости захватывало дух. Марк вошел в раж, продолжал разгоняться, возбужденный сумасшедшей дозой адреналина, ворвавшегося в кровь. Дорога слилась в единую полосу, все, что за ее пределами - размазалось. Поначалу машина шла мягко, будто летела, потом стала подрагивать, и казалось - вот-вот выйдет из-под контроля. Нервы не выдержали, Марк решил далее не рисковать и отпустил педаль газа. Его личный рекорд – сто девяносто на прямом участке останется в анналах семейной истории.

«Мерседес» выдержал испытание, Марк тоже. Остался более, чем доволен. Уметь управлять машиной, которая за четыре и четыре десятых достигает ста километров – это ли не показатель успешности мужчины?

И не нужны никакие скоростные «Бугатти» - эти широкие, приземистые как крабы на колесах. Их покупают, чтобы тешить самолюбие, хвалиться в кругу приятелей: я могу разогнаться до трехсот! Ха, где они собираются разъезжать с такой скоростью? Не по городским же дорогам, где в час пик автомобили ползут медленнее невыспавшихся бомжей...

Верхние веки набухли и поползли вниз. Марк встрепенулся, пошевелился, сел прямее. Что-то замечтался он - сколько времени? Не пора ли ей выйти? Взглянул на часы, включив подсветку - семь минут одиннадцатого. Ему давно пора быть дома.

Что тут делает?

Поджидает таинственную незнакомку.

Для чего?

Глупо вообще. Ведет себя как озабоченный тинейджер. Ну, увидит ее и что дальше?

Хочет еще раз издали полюбоваться, получить «незабываемые» впечатления? Он их уже получил, полчаса назад, не хватит ли на сегодня?

Сейчас же прекратить заниматься дурью и уезжать отсюда!

Окончательно разозлившись на себя - и на девушку заодно, Марк потянулся к стартеру.

В тот момент со скрипом открылась дверь гаража и закрылась, бухнув как маленькая бомба. Марк повернул голову и замер – она! В ушах динамики, проводки тянутся в мягкую сумку с леопардовым принтом и бахромой по клапану. Сумка надета по-почтальонски - через руку и голову.

Девушка шевелила губами, напевая, и шла танцующей походкой, подпрыгивая или повторяя шаг. Ее ноги, полностью открытые для обозрения, стройностью заставили бы позавидовать

любую профессиональную модель. Марк напрягся, наклонился над рулем, вцепился глазами в соблазнительную картинку.

Не глядя по сторонам и не догадываясь о присутствии наблюдателя, девушка звонко цокала каблучками, будто дразнила Марка. Все так же пританцовывая, направилась к противоположному от «Мерседеса» ряду, где стояла одна машина: ярко-желтая, игрушечного размера «Мини» – выпуклая, как божья коровка.

Все ясно: девушка – шутница и насмешница, потому что серьезные дамы в таких глупо раскрашенных машинах не ездят. Значит, нельзя выставлять себя перед ней дураком или давать повод поиздеваться. Тем более, в первый же день. Если она его сейчас заметит...

Дождаться, когда она сядет в своего жука, Марк не стал. Повернул ключ, с места рванул «Мерседес» и, скрипя тормозами на поворотах, помчался к входному шлагбауму.

10.

По прибытии домой оставил машину отдыхать в гараже и первым делом отправился в душ, чтобы смыть дневной пот, запах Розалины и недовольство собой. Душ принял контрастный, несколько раз поменяв температуру и закончив ледяной струей, что отлично помогало взбодриться.

Обмотав бедра полотенцем, босиком прошел на кухню. Готовить полноценный ужин не имелось ни малейшего желания. Сделал бутерброд из сыра, бекона и черного хлеба, без аппетита загнал в желудок, только чтобы тот не ныл, не напоминал о своем пустом существовании. Достал из морозилки бутылку водки, из холодильника – свежий апельсиновый сок. Смешал в примерной пропорции «пятьдесят на пятьдесят», бросил кусочек льда – не собирался пить до забытья, лишь поднять настроение.

Что-то внутри точило – что-то неясное, не сформировавшееся в слова. Глотнул значительную дозу самодельного коктейля «водка-оранж», постоял в нерешительности на кафельном полу, приятно остужавшем подошвы. Отправился бродить по дому – бесцельно и гудя про себя как голодный зомби, не забывая регулярно прикладывать к стакану.

Ледяной алкоголь пьется легко. Вскоре его расслабляющее действие дало эффект: внутреннее напряжение опьянело, ослабело и успокоилось, хотя безмятежность, владевшая Марком после каждого удачно отработанного дня, не вернулась.

Тело отяжелело, в мышцах ощутилась усталость.

Он сбросил влажное полотенце, надел сухие трусы и грузно плюхнулся на диван, от чего подпрыгнули декоративные подушки по углам. Положил ноги на пуф, нажал кнопку пульта плазменного телевизора размером в полстены – комфортно, как в кинозале на одного.

На экране появилась заставка передачи «Новости Красного Ковра», другими словами – светские сплетни Голливуда. Выступала некая давно закатившаяся «звезда», перекроенная пластикой до уродства – если бы она ничего с собой не делала, выглядела бы лучше. Марк поморщился, но переключаться не стал: иногда он смотрел передачи не из интереса, а из отвращения. Дама начала предъявлять претензии к коллеге-актеру по поводу изнасилования, якобы имевшего место тридцать лет назад. Модная сейчас тема – призывать к ответу за грехи прошлого. Интересно, как она собирается доказывать? А, неважно. Не для того они выскакивают с «разоблачениями», чтобы восстановить справедливость. Напомнить о себе потребовалось.

Следом шел репортаж о второразрядной актрисульке, которую модные таблоиды стали подзабывать. Собираясь на какое-то торжественное мероприятие, она по местной моде «забыла» надеть трусы и, вылезая из машины, как бы «нечаянно» показала бритую «киску». Папарацци взвыли от удовольствия. На экране появилось фото неприлично оголившегося места с подробными комментариями. Тут же показали других именитых неудачниц, которых застукали в постыдный момент: с сиськами, выпавшими из декольте, или с голой задницей, мелькнувшей под короткой юбкой.

«Какие они все одинаковые сверху, снизу, сзади и спереди! - досадливо подумал Марк. – Подумаешь – новости. Показывают одно и то же уже лет десять, только имена меняются... Почему мы должны на все это смотреть? Торжество пошлости. Откуда повывлезали эти страшилища – с перекроенными лицами, телами и мозгами? Что умного они имеют сказать? Неужели ничего толкового редакторы не нашли поставить в передачу? Ах, да, лето. Мертвый сезон для новостей.»

Отвращение достигло точки кипения и поставило под угрозу душевное равновесие, достигнутое апельсиновой водкой. Марк принялся методично переключать каналы - один за одним. Когда дошел до «Планеты Животных», остановился, привлеченный картинкой великой миграции: через половину Африки бредут миллионы антилоп, за ними по пятам - хищники. Вот, и то приятней. Лучше смотреть на диких животных в естественной обстановке, чем на человеческий зверинец в декорациях студии.

Рассеянно глядя на крокодилов, терпеливо поджидающих жертв, Марк допил последнюю жидкость, покрутил стакан с нерастаявшими кубиками льда - наливать ли новую порцию? Нет, остановимся на этом. Лень вставать. Вдобавок не хочется пропускать новый документальный сюжет, который авторша из Кении с типично британской фамилией Гамильтон проанонсировала словами «Я двадцать лет снимаю животных, но такого не видела». Интригующе у нее получилось.

Африканский заповедник Серенгети – один из последних островков, где животные защищены от наступающей человеческой цивилизации. Героиня фильма - одинокая молодая львица, страстно желавшая иметь детей. Почему-то не везло ей в любви – самца, желавшего познать радость отцовства, в округе не нашлось.

Чего только она ни предпринимала: в поисках жениха обежала огромные территории, по большей части – вражеские, рискуя быть разорванной соперницами. Пыталась соблазнить бродячих львов. Однажды даже решила привлечь внимание оператора съемочной группы, ночью разодрав в клочки сиденье его джипа. Неужели инстинктивно угадала в нем мужчину?

По-честному стать матерью не получилось, она решила на воровство. Но украсть или найти беспризорного львенка – задача, обреченная на провал: львы своих сирот не бросают. Тогда она сделала нечто невообразимое - отбила у газели новорожденного малыша, едва стоявшего на дрожащих ножках-палочках, и увела с собой.

Самое странное - не съела его, а начала опекать, будто собственное дитя. На охоту не ходила, боялась оставить его одного - облизывала, обнюхивала, ложилась на бок, предлагая соски. В которых не имелось молока, и к которым малыш не был приучен. Промучившись с «матерью» дня четыре, он ушел от нее и умер по дороге. Она, голодная, поймала какую-то дичь, а потом опять попыталась отбить чужого ребенка. И опять с трагическим исходом...

Анонс оправдался, документалистке действительно удалось запечатлеть нечто необычное – сдвиг в психике львицы. Феномен, который, возможно, больше не удастся заснять в развитии - от появления идеи до трагического конца. Аномальные вещи в природе происходят нечасто. Это у людей сдвиги перестали быть явлением исключительным, у зверей четче срабатывает защитный механизм.

Следующий фильм – о приключениях Короля Кобры в индийских джунглях смотреть не стал, склонило ко сну. Но когда поднялся на второй этаж, почистил зубы, улегся в постель, сон улетучился напрочь. Поворочавшись с боку на бок, Марк смирился, лег на спину, вытянул руки вверх одеяла и уставил глаза в потолок. Такое бывало, главное не суетиться, не бежать за снотворным или новой дозой алкоголя - урегулируется само собой.

Перед мысленным взором промелькнули картины прошедшего дня.

Еще раз прокрутился сюжет об одинокой львице, ищущей приемыша. Потом мысли перетекли на запутанное дело «зеленой вдовы» Салливан, которое недавно принял в производство. Нет, оно подождет, есть вещи понаасущнее. Завтра закрытое совещание у судьи по делу об

убийстве ювелира Стратмана, в котором Марк защищает двоих подозреваемых. Раз уж сон не идет, стоит потратить время продуктивно – составить почасовой план следующего дня.

Работать продуктивно сознание отказалось.

11.

Сознание и не думало переключаться на что-то полезное, наоборот, капитально отвлеклось от темы. Взбодрилось. Эротически вдохновилось. Сексуально озабоченная львица на него подействовала, что-ли? В ушах зазвучала ритмичная музыка *Ace of Base*, перед глазами возникла девушка, элегантно танцевавшая в кабинете, который пришла убирать. Вспомнилось острое желание секса, которое она пробудила. Марк вздохнул. Сказать, что воспоминания были неприятными, значит соврать, но они причинили определенные неудобства...

Все, сон пропал окончательно.

Разозлился. Давно пора спать, а он разволновался, словно мальчишка, впервые посмотревший порно-фильм.

Резким движением откинул одеяло, вскочил с кровати, сбежал по ступенькам вниз. Включил телевизор. Нашел на ю-тубе клип песни «Все, что она хочет», сделал звук погромче. Устроился полулежа на диване, при первых же аккордах закрыл глаза. Колонки, которые он развесил по углам в дополнение к телевизорным, давали мощные басы и создавали эффект присутствия на концерте.

Марк представил танцующую незнакомку в роли героини клипа. Как там говорится: все, что она хочет - найти нового бой-френда на ночь. Что ж, он не отказался бы поработать одну ночь ее другом. Девушка симпатичная. Более того - выглядит привлекательнее многих голливудских звездочек, регулярно забывающих надевать трусы и не стесняющихся показывать самое интимное.

Вот она мягкой походкой сексуально возбужденной львицы подходит к Марку. Медленным движением расстегивает застёжки сарафана, откидывает одну бретельку, другую. Сарафан слетает с плеч, под ним - ничего, ни блузки, ни трусиков. На самом деле неправда, но так проще, это же его воображение, значит, он - хозяин сюжета. Она, голенькая, гладенькая садится Марку на колени, наклоняется, собираясь поцеловать в губы. Нет, в губы он незнакомых не целует - чтобы заработать его поцелуй, нужно подольше с ним пообщаться.

Ладно, не отвлекаться на мелочи, пора переходить к главному. А то песня кончится, без нее неинтересно. Так, готов ли он? Ха, глупый вопрос. Давно готов, трусы едва не лопнут. Провел горячей ладонью по своему «лучшему другу» - он набух и трепетал. Предвкушая следующий шаг, Марк втянул в легкие побольше воздуха и...

Музыка затихла. В самый неподходящий момент.

Открыл глаза, еще замутненные видениями, посмотрел на застывший экран и чуть вслух не спросил: в чем дело? Прервали на самом интересном месте...

Да, техника полезна, но бесчувственна. А также безжалостна и безответственна. «Черт побери, что теперь делать? - панически воскликнул внутренний голос. Остановиться на полпути? Посмотреть порно? Удовлетвориться под собственное воображение?»

Ни одно предложение его второго «я» не подошло, другие искать возбужденный мозг был не в состоянии - аналитические ресурсы заблокированы. Мозг настойчиво призывал хозяина решиться на что-то конкретное и побыстрее - орудие на взводе, как пушка, приготовившаяся к выстрелу. Об остановке или паузе не может быть и речи – зачем тогда начинал? Не юноша-девственник, знал, на что шел.

Горячечно соображая, еще раз прокрутил предложенные внутренним голосом варианты - может, поторопился их отместить? Коротко подумав, подтвердил: нет, не поторопился.

Порнофильмы удовольствия не приносили: одному смотреть неинтересно, быстро надоедают однообразием, отсутствием человеческих эмоций. В них чисто технический процесс

– как видео-инструкция: в этом положении следует делать вот так, в другом так. О любви забудьте, у нас конвейер.

Мастурбировать Марк не любил. Пробовал, давно, как все - в подростковом возрасте, когда по ночам просыпался в поту, теребил толстенького, чтобы сбросить напряжение. С возрастом отказался от самоудовлетворения – удовольствия мало: все равно, что целоваться с отражением в зеркале или напиваться водиночку. Конечно, есть любители и того, и другого, но подобные отклонения не для Марка. Все-таки секс – это не только начать и кончить одной рукой. Это действие социальное, целый ритуал для двоих, которых связывает как минимум взаимная симпатия.

Эх, не до романтики.

Чрезвычайная ситуация, хоть Розалину на дом вызывай! Идея вообще забавная. Интересно, приехала бы она среди ночи выручать босса?

Дурацкие мысли, она сейчас сладко спит. Или занимается тем же, чем недавно занималась с ним в кабинете, только теперь с мужем. Или с другом. Или - кто там у нее на постоянной основе. Ночной звонок может оказаться очень некстати, повредит ее репутации. Если это еще возможно...

Придется разруливать самому.

Поднялся. Прошел по короткому коридору на левую сторону дома, отодвинул прозрачную стену-дверь, вышел на выложенную выпуклыми камнями террасу. Встал у кромки бассейна в виде буквы «S». Голубые фонарики подсвечивали воду, позволяя рассмотреть на дне синих, прыгающих дельфинов, сложенных из мозаики.

Сейчас он составит им компанию.

Сбросив давно мешавшие трусы, Марк без разбега нырнул в воду. Холодная среда охватила тело, резко, неожиданно. Приятно-остужающе. Вынырнул на поверхность, поплыл спокойным кролем – самым подходящим стилем для небольших водоемов: попеременно взмахивая руками, шустро шевеля ступнями как моторчиком.

Долго плавал он кривыми дорожками - из одного конца «S» в другой, не обращая внимания на время – ночью оно течет незаметно, теряя цифровое значение.

Когда прилично утомился, перевернулся на спину - отдохнуть.

Раскинув руки-ноги, лежал на воде, смотрел в черное, бархатное небо. И недоумевал: чем задела его девчонка, танцующая сама с собой под музыку девяностых?

12.

Будильник заорал панически, будто ожидал атомного нападения и задался целью разбудить хозяина во что бы то ни стало.

Не открывая глаз, Марк прихлопнул его, как зудящую муху, и перевалился с живота на спину, отодвинув подушку в сторону. Спать в таком положении не мог абсолютно, зато полезно для выпрямления позвоночника. Вскакивать тотчас нет нужды, полежит минутку с закрытыми глазами, чтобы спокойно и без стресса возвратиться в жизнь.

Долго наслаждаться покоем не получилось: будильник про него не забыл, вскоре заверещал снова, показалось – еще более истерично. Чтобы окончательно его отключить, требовалось произвести некоторые манипуляции с кнопками. В том, собственно, заключалась хитрость данного аппарата: когда человек сосредоточится на отключении, окончательно проснется и поймет - пора вставать, заниматься повседневной рутинной.

Будильник замолк с чувством исполненного долга, услужливо высветив время «шесть-тридцать две». Марк поставил его на столик, выполз из-под одеяла, спустил ноги, сел - локти положил на колени, ладонями накрыл лицо. Какая-то неуютность в теле, не сказать, что разбитость, но недосып.

Дело поправимое, несколько упражнений и здоровый завтрак вернут радость существования в организм.

Вышел на балкон.

Солнце вставало из-за гор сзади, с этой стороны еще лежала тень, утром разница температур на солнечной и теневой сторонах порядочная. К голой коже прикоснулась прохлада и прокатилась мелкими мурашками. Марк встряхнулся, потянулся, сделал десятиминутную гимнастику, пробуждающую мозг и активирующую мышцы. К бассейну не пошел, ночью наплавался, ограничился душем и – на кухню.

С утра предпочитал желудок не нагружать, употреблял легкий завтрак: поджаренный хлеб, накрытый сыром, ветчиной и листом салата, стакан апельсинового сока. Мюсли и хлопья, разрекламированные в качестве здоровой утренней еды, не употреблял – они невкусны и бесполезны, содержат слишком много сахара, о чем реклама не упоминает.

Также не верил в бодрящий эффект кофе. Зачем искусственно тонус накручивать? Кофе не так безобиден, как многие утверждают. После чашки чисто черного ощущается кратковременный подъем, который вскоре превращается в свою противоположность. Тонус падает, организм слабеет, требует новой возбуждающей дозы - чем не наркотическая зависимость в легкой форме, продолжающаяся всю жизнь?

Не для Марка. Он терпеть не мог быть зависимым.

Сделав бутерброд, уселся на высокий стул – такие стоят в барах у стойки. Его стойка – узкий столик у окна, там принимал пищу, когда жил один. Когда приезжали гости, чаще всего - родители или дядя Саймон, устраивались за полноценным, обеденным столом на границе открытой кухни и гостиной.

В окне виднелся забор из вечнозеленых кустов и далее красная черепичная крыша соседнего дома – картина, которая не менялась ни с сезонами, ни с годами.

Медленно пережевывая, Марк прокручивал дневной распорядок: в контору с утра заезжать не будет, сразу во Дворец юстиции. Он здесь же, в Пасадене – только спуститься с холмов, где жилые кварталы, на уровень побережья, где деловые здания. В полдесятого у судьи Маллиган предварительные переговоры адвокатов и представителей обвинения - по делу об ограблении ювелирного магазина со смертельным исходом для его хозяина, к сожалению.

Да, убит образцовый гражданин сорока двух лет Рик Стратман, примерный муж и отец. Нелепая смерть, но как адвокат подозреваемых, Марк больше сочувствовал им, чем близким жертвы. Никакого цинизма, он всего лишь следовал профессиональному правилу «уметь регулировать эмоции», иначе не стоило лезть в мир преступлений и наказаний. Подзащитный – прежде всего человек. С ним работать легче, если проникнешься симпатией, или хотя бы поймешь мотивы поступка.

Здесь опять-таки важно не переходить границу. Понять – и не более того. Не углубляться, не пытаться проникнуть в чужую душу. Не изображать эдакого душеведа-психиатра, какими часто показывают адвокатов в кино. В реальности таких не существует. Адвокат – не доктор и не исповедник, а холодный, расчетливый профессионал, работающий на собственную репутацию. Неважно, на чьей стороне находится - каждое дело должен вести качественно, рассматривать как экзамен на профпригодность.

Убийство Стратмана произошло «на глазах» у наблюдающих камер. Двое подонков, прости, подозреваемых - один белый, другой латино - среди бела дня ворвались в ювелирный магазинчик недалеко от блошиного рынка «Роуз Боул». Один потребовал выручку и направил пистолет на продавца, который одновременно являлся хозяином. Другой попытался вскрыть витрину, где лежали часы, кольца – кстати, неновые, не представлявшие большой ценности.

Стратман нажал кнопку блокады витрин и далее вел себя адекватно - не угрожал, не ругался, призывал парней отказаться от грабительской затеи и удалиться. К его несчастью, нападавшие – молодые люди, неопытные в криминальных делах, слишком нервничали и спешили.

Тот, что с пистолетом, выстрелил, скорей всего – не справившись с волнением, на съемке видна его дрожащая рука. Попал с первого раза, убил на месте, вмиг оставив сиротами четверых малолетних детей. После чего грабители потеряли последнее самообладание и, не взяв ни одной вещицы, скрылись на поджидавшей машине.

Были пойманы на следующий день. Классические неудачники: даже не потрудились закрыть лица, собираясь на такое ответственное дело как вооруженный грабеж. Полезно бы знать - в Калифорнии за него выносят смертный приговор, если есть жертвы.

Жертва есть, подозреваемые в наличии – адвокат мог бы с чистой совестью спустить дело на тормозах и считать успехом, если удастся отвести угрозу казни. Для того потребуется лишь раскопать пару смягчающих обстоятельств: обычно это семейные проблемы, трудное детство и так далее - задание для стажера. Потом на совещании у судьи поторговаться насчет тюремного срока и сдать папку в архив.

Слишком просто для Марка. Он готовился показать высший пилотаж – не только отвести казнь, но значительно сократить срок заключения или вообще обойтись без него. В любом деле, буквально – в любом, можно найти факты и зацепки, которые сработают в пользу клиента. Грамотно преподнести их на процессе - в том профессионализм, отличие мастера от ремесленника.

Каждая удача адвоката – это золотая звездочка на репутации его конторы. Качественная работа не остается незамеченной средствами информации. Журналисты – двигатели популярности. Удастся привлечь их внимание – широкая известность обеспечена, а это важнейшее условие для процветания бизнеса в городе, где конкуренция смертельна.

Элэй – не место для слабаков, здесь действует закон джунглей «выживает сильнейший». Если ты сюда приехал, значит решил состояться в жизни и просто обязан быть успешным. Иначе умрешь от зависти или останешься ни с чем.

Ни то, ни другое Марку не подходило.

13.

Название «Город ангелов» красивое, но не соответствует содержанию: чтобы выжить в богатом, богемном Лос Анджелесе, надо обладать дьявольской настойчивостью. Жестокостью к себе. Уметь сдерживать желание быстрых денег, каждый день глядя на соблазны: на беззаботную толпу, гуляющую днем и ночью по городским бульварам; на витрины, кичащиеся дорогими товарами; на автомобили престижных итальянских фирм, запросто припаркованные у ресторанов. Богатое окружение действует на людей двояко: слабых заставляет завидовать, сильных заставляет стремиться.

Стремиться честно заработать хорошие деньги.

Как?

Очень просто - надо выбрать подходящую профессию и забыть про лень. Надо сделаться маньяком идеи, постоянно думающим «как стать лучше». Трудоголиком, нарабатывающим те самые десять тысяч часов, после которых приходит мастерство. Быть дотошным до мелочности. Развиваться. Учиться. Пробовать. Не жалеть себя, не распускать соплей – «надоело, устал, сделаю в другой раз».

Кредо офисного планктона - сидеть в кабинете с девяти до шести, томительно дожидаясь вечера. Кредо успешного человека - каждый день выкладываться по полной, выжимать себя до последней капли.

Человеческий планктон подобно морскому тезке не напрягается: качается на волнах, выживает на инстинктах – секс, еда, туалет. Успешный прет против течения.

Для того требуется дерзость и сильнейшая мотивация.

Вот она. Поставить работу наверх в списке приоритетов. Уверить себя, что не можешь без нее жить. Сделать ее своим хобби. Своей женой. Своей страстью. Своим богом.

Эту формулу Марк открыл давно, случайно и вовремя.

Однажды подростком гостил у дяди Саймона, и тот предложил принять участие в соревнованиях виндсерфингистов. Марк никогда прежде парусной доской не управлял и согласился ради интереса, на победу не рассчитывая. Пару часов позанимался с тренером, который показал – как ловить ветер и держать баланс.

К удивлению своему и дяди – занял второе место, получил грамоту, где стоял девиз: «Если не умеешь водить паровоз, стань хорошим кочегаром».

Другими словами – занимайся в жизни тем делом, которое получается лучше всего, и придет успех. Марк запомнил и применил.

Вот сейчас: мозги в боевой готовности, то, что происходило вчера, ночью или пять минут назад забыто. День – время для бизнеса, отвлекаться на постороннее, значит вредить себе. Марк смотрел в окно и не замечал ни плавной линии гор в далекой перспективе, ни продолговатых «цветков колибри» в саду. Прокручивал в уме речь перед судьей, проверяя, не упустил ли какой детали.

Допил сок, взял портфель с ноутбуком и вышел через дверь прямо в гараж.

«Мерседес» стоял в ожидании хозяина, отливая по-новому сверкающими боками. Марк приобрел его месяц назад и еще не успел привыкнуть как к повседневному атрибуту. Осмотрел любовно, погладил. Наверное, раньше так осматривали и оглаживали своих боевых коней рыцари-крестоносцы.

Да, хороша железная лошадка с мотором мощностью в четыреста сородичей и футуристическим экстерьером.

Машина завелась с пол-оборота, вроде только от прикосновения ключа. Стоит опустить крышу – по доброй калифорнийской традиции погода каждый день отличная: августовский дождь в Элэй такой же нонсенс как песчаная буря на Аляске. Марк дождал двадцать секунд, пока крыша полностью спряталась в корпус, установил «задний ход» и выехал на дорогу.

Автоматическая коробка передач позволила плавно набрать скорость и не отвлекаться на постоянное передвижение рычага. «Мерседес» миновал извилистые улочки спального района Пасадены и помчался к бульвару Колорадо.

Управлять одно удовольствие, Марк откинулся в кресле, оно мягко подстроилось под позвоночник, будто обняло за спину. Сидишь как на диване перед телевизором, только картинки возникают не на плоском экране, а в формате триД.

Включил радио, указатель которого стоял на волне один-восемь-один FM. Возникла станция «Музыка бриза», которую Марк любил слушать в дороге. Их программные предпочтения – старая и новая качественная музыка, спокойная, не мешающая думать. Деликатные ведущие встречали нечасто и лишь с короткими репликами.

Шла популярная передача «Доброе утро, Калифорния». Бодрый мужской голос объявил: - С добрым утром, друзья! В Лос Анджелесе двадцать четыре градуса сентиградусов, самая комфортабельная температура, чтобы слушать радио. Продолжаем программу...

И завел знаменитый саунд-трек к фильму «Грязные танцы». «The Time Of My Life» - песня написана тридцать лет назад и не устарела ни на йоту.

- Это-время-лучшее-в-моей-жизни... - Марк в полный голос затянул вступление вместе с Биллом Мидли.

Настроение подпрыгнуло на десяток делений по шкале Фаренгейта.

Хорошо, что остались радиостанции, которые игнорируют громогласные, современные опусы, написанные компьютером - не вдохновляющие и не пробуждающие чувств. Испортили диджей музыкальный вкус молодежи: сидят у себя в студиях, комбинируют ритмы, потом крутят на массовых дискотеках – сплошной грохот.

Заводили бы спокойный, мелодичный «поп». Хоть ругают его поклонники «рока», а лучше ничего не придумали.

Удачные композиции взлетают на вершины хит-парадов, имена исполнителей становятся известны всему миру. И пусть большинство останется бабочками-однодневками, одна удачная вещь обеспечит им место в истории поп-культуры.

Самый яркий пример – «Отель Калифорния». Сорок лет в списке популярных синглов на первом месте.

А кто вспомнит сейчас гремевшие когда-то рок-группы? Кроме «Роллинг Стоунз», пожалуй, назвать некого. И то только потому, что «Стоунз» – редкие долгожители на эстраде, до сих пор выступают. Вообще-то молодцы, надо отдать им должное - не спились, не увлеклись наркотиками на волне успеха.

«Надо бы разок сходить на них, послушать классику, ту же «Сатисфэксен», - думал Марк, развлекая себя абстрактными темами, чтобы не начать нервничать в пробках. На концерты он ходил пару раз в год обязательно – для поднятия энергетического тонуса. Ощутить заводную атмосферу шоу, энтузиазм исполнителей, слиться с публикой в единый организм, немножко сойти с ума, орать до хрипоты, отбивать ладони аплодисментами – это разрядка от повседневности и мощнейший адреналин. Это впечатление жизни.

Как-то ходили с Заком на концерт Гари Кларка Джуниора. Марк о существовании его раньше не знал и понадеялся на вкус друга, уж очень тот расхваливал, вроде Гари Кларк – новый Джим Хендркс и все такое. Тогда почему о нем мало кто слышал? Во всяком случае по телевизору ни разу не показывали...

И не покажут. Этот парень – талант, а таким не место на музканалах и на раздачах премий. Там только полуголые девочки да мальчики с тонкими голосами. А Гари Кларк, кстати тоже техасец, поет по-мужски и на гитаре играет не хуже Стиви Рэй Вона.

Да, старина Стиви, рвущий гитарные струны - как противовес слащаво-миловидным парням из «*West Life*». Марк их недолюбливал: монотонность композиций, однообразие исполнения - слушаешь одну песню, остальные копия. Пусть от них впечатлительные девочки-подростки с ума сходят. Он предпочитал представителей своего пола, с явно выраженной харизмой самцов, как нестареющий Том Джонс - динозавр шоу-бизнеса. Или Бон Джови. Брайан Адамс из той же когорты. Этот в жизни немногословный канадский парень удачно соединил энергетику рока с мелодичностью попсы. Чутко улавливает веяния времени, приспосабливает к собственному стилю, держит себя в форме – вот секрет эстрадного долголетия.

Ну, неважно все это. Лирика в пятницу утром.

От вчерашней хандры не осталось следа, Марк чувствовал себя отлично. Подставил лицо солнцу и ветру, зарядился от них новым электричеством, прилив которого физически ощутил в мышцах.

Настроение хищное, как у льва, который сидит в засаде - пригнул голову, сосредоточил взгляд на крутобокой, сочной зебре. Она продолжает безмятежно щипать травку и пока не знает - сегодня удача не на ее стороне.

А на стороне интеллектуально сильнейшего.

Еще раз прошелся по аргументам, которые подготовил для сегодняшнего заседания. Вывести клиентов из-под угрозы смертной казни – дело его профессиональной чести. А если вдобавок удастся скостить срок – будет повод погордиться.

Переговоры в судейской комнате – своего рода рынок, где в роли товара подозреваемый. Адвокат и обвинитель торгуются: предлагают цену, то есть наказание, рассматривают предложение противника, пытаются убедить судью, ищут компромиссы. Здесь не работает фактор удачи, не бывает мелочей или случайностей, например: ни в коем случае нельзя здороваться с судьей потной от нервозности рукой - провал обеспечен.

Допустимо легкое волнение: ведь адвокат - не бесчувственный Терминатор. Лишь чуть-чуть Марк на него похож. Уверенностью в себе. Целеустремленностью. И самообладанием: когда войдет во Дворец юстиции, обретет железное спокойствие.

14.

Пасадена – город «старых денег», родилась во времена «золотой лихорадки» и строилась в красивом, классическом стиле – с колоннами, барельефами, скульптурами, арками, галереями. К наследству старателей здесь относятся с уважением и поддерживают в идеальном порядке: именно старый город – главная местная достопримечательность, так называемый «туристический магнит».

Которым не грозит стать Дворцу юстиции – это архитектурный антишедевр, современная коробка в стиле «минимализм» из стекла и бетона. Ко входу ведет ряд прямоугольных портиков, обвитых зелеными лианами с мелкими, бело-розовыми цветками. Создается впечатление галереи без потолка и стен – единственный оригинальный элемент композиции.

В начале галереи – лестница. У подножия ее собралась толпа: журналисты с микрофонами и операторы с камерами на плечах. Марк не думал, что они пришли по его делу. Да, убийство, да бессмысленное. Но слишком обыденное, не тянет на сенсацию. Такие случаются в лос-анджелесовском мегаполисе чуть ли не каждый день и не удивляют обывателя.

У дверей охранник. Марк предъявил удостоверение, вошел. Внутри здание роскошно отделано мрамором и более отвечает названию «дворец». Мрамор – звонкий материал, отражает шаги, голоса и малейшие шорохи, усиливая их, будто чувствительный микрофон. Гул висит под потолком, создавая впечатление живого человеческого улья.

Попетляв по проходам и лестницам, Марк нашел нужный кабинет.

Там было пусто и темно, странно тихо после гудящего коридора. Шторы-жалюзи закрыты, электричество не включено, ощущение – кабинет еще не проснулся. Нажав клавишу выключателя слева у двери, Марк пробудил верхние лампы дневного света. Поморгав спросонья, они загорелись белым холодным цветом, подчеркивая беспристрастную официальность помещения.

Стол для совещаний – черный, удлиненный. Марк устроился с правой стороны, вытащил папку с бумагами, пробежался по тексту, выискивая не столько логические просчеты, сколько грамматические. Текст перейдет в чужие руки, ошибки-опечатки нежелательны, пока есть время – найти и исправить. Пару раз черкнув ручкой, разложил по стопкам: эта судье, эта обвинителю, эту отдать стажеру. Пусть учится у старшего коллеги составлять деловые бумаги – связно и весомо, именно с теми аргументами, которые должны повлиять на приговор.

Он был удовлетворен. От мысленных похвал себе удержался, чтобы не сглазить. Известно, насколько гуманно сегодня настроение у судьи Маллиган. Честно говоря, снисхождения подозреваемые не заслуживали – убит достойный гражданин, четверо детей остались сиротами. Но Марк в подобных случаях дистанцировался от общечеловеческих принципов, просто делал свою работу и старался делать ее хорошо.

В данном случае он работал по системе «про део», то есть бесплатно. Для обвиняемого. Свое вознаграждение адвокат, конечно же, получит – не из кармана подзащитного, а от правительства штата.

Штат субсидировал систему «про део» не в полном объеме. Из-за чего опытные адвокаты неохотно соглашались защищать малообеспеченных клиентов. Но подчинялись системе, которая решила, что отсутствие доходов не должно являться барьером для получения юридической помощи – это входит в понятие «прав человека». Потому время от времени крупные адвокатские конторы участвовали в полублаготворительных проектах типа «про део», чтобы показать лояльность закону и социальную причастность.

Однако, никто не станет работать себе в убыток, тем более акулы юриспруденции. Они получают двести пятьдесят долларов в час – это минимальная ставка, и не намерены терять ни цента.

Недобор в финансовом отношении восполняют другим способом. Занимаясь клиентами за меньшие гонорары, они рассчитывают на бесплатную рекламу – вещь, которая ценнее денег.

Очень часто получается, что дела «про део» приобретают широкий общественный резонанс. Потому что именно в тех социальных кругах, которые не в состоянии оплатить дорогого защитника, происходят наиболее шокирующие вещи.

Мечта любого адвоката, тайная, конечно, подцепить клиента, совершившего нечто «из ряда вон» – маньяка или насильника. Неплохие дивиденды приносят также любители детского порно и сутенеры, заставляющие несовершеннолетних заниматься проституцией. А уж если удастся заполучить сходявшего «налево» известного актера или политика, адвокат может считать, что жизнь удалась.

Строго говоря, он никогда не проиграет, гонорар получит или деньгами, или славой. Ради того старается изо всех сил - с энтузиазмом, который иногда прессует здравую логику. До такой степени, что народ стал осторожным: при покупке дома первым делом спрашивают – не проживает ли по соседству адвокат.

15.

Стукнула дверь, Марк повернул голову. В комнату вошла офицер юстиции Дженифер Джекман, его старая знакомая. *Очень* хорошая знакомая.

- Привет, Марк! – поздоровалась Дженифер, пожала руку и устроилась за столом несколько в стороне.

Тоже достала папку. Открывать не стала, положила руки сверху, демонстрируя тщательный маникюр и гладкую кожу с коричневатым оттенком, доставшуюся ей от далеких мексиканских предков.

Дженифер стопроцентно подходила под определение «женщина, следящая за собой». Блестящие здоровьем, темные волосы до плеч. Умеренно-продуманный макияж. Тонкая талия, плоский живот. Прямо-таки героиня сериала про сексуальных прокуроров и озабоченных адвокатов - кажется, «Лабиринты правосудия» назывался.

На ней двойка цвета мокрого песка: обтягивающий грудь жакет с коротким рукавом, обтягивающая бедра юбка выше колен. Цвет умеренный, фасон строгий, может, чуть фривольный для Дворца юстиции: костюм подчеркивает сексуальные выпуклости и отсутствие жира – так девушка не виновата, что стройна.

Наклонив голову, она взглянула на Марка, и глаза ее сверкнули. Они не впервые встречались в качестве оппонентов в судебном разбирательстве, но деловое противостояние не означало междоусобной вражды. Марк и Дженифер придерживались правила «профессиональное и личное держать раздельно», из которого вытекало другое правило «наедине служебные вопросы не обсуждать».

- Как дела? – спросила она нейтрально.

- Отлично! А у тебя?

- Тоже. Жарко сегодня...

- Август. Сейчас бы в океан залезть, остыть немного.

- Точно! Поскорее бы придумали охлаждающую одежду типа «колд-пак». «Термо-пак» уже есть – для ныряния в арктических водах. Пора изобретателям позаботиться и о нас, жителях тропического климата.

- Имеешь ввиду одежду со встроенным холодильником?

- Ну, что-то вроде того.

- Подай заявку в Принстонский университет. Там наверняка найдется гениальный мозг, схватится за твоё предложение. Еще гонорар получишь за удачную идею.

- Хороший совет. Обязательно воспользуюсь. Когда дела закончу. Только боюсь – тогда уже зима наступит.

- Много работы?

- Невпроорот. В этом году по городу какая-то криминальная волна прошла, - сказала Дженифер и тут же сменила скользкую тему. - Ты в отпуск уже ездил?

Ответить Марк не успел. В комнату вошла его помощница Сьюзи с практиканткой, и второй офицер обвинения - ассистент Дженифер. Внутри каждой группы завязался негромкий разговор, не имевший отношения к делу, так, дежурная болтовня - про погоду, пробки и смог.

Немного погодя явилась судья Тереза Маллиган с суровым лицом и короткой, колючей стрижкой. Это была дама в возрасте, который расплывчато определяется «далеко за пятьдесят» - когда женщина не только теряет внешность, но и желание о ней заботиться. Черная служебная мантия безразмерного покроя не давала ни малейшего представления о ее объемах. Точно такие одеты на советниках: чернокожей женщине с серьезным взглядом и мужчине с двойным подбородком.

Бодро поздоровавшись за руку со всеми, Маллиган устроилась на центральном месте за столом, положила раздутую папку перед собой и, надев очки, начала в ней копаться. Нашла бумагу, пробежала глазами, предложила начать обсуждение.

Первой слово получила Дженифер. Вставать не стала – заседание неофициальное, скорее деловая беседа.

- Обстоятельства происшествия повторять не буду, они присутствующим известны, - начала она уверенным тоном, который одинаков у всех представителей ее профессии. От недавней мягкости, с которой он разговаривала с Марком, не осталось и следа. - При рассмотрении срока наказания для подозреваемых Вернера и Хименеса мы учитывали крайнюю социальную неадаптированность, выразившуюся в том, что они нигде не работали и не учились.

Далее Дженифер читала по листку:

- Преступление первой степени, характеризуется как особо тяжкое. Мистеру Вернеру ставится следующее в вину. Незаконное хранение и ношение оружия, попытка ограбления в крупных размерах, соучастие в убийстве по заранее составленному плану и при отягчающих обстоятельствах, неоказание помощи пострадавшему, а также хранение наркотических средств, в данном случае – героина. На основании чего сторона обвинения просит для него пожизненного тюремного заключения.

Мистеру Хименесу вменяется то же самое, но так как именно он стрелял в жертву, считаем справедливым применить к нему смертную казнь.

Закончив читать, Дженифер строго оглядела присутствующих, словно еще раз хотела подчеркнуть: смертная казнь – мера исключительная, и если обвинитель ее запрашивает, значит имеет основания.

Звучало весомо. Марк так и предполагал: от прокурорской стороны не следует ждать снисхождения, тем более в случае убийства. Счастье Вернера и Хименеса в том, что защитой занимается он – Марк Руттенберг, который сейчас не оставит камня на камне от приведенных доводов.

Подождал, пока судья сделает заметки и передаст ему слово. Начал речь, не заглядывая в бумаги – плюс в его копилку.

- Ваша честь. Защита считает предложенное наказание необоснованно жестким. Прошу выслушать факты, которые не учла уважаемая офицер юстиции. В пользу смягчения приговора свидетельствуют следующие обстоятельства. Во-первых, на момент совершения преступления оба подозреваемых были несовершеннолетними...

- Да, но в исключительных случаях закон позволяет применять к ним взрослые меры, - встрял было помощник Дженифер.

Марк не дал сбить себя с толку. Ответ именно на это возражение подготовил загодя.

- Ошибаетесь. Вспомните дело 2005 года «Руперт против Симмонса». Именно после него в штате Калифорния запретили смертную казнь для несовершеннолетних, - отчеканил он и продолжил: - Во-вторых, оба находились в подавленном психическом состоянии. Имели далекую от идеальной обстановку дома. Мистер Вернер воспитывался одинокой матерью с тремя детьми. Алиментов она не получала. Чтобы содержать семью, работала днем посудомойкой

в ресторане и три ночи в неделю - сиделкой в больнице. Сами понимаете, оказать полноценное внимание каждому ребенку при таком распорядке затруднительно. У мистера Хименеса положение не лучше. Биологических родителей не знал. В возрасте восемнадцати месяцев был отдан в приемную семью. Всего сменил их шесть.

Что касается убийства ювелира Стратмана. Подзащитные не имели преступного намерения, заранее не составляли план убийства. Идея ограбления возникла спонтанно, когда проходили мимо магазина. Пистолет нашли за день до того – в парке на обочине. Пакетик с остатками героина, найденный в бардачке машины, принадлежал скорее всего ее прежнему владельцу.

Что касается социальной адаптации. Мисс Джекман сильно преувеличивает. Подзащитные - вполне социально приспособленные, можно сказать образцовые граждане. Соседями и друзьями характеризуются положительно. Ранее в сводки полиции по криминальным нарушениям не попадали. Мистер Вернер два месяца назад собирался поступать на курсы водопроводчиков. В деле есть его заявление, датированное двадцатым мая. Мистер Хименес в прошлом году учился на водителя, но заболел и пропустил экзамены. Был отчислен из школы. Собирался в этом году восстановиться и продолжить профессиональное обучение.

Теперь самое главное. В расследовании происшествия полиция допустила ряд грубейших ошибок. Еще до того, как подозреваемых арестовали, в прессе и на телевидении появились их незаретушированные фото и кадры с видеокамеры ювелирного магазина. Позвольте напомнить. Обнародование фотографий несовершеннолетних с сопровождающим текстом о причастности к тяжкому преступлению является нарушением гражданских прав, гарантированных Конституцией Соединенных Штатов, - произнес Марк веско, словно выступал в Конгрессе. Ничего, немножко театральности не помешает.

- Публикация была необходимой мерой, - опять встрял помощник Дженифер. – Именно по фотографиям преступники были опознаны и, в конце концов, задержаны.

- Да, понимаю. Но закон есть закон. Преступником может назвать подозреваемого только суд. В штате Калифорния публикация фото, сопровождающаяся порочащей информацией, запрещена. Кроме того, при задержании полиция применила слишком жесткие методы, хотя подозреваемые сопротивления не оказывали. Получили следующие травмы. У мистера Вернера - ушибы головы, синяки на спине и подбородке, разбита губа. У мистера Хименеса вдобавок трещина ребра. Вот акт медицинского освидетельствования. Прошу не забывать, подозреваемые – молодые люди с неустановившейся психикой. Им требуется профессиональная помощь, а не смертельная инъекция. Заключение. Применять к подзащитным меры наказания, предусмотренные для взрослых, как предлагает офицер юстиции, считаю необоснованным.

- Какое наказание считает справедливым защита? – спросила судья с едва заметным сочувствующим оттенком.

- Учитывая вышеназванные процедурные нарушения и смягчающие обстоятельства, о которых я сказал, предлагаем следующие сроки. Для Вернера - три с половиной года в тюрьме со свободным режимом. Для Хименеса – шесть лет пять месяцев, режим усиленный, но ни в коем случае не сажать его к рецидивистам. Для обоих - с возможностью досрочного освобождения по истечении двух третей отсидки.

Дженифер посмотрела на Марка с осторожным восхищением: запрошенные сроки до смешного малы - как для воришек, но аргументы его сильны и наверняка не останутся без учета.

Судья Маллиган поглядела поверх очков в сторону обвинителей – не желают ли чего добавить?

Не желали.

Повернула голову налево-направо к советникам – не имеют ли вопросов.

Не имели.

- Суд отправляется на совещание, - сообщила Тереза Маллиган, поднимаясь. – Вернемся через полчаса.

Все трое синхронно поднялись и друг за другом вышли в смежную комнату, откуда послышалось сначала двигание стульев, потом приглушенный разговор.

Вернулись раньше - видимо, дело не вызвало разногласий в судейском стане. Маллиган полностью согласилась с предложением адвоката, но чтобы показать себя беспристрастной и не разочаровывать прокурорских, увеличила каждый срок на год.

Вердикт вынесен, можно расслабить суровую маску на лице. Судья улыбнулась кончиками губ, поблагодарила участников совещания и покинула комнату.

Пока помощник собирал бумаги, Дженифер тронула Марка за рукав.

- Пройдемся?

- Хорошо.

Лифтом пользоваться не стали, отправились по коридору.

- Отличная работа, – похвалила Дженифер и без предисловий спросила: - Как у тебя с личной жизнью?

- По-прежнему, все в порядке.

- Не женился?

- Не женился, детей не родил, постоянной подруги не заимел, - скороговоркой ответил Марк, предвосхищая следующие вопросы на ту же тему. - А у тебя?

- И у меня порядок. – Уточнять Дженифер не стала. - Давно не виделись, Марк. Хочу пригласить тебя сегодня на ужин.

- Приглашение принимаю. Во сколько приезжать?

- В семь.

Поговорили коротко и конкретно – привычка деловых людей. Не до романтики сейчас: рабочий день в разгаре, личные вопросы решаются в перерывах между служебными.

Спустились по центральной помпезной лестнице, середина которой была выложена мрамором бордового цвета наподобие ковровой дорожки и, выйдя за дверь, разошлись в разные стороны.

К машине Марк шел с ощущением победителя сразу на двух фронтах – профессиональном и личном. Он не только набрал очки в глазах судьи, но и произвел впечатление на Дженифер, которую желал бы иметь в постели каждый мужчина, работавший с ней в контакте.

А пользовался этой привилегией Марк. Раньше довольно часто, в последний год отношения без видимой причины ослабли.

Но не прекратились. Свелись к случаю. Встречаясь в кабинетах Дворца юстиции, Марк и Дженифер подавали друг другу едва заметные сигналы: длинное рукопожатие, вопрошающий взгляд. Искорка приязни тлела, и время от времени они поддерживали ее горячим сексом. Ничего не требуя, ничего не ожидая. Без скандалов и претензий. Какие могут быть претензии в отношениях, не предусматривающих брак или воздержание от других контактов?

Связь без обязательств – лучшее, что можно представить.

16.

В конторе Марк занялся рутинной: написал отчет о совещании у судьи, позвонил клиентам из списка, предоставленного Розалиной, навестил Энтони Бернса для обсуждения итогов переговоров.

Как старший по положению и возрасту, тот ненавязчиво опекал молодого компаньона – золотой фонд фирмы. Похвалил и предложил передать материалы стажерам: осталась техническая работа, с которой они справятся.

- Хорошо, - согласился Марк. – Возьмете на себя контроль?

- Да. Хочешь отдохнуть?

- Нет необходимости. Уже занялся материалами вдовы Салливан.

- Хорошо, Марк. – Бернс любовно взглянул на коллегу – когда-то и он был таким же неутомимым и целеустремленным. Нет, этот целеустремленнее. Повезло с компаньоном. – Случай заковыристый. Возникнут вопросы, обращайся.

Возвратившись к себе, Марк без паузы начал готовиться к следующему делу. Без паузы - в голове. Удобно, что мысли никогда не прекращаются и не устают шевелиться.

Пока головной компьютер загружался данными, он повесил пиджак на спинку кресла, галстук бросил на диван: на сегодня деловых встреч не запланировано, можно забыть про дресс-код. Достал купленный по дороге ланч – салат с тунцом и орехами, охлажденный чай. Присаживаться не стал. Накалявая пластмассовой вилкой зеленые листья и кусочки рыбы, вышагивал без определенной траектории по кабинету.

После трапезы прошел в комнату отдыха, ополоснул лицо и шею, смыл пот и пыль. Постоял под встроенным в потолок кондиционером – в прохладном воздухе голова четче работает.

Так, что мы имеем по новой подзащитной Мэри Эллис Салливан?

Имеем настоящий триллер в стиле «реализм»: два трупа, полумиллионное наследство, море лжи и Голливуд впридачу - все шансы стать юридическим бестселлером года.

В отличие от дела ювелира, это принесет конторе двойную пользу. Во-первых, оно не из серии «про део», значит, оплачивается по полному тарифу. Во-вторых, с самого начала привлекло внимание прессы и телевидения, значит, бесплатная реклама обеспечена.

Но сначала самому войти в курс. Бернс не зря сказал – случай заковыристый. Даже полиция с ним не до конца разобралась.

А Марку хотелось максимальной ясности.

Склонил голову к экрану ноутбука, рассмотрел снимки четырехлетней давности. Мэри Эллис сфотографирована на вечеринке в момент, когда случайно повернула голову к камере. Яркая девушка: черные волосы, черные брови, черные глаза - была бы симпатичной, если бы не жесткий, оценивающий взгляд. Она смотрела прямо на зрителя и, вроде, прикидывала – чем он может быть ей полезен.

На другом фото ее муж Роберт, который теперь труп, а тогда талантливый кинооператор, стоял с удочкой и счастливо улыбался – добродушием веяло со снимка.

История их такова.

В дремучих лесах Северной Дакоты заблудился городок с простеньким названием Томпсон. Жил там молодой человек - Роберт Салливан, все звали его Боб. Ничем особенным не отличался: внешность, доход – средние по штату. Работал продавцом в магазине электротехники, в свободное время ходил снимать природу. Обожал диких зайцев, часами сидел в засаде, наблюдая за их играми на зеленых полянах, фотографируя. Как-то его снимки попали в столицу штата Бисмарк на выставку «Природа смотрит на нас», привлекли внимание профессионалов. Боба поощрили небольшой премией, посоветовали продолжать.

Похвала окрыляет, Салливан поверил в себя. Поверил крепко. Сейчас или никогда, подумал он и решил испытать судьбу: из сонного городка, где кроме драк между лесорубами других развлечений не бывает, переехал в бурлящий Лос Анджелес. Несколько месяцев привыкал к его краскам, шумам, запахам. Жил как бомж, искал работу на студиях фотографом, ассистентом, практикантом - кем угодно. Надеялся: кто-нибудь заметит его талант, поможет продвигаться.

Крупнейший американский мегаполис - не малонаселенная Дакота, здесь талантов пруд пруди и каждый мнит себя достойным Оскара. Чтобы оказаться замеченным в толпе, требуется счастливый случай и нужный человек.

Общительный по характеру Боб завязал знакомства с кем надо, и – пришел первый успех.

Сначала его взяли фотографировать модели для студийной картотеки, потом для журнала, потом на фильм вторым помощником оператора с почасовой оплатой, без указания в

титрах. Потом предложили перейти в ассистенты. Боб показал себя с лучшей стороны и шагнул на первую ступеньку многообещающей карьеры.

Голливуд – это, конечно, фабрика грез, но деньги на ней зарабатывают самые настоящие. Через пару лет Боб приобрел дом в Западном Голливуде, обставил с помощью модного интерьер-дизайнера по имени Терри. Купил престижную машину, сделал стильную прическу, отпустил бородку, в которую вплел разноцветные колечки. Оделся в марочных магазинах. Стал носить солнечные очки, даже в помещении – подсмотрел у кого-то из голливудских корифеев.

Жизнь улыбалась Салливану, обнажив отбеленные до синевы зубы...

Пока ему не пришла идея съездить домой – проведать родителей, заодно похвалиться перед земляками. На второй день пребывания в милом сердцу дакотском захолустье он встретил давнюю знакомую, Мэри Эллис Джонсон, с которой учился в одной школе – давно, лет двадцать назад.

В те времена она слыла «первой красавицей класса» и сама выбирала бой-френдов, в число которых Бобу попасть не удалось, хотя он страстно мечтал. Тогда он не выделялся из массы – застенчивый, помешанный на фотографиях и зайцах. Теперь на лице доказательства успеха: те самые колечки в бороде и коричневый загар, который редкость у жителей севера. Девушка быстренько сориентировалась и на правах старой знакомой предложила посидеть в кафе, поболтать о жизни. Боб согласился.

О чем разговаривать людям, ранее не дружившим, к тому же не видевшимся двадцать лет? Не проблема: когда женщина чувствует шанс, находчивости ей не занимать. Мэри Эллис рассказала о себе, без подробностей, с жалостливой интонацией: была замужем, развелась, имеет дочь. Боб в ответ похвастался карьерой в Голливуде, показал на новейшем телефоне снимки: вот домашний интерьер по версии Терри, вот бассейн в окружении пальм, вот он с Мелом Гибсоном...

У девушки загорелись глаза и разыгралось воображение. Она перенеслась из сумрачного Томпсона в солнечный Элэй, который представлялся ей городом исполненной мечты. Стоит только туда попасть, и роскошь к твоим услугам – рестораны, бары, казино. Одежда из бутиков. Друзья из околбогемной среды. Сплошной гламур и Голливуд впридачу!

В юности она обожала производить впечатление на мужчин, кокетничать, ловить восторженные взгляды. Не имевшая других талантов кроме симпатичной мордашки, именно внешностью надеялась продвинуться в жизни. По школе ходила задирая нос, ощущала себя королевой, повелевала парнями как слугами.

Казалось – так будет всегда. Даже лучше.

Оказалось наоборот. Прошел выпускной бал, и поклонники потихоньку растворились. Которые поумней – уехали в крупные города учиться и делать карьеру, остались невзрачные, никчемные недоумки. По наивности и от скуки Мэри Эллис переспала однажды с залетным водителем-транзитником. Переспала в пьяном виде и без предохранения, но не задаром – он обещал взять ее с собой в Бисмарк. Обещал да не взял, уехал и до сих пор не знает, что в далеком медвежьем углу под самым брюхом у Канады родилась у него дочь Фиби.

Последние годы Мэри Эллис работала медсестрой, по уик-эндам сидела дома. Начала опускаться. Немудрено – для кого себя соблюдать, на кого производить впечатление? Кругом одни лесорубы с интеллектом орангутана да пенсионеры с болезнью Паркинсона. Посмотреть не на кого, не говоря знакомство завести. Какой уж тут гламур!

И вдруг ниоткуда, вернее из самого Лос Анджелеса является старый знакомый Роберт Салливан. Это сказка. Неженат – это сама судьба. Мэри Эллис решила брать быка за рога. То есть Боба за бороду.

У нее получилось. История умалчивает, на который день повторного знакомства они улеглись в постель. Неважно. Салливану льстило внимание «первой красавицы», хоть и бывшей – юношеская любовь не забывается. Вскоре они – семейная пара с девочкой-подрост-

ком Фиби, которую Боб удочерил, поселились в столице солнечной Калифорнии. Не замедлил родиться общий ребенок - сынишка, которого патриотично назвали Дакота. Новоиспеченный отец пребывал на седьмом небе.

А Мэри Эллис посчитала миссию выполненной - осчастливила мужа двумя детьми и собственным телом, пусть не первой свежести, но еще «очень ничего». Теперь имеет право на исполнение своей мечты с помощью его кредитки. И пусть не жадничает! Ее не проведешь - знает, какие сумасшедшие деньги зарабатывают в Голливуде.

Наверное, она думала, что Боб их печатал. Тратила с королевским размахом: разъезжала на роллс-ройсах, устраивала шикарные пляжные вечеринки, покупала билеты на тусовки с участием знаменитостей. Вечера проводила в ресторанах с друзьями и прилипалами, которые восхищались ее щедростью и кутили за ее счет.

Любому человеку приятно ощущать себя значимым, тем более девушке из глубинки, одна проблема - требовалось постоянно доказывать свою состоятельность.

Одни делают это талантом, другие знакомствами, третьи деньгами. Покупать друзей всегда накладно, а в дорогом городе Лос Анджелесе накладно вдвойне. Кредитка мужа перестала справляться с запросами Мэри Эллис.

Через пару лет Боб обнаружил сильно похудевший банковский счет, пошел разбираться к жене, попросил умерить аппетиты - сначала осторожно, потом требовательнее. Супруге не понравилось. Боб закрыл ей доступ к деньгам. Случился скандал.

Отношения ухудшались ускоренными темпами. Боб пригрозил разводом, что означало для Мэри Эллис крушение надежд в особо жестокой форме – на пике их исполнения. Почва под ногами заходила ходуном, воображение рисовало жуткие картины. Снова возвращаться в дремучий Томпсон, теперь с двумя детьми и без всякой новой перспективы? Страшно подумать.

Супруги разъехались, но официально не развелись.

Потом случилась трагедия. Как-то ближе к вечеру Мэри Эллис позвонила в полицию и несвязным от волнения голосом сообщила: муж целый день не отвечает на звонки. Сегодня они договорились встретиться за ланчем, Боб не пришел. На работе тоже не появился, оттуда ей два раза звонили с вопросами.

Дала его адрес, полиция выехала немедленно – сигнал поступил из района, где редко случаются криминальные вещи.

Подозрения о несчастье подтвердились уже на подходе к дому. Дверь открыта и очевидно взломана. Не профессионально - отмычкой, а по-любительски, чем-то вроде топора или лома: замок сорван, боковая планка выдрана. Такие разрушения невозможно произвести бесшумно, если хозяин находился дома – услышал бы, принял меры безопасности. В конце концов убежал бы.

Но Боб не убежал. Он лежал неподалеку от двери, лицом вверх, в кровавой луже, мертвый. В доме беспорядок - одежда разбросана, лампы разбиты, книги на полу. Беспорядок какой-то ненастоящий, наводит на мысль об инсценировке. Специалисты знают почерк грабителей: первым открывается нижний ящик, потом средний и верхний. Просмотрев, их не закрывают, чтобы не терять время. Вещи не выбрасывают, а лишь прощупывают.

Здесь же все хаотично, без системы, будто капризный ребенок прошелся.

Место происшествия осматривал дежурный детектив Алан Грибс, ему и поручили расследование. Приступил с энтузиазмом. Затруднений не ожидал, казалось, дело из категории раскрываемых за сорок восемь часов. Убит не рядовой гражданин, а человек из Голливуда, значит, был на виду, имел много знакомых, если кто-то что-то слышал, непременно проговорится – даст зацепку, раскрутится клубок.

Классическое правило в расследовании убийств «первое подозрение падает на супруга». Грибс проверил новоиспеченную вдову - расспросив друзей Салливана, сильно подозревал у нее корыстные мотивы. Версию принял за основную и стал разрабатывать.

Но скоро отказался - Мэри Эллис имела алиби, непоколебимое как горный кряж Сан Габриэль. Она заранее о нем позаботилась?

Другие версии: ограбление, проблемы на работе или с соседями, возможная связь с криминальной средой не получили подтверждения.

Время шло. Грибс приуныл – дело обещало зависнуть. Он еще не отправил его в архив, но и не занимался активно. Ничего не оставалось, как ждать счастливой случайности, которая подтолкнет забуксовавшую машину отдела убийств, или надеяться на анонимный «золотой» звонок, который наведет на след.

Случайность произошла через тринадцать месяцев.

Расследование хоть и не получало новых импульсов, окончательно не замирало. Полиция тихо интересовалась членами семьи Роберта Салливана и однажды обнаружила любопытное фото в социальной сети. Мэри Эллис лежала голая на кровати, усыпанная двадцатидолларовыми купюрами от шеи до щиколоток, что дало повод журналистам тут же окрестить ее «зеленой вдовой». Фото в равной степени эффектное и провокационное, а учитывая нераскрытое убийство ее супруга - наводящее на мысли.

Случай получил широкую огласку. Почуввав сенсацию, газеты взвыли от восторга, перепечатали снимок и занялись собственным расследованием. Оказалось: смерть Салливана обогатила Мэри Эллис на полмиллиона долларов - страховки, сберегательные счета, авторские отчисления и прочие активы.

Став обладательницей фантастического богатства, дама начала буквально купаться в деньгах. Делала бы это по-тихому, никто не обратил бы внимания. Но «по-тихому» неинтересно: Лос Анджелес – город эффектов, здесь принято выставлять благополучие напоказ.

Не стоило бы тщеславным забывать: страсть производить впечатление может сыграть злую шутку.

Вдова попала под подозрение общественности, в прессе ее осуждали, прямо обвиняли в убийстве. Полиция по-прежнему не имела компрометирующего материала, однако, ее экстравагантным образом жизни заинтересовалась плотнее.

Выяснились шокирующие вещи. Мэри Эллис не оплатила похоронную церемонию супруга, не поставила простейшего памятника, зато разъезжала на лимузинах по Лас Вегасу, снимала люксовые апартаменты на курортах, делала покупки в магазинах линжери, где самый дешевый лифчик стоил семь тысяч. Полицейские вспомнили, как она кокетничала с ними в день убийства мужа.

Оригинальная манера соблюдать траур...

Вскоре произошло еще одно происшествие. В кювете возле автомагистрали 210, огибающей Национальный заповедник, обнаружили тело молодого парня Мэтью Крюгера. Он был одним из приятелей Фиби, дочери Мэри Эллис от первого брака. Не веривший в случайности Грибс затребовал санкцию на арест вдовы. Санкцию судья не дал - опять же за неимением оснований, но на всякий случай назначил ей домашний арест.

В тот момент подключился Марк.

Глядя поверх крышки ноутбука, он надолго задумался. Общая картина ясна, в подробностях предстоит разобраться. Виновата Мэри Эллис или нет – неважно: он защитник, значит, полностью на ее стороне. Прежде чем углубляться в дело, должен с клиенткой поговорить. Она даст объяснения, которые он использует в подготовке к процессу – на что-то сделает упор, что-то оставит за кадром, что-то преувеличит, что-то утаит, что-то прибережет как козырь. Обычная адвокатская практика.

Да, дело интересное и перспективное во всех отношениях. Оно уже сейчас раздуто до невозможности, а что будет, когда начнется суд? Телевидение устроит шоу, размахом сравнимое с оscarовской церемонией. Только там – сияние гламура, а здесь – грязная реальность жизни.

Больше шума – больше рекламы. Именно на это рассчитывал хитрый Бернс, когда предлагал Мэри Эллис услуги своей конторы. Марк отдал должное старшему партнеру, но перспектива стать героем теленовостей не воодушевила – он же не ведущий скандальной программы, не эстрадный кумир, не звезда баскетбола. Будут мешаться под ногами, следить за каждым словом, провоцировать на откровенность...

Ну-ну, к чему заранее впадать в негатив? Повышенное внимание журналистов не должно пугать или раздражать. Естественное явление – когда прикасаешься к сенсации, сам становишься частью ее, но не стоит принимать шумиху вокруг себя всерьез. Это развлечение для публики, и если знать правила игры, можно здорово позабавиться.

Кухня проста. Создать основу для интервью – сообщить нейтральную информацию и то, что уже известно. Приправить соусом из юмора. Распространить аромат компетентности. Все. Останется засунуть готовое блюдо в их раскрытые от любопытства глотки. Главное – не тушеваться, не шарахаться испуганным зайцем от микрофонов и камер. Потренироваться, что ли, на досуге перед зеркалом – как поэффектней выглядеть: с ироничной улыбкой или нахмутив брови...

Итак, стратегия определена. Марк прошелся по кабинету, потянулся, расправил затекшие мышцы спины. Последнее задание на сегодня – позвонить клиентке, назначить встречу.

Во вторник, в четыре, ей подойдет?

Ей подходило. Еще бы: сидит с обручем на ноге – дальше пятидесяти метров от дома не отходит.

Положил трубку, взглянул на часы.

Четверть седьмого.

На сегодня дела закончены. Не совсем, конечно, при желании всегда найдешь, что подправить, но в пятницу вечером настроение нерабочее – начинается уик-энд. Чтобы вовремя попасть к Дженифер, следует поторопиться.

Домой заехать Марк не успевал, да не требовалось: как владелец фирмы имел кой-какие удобства прямо в кабинете. Закрылся изнутри, разделся догола, зашел в душевую кабину. Фыркающая и рыча от удовольствия ополоснулся холодной водой, потом теплой – смыл напряженность рабочей недели. Докрасна растерся полотенцем, почувствовал себя бодро – можно бостонский марафон бежать.

В мини-шкафчике, встроенном под раковину, имелся запас чистой одежды. Оглядев содержимое, выбрал светлые джинсы, хлопчатобумажную рубашку с коротким рукавом, плетеные сандалии. Оделся. Спустился к машине.

По дороге раздумывал, что лучше купить Дженифер: цветы или вино? Остановился на более практичном варианте.

17.

Не успели мелодичные колокольчики заглухнуть, послышался щелчок открываемого замка – будто Дженифер стояла за дверью и только ждала сигнала. Она смотрелась потрясающе свежо, и Марк слегка позавидовал – девушка была на шесть лет старше, а выглядела на десять моложе.

Волосы она забрала в шаловливый хвостик на затылке и походила на старшеклассницу. Розовая майка со спелой клубничкой и надписью «поцелуй меня» обтянула высокие, выпуклые груди. Силиконовые – точно знал Марк и не ощутил ни малейшего волнения. Он их опробовал ранее. Грудь ненатуральные на ощупь, похожие на упругий, резиновый шар: их сожмешь и ощутишь сопротивление, отпустишь – снова встают торчком.

На любителя они. И не стоит критиковать или обижаться. В наше время расцвета суррогатов мало кто обращает внимание на качественное содержание, главное – идеальная картинка, которую Дженифер имела бесспорно.

- Ты с годами только молодеешь, - сделал комплимент Марк, целуя ее в щеку и отдавая две бутылки белого Pinot. – Не знаю, что готовишь на ужин. Купил нейтральное вино – сладковатое с фруктовым ароматом. Надеюсь, тебе понравится.

- Не сомневаюсь. Ты всегда отличался хорошим вкусом, что касается вина... И женщин, - добавила она, кокетливо взглянув на гостя.

Она шла впереди, нарочно демонстрируя обтянутые тонкими леггинсами ноги и округлые ягодицы, которые соблазнительно перекачивались при ходьбе. Ни малейшего намека на трусики - приглашение ко взрослым играм, которые можно начать прямо сейчас.

Но Марк не соблазнился. С некоторых пор его не привлекал спонтанный секс - у порога, не раздеваясь, лишь завидев женщину. Юношеская несдержанность, буйство гормонов. Он давно повзрослел, относился ответственнее к занятиям любовью, пусть даже одноразовым, как с Дженифер. Интересно не только сбросить напряжение, но вместе пройти романтический ритуал - от начала до конца. Позволить желанию родиться, расцвести, дать плоды, только тогда отправляться их срывать. Тогда удовольствие полнее. Для обоих.

- Что у тебя сегодня в меню?

- Сейчас увидишь. Надеюсь, не разочаруешься в моих кулинарных способностях.

- Ты что, сама готовила?

- Представь себе – да. Получишь свежую, сто процентов биологическую пищу. Только что приготовленную – специально для тебя.

- Звучит потрясающе. Вкус мне уже понравился. - польстил Марк. Наладить мосты взаимной симпатии – начало ритуала.

Кухня представляла помещение размером чуть меньше гостиной с широким окном, выходящим на цветник. Заставлена оборудованием по последнему слову техники: управляемые пультом печи и плиты, мойка на пять программ и другие аппараты, назначения которых Марк сходу не определил. Не кухня, а космическая лаборатория, он бы не разобрался во всех этих кнопках, значках, огоньках. Сразу видно - любимое место хозяйки.

В принципе, Марк не отказался бы от такого комфорта, если бы предложили готовый, как в сказке – щелчком пальцев: старую мебель убрали, новую поставили. Имел возможность приобрести, но не было желания заниматься переоборудованием. Грязь, хаос, шум – ну их.

Кухня для Марка не святилище. Колдовать над ингредиентами, готовить что-то изысканное? Долго и малоэффективно: провести полчаса-час у плиты, чтобы потом съесть за десять минут. Пища должна быть здоровой, питательной, быстроприготавливаемой – сохраняющей время и витамины. Пример: овощной салат и кусок говяжьего стейка, едва обжаренного с обеих сторон.

На кухне приятно пахло приправами, чем-то жареным - кажется, рыбой, и только что порезанными овощами, над которыми превалировал аромат паприки. Продуктам Дженифер можно доверять, она закупалась в специализированном супермаркете в Беверли Хиллз, который торгует только био-ассортиментом.

Магазин хороший, но два недостатка: вечная толпа и заоблачные цены. Именно там папарацци подкарауливают голливудских небожителей, выбегающих из дома в мятых майках и тапках на босу ногу - по-быстрому закупиться. Марк туда заезжал, когда хотелось фруктов с натуральным вкусом и соков без консервантов. Считал, что популярность магазина и соответственно цены раздуты именно за счет его известных посетителей.

Пока хозяйка раскладывала по тарелкам еду, гость откупорил бутылку, разлил вино по пузатым фужерам.

Чокнулись, отпили по глотку. Дженифер одобрительно кивнула.

- Свежий, ненавязчивый вкус. Как раз к рыбе. Как ты догадался?

- Назови это интуицией, - ответил Марк, довольный похвалой. Отломил кусочек рыбы – слабо розовой на цвет. Положил в рот, прожевал. Вернее, жевать не потребовалось, только проглотить – кусочек растаял самостоятельно. – Слушай, вкусно. Горбуша? Она ужасно трудна в приготовлении. Как тебе удалось сохранить сочность и мягкость?

- Секрет шеф-повара, - улыбнулась Дженифер. – Если серьезно - нужно уметь выбирать кулинарные книги. Никогда не покупай те, которые издают тощие артистки. Они же нормально не едят, вкуса обычных продуктов не знают. Чему они могут научить? Как питаться, чтобы умереть с голоду?

- Ха-ха! Несчастные они. Боятся каждого лишнего грамма. Не хотел бы жить как они, в постоянном стрессе – как бы не потолстеть, не получить лишнюю морщинку. Слышал от Зака, в Голливуде сейчас мода на кокосовый сок. Можно пить сколько хочешь и не поправишься.

- Если пить только его – то конечно. Нет. Я считаю: если готовишь еду, надо делать ее вкусной.

- Согласен. Вкусная еда – самое простое из удовольствий. Доступно каждому. Проблема в том, чтобы не заменять ею все остальные прелести жизни.

- И не лениться готовить самим. Кстати про лень. Недавно смотрела передачу по женскому каналу. Про молодых мамочек.

- Тинейджеров?

- Да. Ты не представляешь, до какой степени они не подготовлены к жизни. Не знают элементарных вещей – руки мыть почаще, особенно когда подходит к ребенку. Не говоря о регулярной уборке. Так вот. Показывают одну такую шестнадцатилетнюю маму с ребенком на коленках. Дома – бардак. Сама выглядит как жирная медуза...

- Ха! Почему медуза?

- Потому что круглая, и жир на животе волнообразно колыхается. Готовить не умеет, привыкла заказывать еду на дом - пиццу и другую дрянь. Питание ребенку сделать лень. Сидит, ест гамбургер, сует в рот сыну. А ему едва ли полгода - крошка. Представляешь, с какого возраста детей к гадости приучают.

- Ожирение становится проблемой Америки. Но почему-то она больше волнует нас, здоровых. Сами толстые не беспокоятся.

- Потому что их уже большинство. Требуя относиться к ним толерантно. Называть не толстяки, а «люди, развивающиеся горизонтально».

- Абсурд. Дошло до того, что некоторые делают из полноты фетиш. Слышала про фидеров?

- Которые специально откармливают женщин...

- ...до гигантских размеров, триста килограммов и более. Удивительно, как любое извращение находит поклонников. Сам мужчина выглядит нормально, но имеет пунктик – любит экстремально полных женщин. Находит даму с низкой самооценкой, влюбляет в себя и начинает осуществлять мечту. Раскармливает до такого состояния, что она не может встать с постели. Становится беспомощной, полностью от него зависящей.

- По-моему, у них обоих голова не в порядке. Еще есть такие, которые деньги платят за свидание с толстушкой. Не для секса. А чтобы она посидела на нем своей тушей, попрыгала. Помяла в руках.

- Ужас, - сказал Марк весело.

Толстяки не достойны его сочувствия, их заботы слишком далеки. Творцы собственного несчастья, пусть не жалуются на болезни, не призывают собрать деньги на операцию по удалению жира или уменьшению желудка Пусть учатся понимать простейшую логику: спрыгнешь с высоты – разобьешься, начнешь обжираться – ожиреешь. Все просто.

- Проблема тебе не угрожает, - заметила Дженифер и провела рукой по плавным буграм на плечах гостя.

- Гимнастический зал – мой второй дом. Нет, третий, после работы. У тебя тоже, как я догадываюсь.

- Точно. Гимнастика, пилатес. Спортом убирать жир легче, чем операцией.

- Я бы сказал – естественнее. Люди помешались на исправлении недостатков. Слишком легко ложатся под нож. По-моему, пластическая хирургия - сейчас самая быстроразвивающаяся отрасль экономики.

- Но мы не отдадим ей больше того, что необходимо, не так ли?

- Что ты имеешь ввиду? Я лично совсем не собираюсь.

- Я не отказываюсь категорически от пластики. Когда-нибудь обязательно обращусь - поправить подпорченное возрастом. Но чтобы не очень заметно. «Совершенствовать» себя до неузнаваемости не буду. Все-таки операция – это всегда риск. Даже если делаешь за большие деньги. Ты видел Донателлу Версаче?

Марк отрицательно качнул головой.

- Кто это? Забытая кинозвезда?

- Нет, сестра известнейшего в прошлом кутурье. Когда его убили, унаследовала миллионы. Видимо, на радостях она первым делом перекроила лицо. Жуткое зрелище. Настоящий монстр. В Мексику, что ли ездила, чтобы сэкономить пару тысяч? Непонятно. С ее-то миллионками.

- Часто деньги делают человека не счастливее, а глупее, - философски высказался Марк, вспомнив похождения Мэри Эллис. Он доел рыбу и занялся салатом, который аппетитно захрустел на зубах.

Повисло молчание. Находить подходящую тему для разговора не получалось естественно: Марк и Дженифер виделись редко, общих знакомых почти не имели, свободное время проводили по-разному. На досуге обсуждать рабочие моменты в их кругах не принято. О политике – строгий запрет. Светские новости – не их уровень. Встречались, если честно, совсем не для бесед. Практически чужие люди, лишь иногда занимавшиеся сексом.

- Так ты уже ездил в отпуск? – спросила Дженифер, будто продолжая разговор, который они вели во Дворце юстиции.

- Пока не решил. Хотел соблазнить Зака на культурную поездку в Европу. В Париж, например. Лувр посетить, по Елисейским полям прогуляться.

- Кстати, как у него дела? – Дженифер была знакома со Старки тоже.

- Дела отлично. Быть адвокатом по разводным делам в Голливуде – золотое дно.

- А сам он разводиться не надумал? Это сейчас модно.

- Нет, у них с Натали идеальная семья: трое детей, дом с бассейном и куча ее итальянских родственников, которые обожают Зака.

- Он все еще женат на одной и той же женщине? Похвальная верность для нашего времени и нашего города.

Марк сильно сомневался - можно ли похвалить Старки за супружескую верность. Он верен только себе, живет как хочет, спит с кем хочет. Жену менять не собирается из практических соображений: она удобна как некая постоянная величина в постоянно меняющихся обстоятельствах. Образно говоря, надежный якорь в бушующем море жизни. Избитая метафора, но верная.

Распространяться про друга Марк не стал, продолжил тему отпуска.

- Вообще, это клише – если отпуск, то непременно надо ехать туда, где пляжи, пальмы и солнце. Все то же самое мы имеем здесь бесплатно. Хочется перемен. Посмотреть места, где мало народу, и много природы. Получить новые впечатления, а не только заниматься ленью на пляже. Вот недавно видел передачу про экзотические места...

- ...где не ступала нога человека - влажные леса Амазонии? – перебила Дженифер ироничным тоном. – Хочешь там спрятаться от цивилизации на время? Да, заманчиво для любителей острых ощущений. Заблудиться в джунглях. Пережить страх смерти, потом счастье спасения. Запомнится на всю жизнь.

- Нет, джунгли подождут. Хочу посмотреть Аляску.

- На что там смотреть? Ни архитектуры, ни природных красот. Вода и лед. Пустота. Скука.

- Кому как. Трудно поверить, но арктические воды кишат жизнью. Ты видела - как резвятся голубые киты?

- Ну... хвостом по воде шлепают?

- Хвостом пять метров в размахе! Нет желания пережить авантюру? Представь: сидишь в крошечной, надувной лодке с десятком других туристов, а под тобой спуют гиганты – каждый под тридцать метров и сорок тонн. Достаточно слабого толчка, и лодка перевернется. В ледяной воде не выживет никто. Но ни разу – ни разу! киты даже не подумали совершить убийство. Потрясающее благородство по отношению к тем, кто их зверски истреблял в прошлом веке.

- Человечество – главный враг окружающей среды, - сказала Дженифер равнодушно и отпила длинный глоток вина. Марк не стал комментировать. Увлёкся.

- На полярное сияние не хотела посмотреть? Не по телевизору. В натуре? Слышала когда-нибудь абсолютную тишину? Нюхала мороз? Знаешь – что такое шепот Арктики?

Дженифер посмотрела на гостя со сдержанным недоумением – о чем это он? Тишина... Мороз...

Оригинально.

Не для нее.

Ради продолжения разговора сказала:

- Расскажи.

- Шепот Арктики – это когда мороз такой, что выдыхаешь воздух, а он превращается в льдинки и опадает с тихим перезвоном.

- Ты романтик, Марк. Таких мужчин не осталось. - Обычно жесткий взгляд ее помягчел. Марк оставил его без ответа. Его романтизм к Дженифер не относился.

Тема девушку не увлекла, не стоит продолжать.

- А ты что можешь посоветовать? – сухо вато спросил он.

- Пока не знаю. Когда вернусь, может, посоветую.

- Куда едешь?

- Много слышала про Мальдивы. Далековато, конечно, но, говорят, впечатления того стоят. Представь безмятежные райские картины. Бесконечные, чистейшие, белые пляжи. Бунгало, стоящие на сваях в океане. Вместо пола - стекло. Не вставая с кровати, наблюдаешь за тропическими рыбками, снующими в воде. Там и акулы встречаются. Маленькие, неопасные для дайверов.

- Увлёклась подводным плаванием?

- Один раз как-то попробовала на Карибах. Понравилось. Теперь каждый раз стараюсь в отпуске понырять. Мальдивы еще чем интересны. Они опускаются в океан. На пару сантиметров в год. Лет через пятьдесят от них останутся узкие, необитаемые полоски земли. Так что спешу посетить уникальные острова. И не забудь сделать побольше селфи. В будущем они станут раритетом.

- Обязательно, – соврал Марк. Закончил с едой, допил вино, вытер матерчатой салфеткой губы. – Вообще, ты меня заинтриговала. Поставлю Мальдивы в список мест – кандидатов на проведение отпуска. Позже. Может, на следующий год. Заманчиво - дайвингом позаниматься, на разноцветных рыбок посмотреть... Мальдивы, где они точно находятся? В Индийском океане, вроде? Там, где сомалийские пираты?

- Острова ближе к Индии, чем к Африке. Там пиратов нет - слишком далеко для их утлых лодок. Можешь смело брать с собой ай-фон для селфи и камеру для подводных съемок. Будешь отбиваться ею от назойливых акул.

Посмеялись. Сытный ужин, легкое вино, впереди – кое-что поинтересней. Отличное начало уик-энда.

18.

Посуду оставили на столе. Захватив вторую бутылку и фужеры, перешли в гостиную. Перед телеэкраном, на один размер меньше, чем у Марка, стоял гигантский диван в форме квадратной буквы «С». Он занимал половину комнаты и был ее центральным пунктом. Хозяйка выдвинула среднюю часть, и оба улеглись с ногами, удобно развалившись на подушках.

По телевизору шла тупая комедия с механическим, закадровым смехом, дешево снятая в студии и рассчитанная на идиотов – одна из бездарных копий «Друзей». Марк нажал пару кнопок, открылся канал с видами природы и нейтральной музыкой – нераздражающей и немного монотонной. Дженифер осушила рюмку, привалилась к гостю, положила руку на грудь. Провела по животу, тренированные мышцы которого твердо ощущались под рубашкой. Хорошо прокачанный живот она считала самым сексуальным местом мужчины.

Стала неспешно расстегивать пуговицы на рубашке, каждый раз залезая дальше и дальше под нее, как бы проверяя – не исчезли ли соблазвившие ее твердости. Когда живот полностью оголился, глаза ее довольно сверкнули: добыча в руках, и только от Дженифер зависит – насладиться ею сразу или продлить удовольствие ожидания.

На лбу у основания волос выступили нетерпеливые капельки пота и заблестели как серебряные.

Продолжая отпивать из рюмки, Марк с нарочитым вниманием вперился в экран. Под музыку, которую часто ставят для сопровождения подводных съемок, плавало странно выглядящее существо – совершенно прозрачное, были видны его внутренности и бьющееся сердце.

Он не реагировал на прикосновения Дженифер, как бы не замечая – игра, которая нравилась обоим.

Затягивать прелюдию девушка не собиралась: бесперемонно расстегнув молнию на джинсах гостя, залезла в трусы. Там никакого движения. Придется самой выполнять всю работу, это в ее интересах. Нестрашно. Дженифер любила быть ведущей - в сексе и в работе. Она и в семье будет командовать, если найдет подходящего мужа.

Хотя, вряд ли: слабака она не потерпит, сильный не потерпит ее – проверено на практике. Значит, всю жизнь будет забавляться с одноразовыми мужчинами, и чем старше будет становиться она, тем моложе любовники - живые игрушки для секса.

Живые лучше чем искусственные, от них теплом веет.

Наклонилась к груди, лизнула сосок, подняла голову, потянулась к губам. Марк отстранился: губы – его храм, куда доступ разрешен далеко не каждому. Дженифер не обиделась, поцеловала его щеку, подбородок, шею, снова спустилась к соскам.

Он отвлекся от экрана и вроде удивленно посмотрел: что это она делает на моей груди?

А, понятно.

- Подожди, сейчас поставлю рюмку.

Пока гость наклонялся к салонному столику, Дженифер быстренько разделась, буквально за три секунды - брюки, майка, лифчик. Когда Марк снова взглянул на нее, девушка была обнажена. Окинул ее оценивающим взглядом и почувствовал зарождающееся желание, подогретое вином, диваном, музыкой, всей атмосферой. Дама помогла ему раздеться, наклонилась к промежности, и активно используя язык, губы, руки, принялась за дело.

Ничто не работает лучше для возбуждения мужчины, чем хороший минет. Сработало и для Марка. Хотя не достиг пика, ждать не захотел, произойдет по ходу дела. Взял партнершу

подмышки, посадил на себя верхом. Получилось без задержек – вагина просторная, мягкая как желе. Немного широковата - вот где ей первым делом сделать бы корректирующую операцию... Мелькнуло и забылось.

Дженифер охнула и задвигалась вверх-вниз, мощно, даже агрессивно - похожая на воинственную амазонку, несущуюся в бой.

Она уперлась в грудь мужчины и показала сексуальный мастер-класс: прыгала, скользила, крутила бедрами, стараясь разнообразить монотонный процесс. Она была в своей стихии, ощущала себя дирижером, отдавая Марку роль второй скрипки – лишь поддерживать ритм и не спешить с концовкой.

Один раз он увлекся, потянулся к ее грудям. Они твердо торчали вперед и двигались неестественно - как два шара, прилепленных к телу.

«Силикон, руками не трогать!» - поступил в мозг предупреждающий сигнал. Совершенно неуместно - чуть эрекцию не потерял. Закрыв глаза, решил не отвлекаться на глупости. К грудям партнерши так и не прикоснулся...

Дженифер получила свое. Она кончила раз пять или шесть. Может все десять – Марк не считал. Выглядела довольной. После полутора часов почти непрерывного секса сказала:

- Теперь ты, - наклонилась и снова принялась за минет.

Доведя мужчину до оргазма, она получила в рот ощутимую дозу спермы и отправилась в туалет выплюнуть.

Когда вернулась, Марк стоял одетый. Он мог бы остаться на ночь, как не раз предлагала Дженифер, но ужасно не любил спать в чужих кроватях. Давно проверено и не изменилось со временем: ночевка в гостях его телу противопоказана - даже на самом удобном матрасе и мягкой подушке. Будет ворочаться с боку на бок, теревить одеяло, но не заснет.

Накинув халат на голое тело, хозяйка отправилась его провожать.

У двери остановились, прильнула к Марку, прошептала:

- Ты был великолепен. Как всегда. Как раньше. – Отстранилась, обхватила его голову, заглянула в глаза. - Знаешь, из всех мужчин, которые у меня были, ты лучший в постели. Не хочу тебя терять. В наше время так трудно найти настоящего самца. Все эти секс-оригиналы... Что я буду делать, когда мужчины эволюируют во что-то другое?

- Ну, на твой век жеребцов хватит, - грубовато успокоил Марк. – Кому-кому, а тебе беспокоиться не о чем. Мне тоже с тобой понравилось, Джен. Спи спокойно, дорогая.

Сухо поцеловал ее в лоб и вышел за дверь.

19.

На уикэнд прилетели родители. Визит был спланирован заранее и ожидался сторонами с одинаковым нетерпением.

Амелия и Сэмюэл Руттенберги три года назад одновременно вышли на пенсию и вступили в новый этап, который часто рассматривается в черно-белом варианте. Для одних это потеря социальной значимости, отчуждение старых друзей, обочина активной жизни. Для других - бессрочный отпуск, возможность заводить новые знакомства и делать то, на что в молодости не хватало времени или денег.

Для Амелии и Самюэла выход на пенсию не означал конца полнокровного существования. Спрятаться за кустом герани, наблюдать мир через окно? Не для них. Загорелись идеей посмотреть мир.

Популярные туристические страны они посетили раньше. Там, конечно, интересно, но – спешка, дороговизна и усталые гиды, скороговоркой выдающие заученный текст. Индустрия путешествий крутится на полных оборотах. Рядовой турист попадает в конвейер, который постоянно движется и не спрашивает о впечатлениях. Приехал? Любуйся. Посмотрел? Сфотографируй. Восхитился? Проходи!

Постоять перед экспонатом или природным пейзажем, подумать, обменяться мыслями – некогда, надо уступать место следующей группе или бежать к автобусу. Захочешь передохнуть за чашкой кофе – сдерут втридорога, испортят настроение до конца дня, а то и до конца отпуска.

Прелести и недостатки паломничества к туристическим «магнитам» Руттенберги испытали вдоволь. Все эти пирамиды и колизеи... Хватит. Настало время проехать по глубинкам, не открытым туристами. Увидеть не парадную сторону страны, а повседневную.

Притормозить. Оглядеться. Вникнуть.

Очароваться не в обязательном порядке, а по собственному желанию и в спокойном темпе. Общение с прекрасным требует неторопливости - как общение с неординарным человеком, который раскрывается не сразу. Только когда поговоришь, узнаешь его точку зрения, поймешь его глубину.

Чуть ли не каждый месяц супруги паковали чемоданы, готовясь к очередной поездке. Необязательно за границу - с немалым удовольствием ездили по Америке. Полюбившиеся места как Центральный Парк в Нью Йорке посещали несколько раз в год, он прекрасен во все сезоны.

Путешествовали насколько позволяли финансы. Руттенберги не миллионеры, но очень хороший средний класс. Оба имели в прошлом престижные специальности: папа – в финансовом отделе городской администрации, мама – в больнице. Проработали всю жизнь на одном предприятии, в благодарность за преданность получили неплохой бонус к пенсионному пособию. Раньше деньги тратили на семейные нужды – дом, машину, откладывали на образование для сына. Теперь пришло время тратить на себя.

Регулярно приезжали навестить Марка, коротко – на уик-энд. Его они считали единственным ребенком, хотя фактически имели еще дочь – на два года старше.

От нее давно не приходило известий, лет семнадцать.

В детстве Рэйчел была доброй, беспроблемной девочкой, выглядела как картинка из журнала для семейного чтения - блондинистые кудряшки, румяные щечки, счастливая улыбка. К четырнадцати годам лицо и характер испортились самым драматическим образом: из улыбчивого ангела с голубыми глазами она превратилась в нервного демона со шрамами от прыщей.

Внезапно Рэйчел обозлилась на целый свет. В знак протеста увлеклась мрачной, готической атрибутикой: покрасила волосы, ногти и губы в ядовито-черный цвет. Надела черную куртку с заклепками-иголками, перстни и кулоны в виде крестов и черепов. Возненавидела родителей, обзывала их тупоголовыми мешанами, приспособленцами, рабами комфорта и системы. В шестнадцать прониклась идеями то ли хиппи, то ли кришнаитов и ушла из дома.

Как потом оказалось - навсегда.

Амелия и Сэмюэл давно оставили попытки найти дочь и не имели понятия, жива ли она вообще. Из сердца не выбросили, надеялись в душе, что она когда-нибудь объявится - веселая и счастливая. Да любая - лишь бы вернулась. Но... С каждым годом надежда становилась прозрачнее. Невосполнимая потеря. Непроходящая боль. Похоронив ее на дне, родители никогда о том не разговаривали, даже между собой.

Зато сыном гордились за двоих, по-американски безгранично. Также безгранично любили, как любят маленьких – только за то, что они есть. Старались быть в курсе его событий, значительных – как покупка дома, и поменьше – как последняя прочитанная книга. Следили за успехами. Не забывали поддержать, подбодрить. Давали советы, просили следить за здоровьем.

Особенно Амелия. Привыкла в больнице заботиться о пациентах и перенесла эту манеру на близких. Упорно не желала признавать, что сын больше не нуждается в опеке - для нее он оставался малышом, пусть и выше ее ростом.

Доходило до смешного. Когда Марк по скайпу разговаривал хриплым от простуды голосом, мама первым делом спрашивала:

- Сынок, ты принял парацетамол?

Наказывала:

- Не сиди на сквозняке. Грей ноги. Ешь больше фруктов!

Сэмюэл обожал сына не меньше, обращался с ним сдержанно - по-мужски.

- Сын, ты позаботился о дополнительных пенсионных накоплениях? – интересовался он, готовый дать профессиональный совет.

Другого бы родительская опека раздражала, только не Марка. Наверное, в душе он был маменькин сынок, в хорошем смысле – когда человек имеет надежный тыл. Было весело ощущать себя ребенком в глазах родителей. Подыгрывал им, позволял о себе заботиться. Пусть со стороны выглядело комично – кому какое дело? Это их внутрисемейная тайна – как у мафии, члены которой скреплены не кровью, а любовью.

Когда уехал из родного штата, совершенно неожиданно начал скучать по родным. Ощутил пустоту в том месте возле сердца, которое раньше при семейных встречах наполнялось чем-то сладким и тягучим вроде клубничного сиропа.

К новому месту привыкать тяжело, а к такому амбициозному как Лос Анджелес – особенно. Иногда вечерами Марк лежал на диване, не включая ни света, ни телевизора, представлял – что сейчас делают родители? Играют в Скрэбл, смотрят «Касабланку» или танцуют танго под Армстронга? Возраст не испортил их характеров, они до сих пор влюблены друг в друга, сейчас даже сильнее чем прежде - ничего не стоит поцеловаться на многолюдной улице, устроить для двоих вечеринку с шампанским или заказать на дом курьера с букетом цветов.

Если Марк когда-нибудь женится, у него будут такие же нежные отношения с супругой.

Счастье, что родители живы, в том же доме, в том же штате - только теперь до них не двадцать минут на машине, а два часа на самолете. В принципе, разница небольшая, в случае нужды прилетят по первому зову.

Это знание успокаивало.

Наплывавшее одиночество отступало.

Вскоре оно вообще забыло к нему дорогу.

20.

Марк встретил родителей в аэропорту. Амелия придирчиво оглядела сына - не похудели? Для нее это был главный критерий здоровья и вообще благополучия. Если визуальный контроль проходил успешно, чаще так и бывало, спрашивала про новости.

У сына их имелось немного, пока выруливал на сто пятый фривэй, рассказал вкратце про успех в деле ювелира, похвалу Бернса, а также приобретенный недавно самоходный пылесос, одинаково эффективный на голом полу и на покрытии.

Амелия устроилась на заднем сиденье, но место на периферии ее не устраивало - чувствовала себя оторванной от общества любимых мужчин, вдобавок распырало поделиться впечатлениями от последних поездок. Она передвинулась на самый краешек, наклонилась вперед, просунула голову между передними сиденьями и без вступления спросила:

- Марк, ты знаешь – сколько раз покушались на Фиделя Кастро за всю историю Кубы?

Сэмюэл хмыкнул, Марк едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Привык к словесным эскападам родительницы, но каждый раз ей удавалось его удивить. Молча покачал головой: сейчас начнется информационный водопад, который лучше не прерывать замечаниями, не обижать маму. Пусть выскажется. Когда первый поток схлынет, они с отцом поговорят на свои темы.

- Более шестисот раз! – торжественно сообщила Амелия. – И ни один не удался. Ему подстраивали самые невообразимые ловушки. Кастро любил нырять за ракушками. В одну из них подложили бомбу, но он ее так и не подобрал. В другой раз соорудили сигару со взрывчаткой, но она не попала к адресату. А вообще на Кубе замечательные люди! Улыбчивые, бла-

гожелательные. Несмотря на бедность. Нам перед поездкой посоветовали: если хотите вкусно и дешево поесть – в ресторан не ходите.

- А куда? – вставил Марк, показать – слушает внимательно.

- К простым людям. Мы так и сделали. Это потрясающе! Обязательно надо пережить, если поедешь на Кубу. Зашли в один домик, который прилично выглядел. Там нас покормили буквально за пару долларов. Вкусно и без изысков. Правда, Сэмюэл? – спросила Амелия, чтобы вовлечь в разговор мужа. – Тебе какое блюдо понравилось?

- Жареные бананы.

- Жареные бананы? Ха-ха! – хохотнул Марк.

- Между прочим, зря смеешься. Таких блюд в ресторанах не подают. Готовится очень просто. Берут недозревший банан, режут на кусочки, кидают в кипящее масло. Потом кладут между двумя салфетками и давят. Снова обжаривают. Получаются плоские блинчики. Сладкие, хрустящие. Еще мне понравилась «Фрита де маланга».

- Фрита – понятно. Что такое маланга?

- Это их местный овощ. Белый клубень вроде картошки. Его стругают на крупной терке, чтобы получить кружочки. И тоже обжаривают. Вкус – пальцы облизать...

За полтора часа до Пасадены мать замолкла лишь на пару минут, когда заехали перекусить в японский ресторанчик. Сразу за входной дверью висела декоративное полотно с типичным ландшафтом: горы на дальнем плане, ближе – пагода, прямо перед глазами – ветка цветущей сакуры. Полотно висела низко: чтобы пройти в зал, приходилось наклоняться.

- Специально сделано, – пояснила всезнающая Амелия. – Японцы – вежливый народ, приучены кланяться друг другу. Мы должны соблюдать традицию.

Подошла официантка, выглядевшая лет на десять-одиннадцать: маленькая, плоская, круглолицая. Записала в блокнотик заказ – три комплекта суши и охлажденные напитки. Семья рассиживаться здесь не собиралась, только перекусить. Пока ждали, разглядывая интерьер, Амелия просвещала:

- Кстати про Японию. Какой город был первоначально их столицей? Киото. Древнейший и красивейший. Сам по себе памятник. Во Вторую Мировую страны коалиции договорились его не бомбить, чтобы не разрушать храмы и другие уникальные архитектурные сооружения. Они – сокровища, имеющие общечеловеческую ценность.

- Вы недавно из Японии вернулись?

- Нет, из Индии. Марк, ты не представляешь, какая там бедность! – сказала Амелия с искренним то ли сочувствием, то ли возмущением. – Дети ходят босиком. Бездомные круглый год живут на улице. Там, конечно, тепло, но ведь никаких условий! Ни электричества – посмотреть телевизор, ни воды – руки помыть. Чудовищная антисанитария! Когда человек умирает, лежит на дороге, пока не приедет труповозка. Это же дикость в наше время...

Две девушки в одинаковых коричневых платьях с белыми воротничками как у школьниц расставили по столу тарелки с едой и соусами. Суши разных форм, размеров, с разными начинками отвлекли Амелию, и она затихла, разглядывая. Выбрала один – с ярко-желтым кусочком авокадо наверху и, ловко орудуя палочками, обмакнула в соевый соус, положила в рот.

- М-м-м, – довольно промычала, прожевала, проглотила и тут же продолжила: – С другой стороны, Индия – страна экзотической природы. По-карнавальному красочной – в Америке такую не встретишь, даже в Лос Анджелесе. Искусный народ, создавший уникальную культуру. Марк Твен говорил: «Индия – колыбель человеческой расы, мать истории» и так далее. Все верно. Их культура богата и разнообразна. Архитектура поражает утонченностью. Их древняя религия... как она точно называется, Сэмюэл?

- Индуизм, кажется.

- Точно, индуизм. Миротворительная вера. На уровне философии. Неудивительно, что ее исповедует больше народу, чем проживает в Соединенных Штатах. Ведь там насчитывается... Сколько, Сэмюэл?

- По-моему, более миллиарда, - подсказал муж.

- Только представь себе! – воскликнула Амелия, сделала круглые глаза и на секунду замолкла, будто осознавая – сколько же это «полмиллиарда». Махнула рукой, мол - невозможно вообразить. - Перенаселение заметно на каждом шагу. По улицам наравне с людьми ходят коровы, олени, обезьяны. На дорогах полнейшая анархия. Вместо светофоров - регулировщики с бамбуковыми палками. Которые используют в качестве штрафа. Кто уж слишком нагло себя ведет - тут же получает по спине. Жуткая толкотня - в поездах, в автобусах. Даже у реки. Ой, Марк, сейчас расскажу, как мы чуть не окунулись в Ганг...

- Не мы, а ты, я и не собирался, - добродушно поправил Сэмюэл.

- Это правда. А вообще фестиваль мне понравился. Называется Кумбха-мела. Про все рассказывать не буду, слишком долго. Что меня особенно впечатлило - голые йоги, которые издеваются над собой. Накручивают пенис на палку, утверждая, что в страданиях достигают совершенства. Это надо видеть... Потом люди пошли окунаться в реку, чтобы «очиститься». И я за ними. Спасибо Сэмюэлу – вовремя остановил. Увидел проплывающие экскременты. Не понимаю, почему река так загрязнена. Ведь она считается священной. Казалось бы, люди должны сохранять Ганг в приличном виде.

- Дорогая, перестань строить из себя идеалистку. Ты же знаешь, там не все в порядке с бытовыми удобствами.

- Да, еще один показатель отсталости. Общественные туалеты стоят на воде. Содержимое тут же уносится течением. С одной стороны –естественная утилизация. Но представь, Марк, каково тем, кто живет ниже по течению! – возмутилась Амелия, отправляя в рот очередной кусочек суши. У нее отлично получалось совмещать несовместимое: рассказывать о неаппетитных вещах и наслаждаться пищей.

- А, не это главное, - бодро добавила она. – Я влюбилась в Индию. Помнишь, Сэмюэл, как замечательно нас кормили в поезде на Мумбай? Они везде добавляют ту особую приправу «кэрри» желтого цвета. Она самая популярная в азиатском регионе. Вкусно. Только если испачкаешь одежду, можешь выбрасывать, потому что кэрри не отстирывается...

- Куда ваш следующий маршрут? – спросил Марк у отца.

- Я хотел в кругосветный круиз. Амелия – побродить по Аравийской пустыне. На верблюдах.

- Интересный разброс мнений.

- В круизе мы уже были, - сказала Амелия. – Вокруг Америки. Кстати, Марк, очень советую хотя бы раз пережить проход через Панамский канал. Зрелище, которое не забудешь! Представь: корабль гигантский, проход узкий. Кажется – невозможно. Не впишется. Честно – я по-настоящему испугалась. Думала – обязательно врежемся в стену.

Сэмюэл повернулся к жене:

- Тебе же стюард объяснял: судно ведут роботы, столкновение исключено. Безопасность гарантирована.

- Да. Но все равно.

- Обошлось? – спросил Марк, глянув на мать в зеркало заднего вида.

- Даже бортом не прикоснулись! Ювелирная работа. Они и берут за нее неплохо.

- Это основная экономики Панамы.

- Точно. Знаешь, сколько стоит проход одного лайнера?

- Понятия не имею. Никогда не интересовался.

- Самые дорогие – круизные. Такие громадины, как «Норвежская Жемчужина» платят по четыреста пятьдесят тысяч долларов. Отличный источник дохода. Другие страны тоже задумали прорыть канал. Кажется, Никарагуа, а, Сэмюэл?

- Нет, Коста Рика.

- Мам, а чем тебя пустыня привлекает?

- Своей философией. – Амелия помолчала, чтобы переключиться на новую тему. – Многие думают: пустыня – пустая. Никто там не живет, потому что невозможно. Ан нет. В пустыне кипит жизнь. Только на другом уровне. Мы в прошлом году ездили в Марокко. Побывали в местах, куда возят туристов – Маракеш, мечети, дворцы и так далее. Очень красиво. Потом пригласили нас на экскурсию в Варзагат.

- Чем он знаменит?

- Крупнейшая натурная съемочная площадка. Своеобразный африканский Голливуд. Там снимали, в частности, «Игры престолов».

- А, помню. Классные пейзажи. Я четыре сезона смотрел. Потом как-то надоело. Сюжет упростился, много фантастического появилось.

- Я все сезоны смотрел. И жду продолжения, - сообщил Сэмюэл.

- Я тоже, хоть и не люблю сериалов, - сказала Амелия. – Так вот. В пустыню ехать нашлось немного добровольцев. Среди которых, естественно, мы. Там неподалеку есть деревенька берберов...

- К которым твоя мама, естественно, напросилась в гости, - закончил фразу Сэмюэл.

- Ой, Марк, я не устаю повторять. Приезжаешь в чужую страну, особенно – в бедную, непременно поговори с жителями. Посмотри на быт. Не для того, чтобы ужаснуться, почувствовать себя привилегированной расой. Для себя. Чтобы обогатиться опытом. Восхититься приспособляемостью людей. Понять их образ мыслей. Сравнить наши и их приоритеты. Может – поучиться чему-то. Знаешь, полезно над такими вещами поразмышлять.

- Чему же научил тебя житель пустыни - бербер?

- Вечным истинам. Счастье – не в деньгах. Не в дворцах. Не в драгоценностях.

- Давно известно. В чем же его счастье?

- В душевном спокойствии. В простоте. Зашли мы в гости к одному пастуху, звали Мохамед. Вернее, посидели возле жилища. Дом его – глиняная хижина, где встать во весь рост невозможно. Им и не требуется, они внутри только спят. Вся жизнь на улице. Сидим возле костра: я на пеньке. Мохамед на песке. Чай вскипятил. Разлил по стаканчикам. Рассказывает. «Я счастлив здесь. Ни о чем не беспокоюсь. Троих детей вырастил. Они в города уехали. Старший Ахмат – во Франции. К себе зовет. Мы с женой не хотим. Ни в город, ни за границу. Мне пятьдесят один, я свою жизнь прожил. Если завтра Аллах призовет, пойду к нему без сожалений». И такое блаженство на лице... Как у праведника. Жизнь тяжелейшую прожил – в труде, без привычных нам удобств. Ни на что не обижается. Не жалеет, не мечтает. Заметила я у него часы на руке. Показалось странноватым. Бессмысленным. В пустыне время неважно. Каждый день одно и то же. Часы, минуты не существуют. Года проходят незаметно. Спрашиваю – зачем? Как думаешь, что ответил Мохамед?

- Ну... чтобы вовремя верблюдов в ограду загнать? На рынок в город поспеть? Не знаю...

- Вот – у нас сразу практические мысли приходят. А он говорит – чтобы вовремя помолиться. Представляешь? Единственная тревога – не опоздать поговорить с Богом. Вот такие проблемы. Разве не любопытно? Я всегда говорю Сэмюэлу – куда бы ни приехали, обязательно познакомимся с обычаями простых людей. Вот как тебе такая мелочь. Наш бербер хоть и нищий, а оказался гостеприимным хозяином. Но. Нас заранее предупредили: в Марокко существует закон. После третьего стакана чая – уходи. Мы так и сделали. Расстались с Мохамедом лучшими друзьями.

- Я ему нашу техасскую ковбойскую шляпу подарил... Амелия, а расскажи про того предсказателя из Индонезии. Помнишь его?

- Конечно! Ой, Марк, смешно получилось... Приехали мы на Бали. Там люди духовные. Фанатичны в религии. Верят во всякие экзотические вещи. Реинкарнацию, медитацию, наличие души у неживых предметов. Очень популярны народные врачеватели, хироманты, предсказатели будущего. Пошли мы к самому известному, звали Катю. Он самый старый житель острова, сам точно не знает – сколько ему лет. То ли восемьдесят шесть, то ли сто двенадцать. Посмотрел на мою ладонь и говорит: у тебя две линии брака. Так Сэмюэл потом долго насмеялся, говорил – почему скрывала, что была замужем до меня? Ха-ха-ха!

Посмеялись. Милая, ненапрягающая болтовня, Марк слушал и не вникал. Неважны слова. Важно, что эти люди есть в его жизни. Пусть редко приезжают, даже хорошо, иначе ягодный сироп в душе превратится в приторную мешанину. Два-три раза в год – самая приемлимая частота. Отличный уик-энд получится. Уик-энд мечты.

21.

Дома задерживаться не стали – это перевалочный пункт, где можно оставить вещи, ополоснуться, переодеться. Родители – люди активные, сидеть без движения не любили, запланировали целую программу, успеть бы осуществить за выходные. Завтра, уже в аэропорту, Амелия, прощаясь, обнимет сына, поцелует в лоб, скажет с сожалением:

- Два дня пролетели – незаметно как. Поговорить по-настоящему не успели. Ну ничего. В следующий раз.

И так каждый раз.

После короткой передышки семья отправилась на бульвар Голливуд совершить пробег по магазинам - по просьбе Амелии. Требовалась сумка для следующего путешествия: на длинной ручке, с отделениями для паспорта, кошелька, телефона и зонта.

Когда знаешь - чего хочешь, знаешь – куда идти. Пройдя мимо гитарного магазина и секс-шопа, Амелия свернула к дверям дорогого торгового центра, который привлек ее объявлениями о распродажах. Муж и сын отправились в отдел мужских интересов, туда, где пахло кожей – Сэмюэлу требовался ремень для брюк, заодно поглазеть на последние модели часов и летней обуви.

Сумки, которые продавались со скидкой, Амелии не подошли. Она не придерживалась принципа – не уйду, пока не куплю, ее желание звучало мягче: куплю, если очень понравится. Перешла в отдел марочной одежды и превратилась из покупательницы в смотрительницу - подобно большинству посетителей, заходивших лишь поглазеть на предметы роскоши.

Продавщицы поглядывали на Амелию с подозрением - она имела оригинальную манеру осмотра: будучи близорукой, подносила вещи близко к глазам – будто обнюхивала. Выбирать товар по запаху? Такого они еще не видели, но от комментариев воздерживались, привыкшие ко всяким чудачествам.

Через час она купила лишь мелочь: шарфик от Диор и набор коротких белых носочков. Устала не столько от ходьбы, сколько от толкучки и мелькания реклам, к тому же соскучилась по своим «мальчикам». Время воссоединиться.

Позвонила, договорилась встретиться у эскалатора.

Мужчины явились с приобретениями: у Марка портмоне, у Сэмюэла – ремень для брюк, который он сразу вставил вместо старого. Похвалившись покупками, подвели итог: время и деньги потрачены с пользой, итог положительный. Другого и не ожидалось – семья Руттенбергов предпочитала смотреть на жизнь с солнечной стороны.

В буквальном смысле. Они шли по солнечной стороне бульвара, ели мороженое в рожках, болтали и не заметили как на серых тротуарных плитах появились красные звезды.

Сэмюэл бросил случайный взгляд под ноги, увидел знакомое имя, остановился.

- Фрэнк Синатра, лучший исполнитель Америки. Сейчас таких нет. И не будет, - сказал он с ноткой сожаления. – И песен таких не будет.

Запел низким голосом, удачно имитируя немного небрежную манеру Синатры:

- Странники в ночи

Для нас сверкают,

В светлые мечты

Нас приглашают...

- А я приглашаю в казино! – сказала Амелия и показала на вывеску «Казино Жираф» впереди - где бульвар выходил к набережной. Не то, что избыток денег жег карманы, предложила из веселого азарта.

Почему нет? Хочешь праздника – создай его, считали супруги. Были полны юношеского любопытства и желания испробовать побольше новых вещей.

Старость пусть подождет лет двадцать. Когда обоим перевалит за восемьдесят, и физическая активность пойдет на спад, наступит время остепениться. Амелия и Сэмюэл сядут на лавочку в садике за домом и каждый разговор будут начинать фразой: «А помнишь...».

Этот момент вынужденной оседлости еще очень далек.

Казино не имело лестницы перед входом, тротуар привел прямо к распахнутым дверям. Сначала решили там поужинать, потом отправиться проигрывать деньги.

Практичная Амелия нашла возможность сэкономить. Зная, что пенсионерам положена скидка, она сообщила кассирше, что они с Самюэлом к тому же новички в казино и имеют право на дополнительную привилегию. Два раза скостить цену на фишки – это удача дня: воодушевленная Амелия вошла в игровой зал с гордо поднятой головой, будто уже сорвала джек пот.

Время прошло весело. Немножко выиграли, потом все проиграли и не расстроились ни капли. К полуночи вернулись домой, часок посидели в пляжных креслах перед бассейном с фужерами вина.

Беседовали в основном мужчины. Амелия днем наговорила, сидела молча, глядя на ночные огни и неясные очертания гор у горизонта. Ей не терпелось спросить сына насчет женитьбы. После Леонтин Марк постоянной девушки не нашел, а ему уже тридцать один – критический возраст для мужчины. Привыкнет к одиночеству, останется до конца жизни холостяком. Жаль. Амелии внуков хотелось понянчить пока силы есть, посмотреть – какими они вырастут...

Разговор в нужное русло не свернул, напрямую спрашивать не стала. Оставила до следующего раза.

Утро воскресенья семья провела в павильоне студии Юниверсал, где показывают - как снимались известнейшие приключенческие картины. Было весело поучаствовать. Основательно промокли, когда их трамвайчик накрыла волна из фильма про Индиану. В намокшем виде люди выглядят жалко и потешно – в прилипшей одежде, с мокрыми волосами и растерянными глазами. Хохотали друг над другом, заодно над пассажирами, которым свежая ванна не очень-то пришлась по душе.

После раннего ужина Марк отвез родителей в аэропорт. При прощании договорились снова встретиться после их очередной дальней поездки то ли в Перу, то ли в Коста Рику. Куда именно, пока не решили, но направление – Южная Америка – уже выбрали.

Возвращался Марк в сумерках. На въезде в даунтаун пришлось постоять в пробке. Типично для вечера воскресенья: горожане и приезжие массово покидают пляжи, казино, магазины и рестораны, чтобы вовремя вернуться домой, прийти в себя после беззаботно проведенного уик-энда.

От нечего делать Марк покрутил настройку приемника. Мелодичный женский голос пропел музыкальную заставку «Ретро Радио», потом – флейта, ударник, труба и слова «Она живет одинокую жизнь».

Отличная, старая композиция «Все, что она хочет», где-то он ее слышал - совсем недавно... Но где?

22.

Понедельник прошел незаметно – за конторской рутинной. Вторник начался с производственного совещания, вернее, с деловой беседы между компаньонами. Беседовали в кабинете основателя фирмы Энтони Бернса.

Есть мужчины, которые умеют стареть. В молодости они просто красивы, с возрастом приобретают особый шарм: глаза излучают спокойствие и мудрость, крупные морщины говорят о надежности. Женщины таких обожают.

Бернсу шестьдесят восемь, но стариком он не выглядел, на вид максимум – слегка за пятьдесят. Лицо сухое, породистое, как у актера Грегори Пека. Черные волосы с едва заметными ниточками седины разделены на пробор и зачесаны назад. Фигура по-атлетически подтянутая – он жутко гордился ею и подчеркивал безупречно подобранными костюмами.

Энтони обладал врожденным артистократизмом, которого нет у современных людей: плавные жесты, неторопливая походка, правильная речь – попади он в Голливуд, снимался бы в ролях графов и особ королевских кровей.

Марк редко видел его сидящим. Засунув руки в карманы брюк, Бернс обычно прохаживался по кабинету, останавливался перед окном, глядел вдаль и покачивался с пятки на носок. Когда с кем-то разговаривал, смотрел в глаза, улавливая настроение собеседника, и в этом тоже выражалась его старомодность.

- Ты уже ознакомился с делом Мэри Эллис Салливан?

- Ознакомился.

- Впечатления?

- Трудно сказать. Запутанное дело. Я сегодня с ней встречаюсь.

- Марк, хотел тебя предупредить. Дама хоть и вращалась здесь в приличных кругах, родом из глубинки. Манерам не обучена. Ты не очень обращай внимание – как она разговаривает или ведет себя.

- Вдова - наркоманка? - Марк ненавидел иметь дело с зависимыми клиентами: они ненадежны, глупы, непредсказуемы. В любой момент могут подложить адвокату свинью – поменять на суде показания, начать пререкаться, даже не понимая, что вредят себе же.

- Не наркоманка, но употребляющая, - осторожно проговорил Бернс. – А кто в Голливуде этим не грешит? Чуть ли не каждый год от передозировки умирают звезды первой величины. Что говорить про остальных? Не хочу давить на тебя. Смотри сам. Если увидишь, что она невменяемая, отказывайся. Но прошу, не торопись. Чтобы ее заполучить, мне пришлось наладить целую шпионскую сеть. Предложил самую низкую цену за услуги. Да, дело туманное, зато перспективное. К нему прикован интерес общественности. Отличная реклама будет. Терять такую возможность глупо.

- Ладно.

- Еще одно. Когда журналисты пронюхают, что ты адвокат Мэри Эллис, начнут атаковать. Чтобы не отвлекаться, возьми Джека Нортонна своим представителем. Держи его в курсе, ладно?

- Хорошо. Посвящать в детали?

- Нет, только в общих чертах. Пусть выдает то, что нам выгодно опубликовать.

Бернс подошел к холодильнику, остановился, подумал.

- Хочешь воды?

- Нет, спасибо, уже пил.

- Теперь о другом. Нам предлагают принять во владение предприятие по производству чипсов в Торрансе, - проговорил Бернс, открыл дверцу, и, наливая воду, продолжил: – Бизнес процветающий, ты же знаешь, насколько популярны сейчас вредные продукты. Годовой оборот – двенадцать миллионов, и будет расти. Но владелец спешит. У нас на размышление не более трех дней. Что ты думаешь?

Марк помолчал. Он устроился в широченном кожаном кресле, таком мягком, что сидел полулежа и только что поймал себя на желании положить ноги на стол и подремать.

- На каких условиях передача?

- Без условий. Мы получаем акции, владелец деньги. Все.

- Слишком красиво, чтобы быть правдой, - с сомнением произнес Марк. – Лучше купить официально - пусть займет время, зато надежнее. Вы же знаете, при передаче принимающая сторона получает не только активы и персонал, но и все негативные вещи - задолженности по зарплате, банковские кредиты, забытые договора и так далее.

- Все так, но инвентаризация и аудиторская проверка могут затянуться. Владелец торопится. Срочно уезжает жить за границу.

- Куда, в Европу?

- Нет, в Гонгконг. Там сейчас деловой бум. Предприимчивые люди богатеют в одиночку, потому спешат воспользоваться моментом. – Бернс помолчал, осмотрелся, будто решая, в какую сторону направиться. Подумал и остался на месте. - Предприятие, вроде, здоровое. Я проверял, на бирже они на хорошем счету. Конечно, без проверки нельзя, но и затягивать нежелательно. Выгодный бизнес долго не остается без хозяина...

- Хорошо. - Марк согласился, не углубляясь. Старший компаньон ввел его в курс дела, дальше пусть действует по своему усмотрению: хозяйственные и административные вопросы - его вотчина. - Кого хотите назначить директором?

Обсудили еще несколько вопросов, и Марк вернулся к себе.

Уселся за компьютер, еще раз просмотрел полицейские отчеты, которые касались его новой клиентки.

Офицер Грибс, возглавлявший команду детективов, дал понять в телефонном разговоре, что согласен с общественным мнением и считает ее виновной. Точнее - организатором двух убийств: мужа и приятеля дочери, того самого Мэтью Крюгера, тело которого нашли в кювете возле двести десятого шоссе. Если оба удастся доказать, ядовитая инъекция ей обеспечена.

Обвинения серьезные, Марк принял их как информацию, не более того. Полиция нередко ошибается, бывает, что умышленно - облегчить себе жизнь, побыстрее представить обществу преступника. Прежде, чем делать выводы, надо выслушать версию другой стороны. Часто она отличается от общепринятой и выглядит логичнее.

Часто, но не всегда...

23.

В ноутбуке пикнуло, и всплыла картинка делового дневника с напоминанием. Марк прикинул: сейчас двадцать пять четвертого, встреча с клиенткой в четыре, ехать двадцать две минуты по сообщению навигатора плюс накинуть пару минут на непредвиденные задержки. Пора отправляться.

- У меня деловая встреча, сегодня в контору не вернусь, - сообщил Розалине.

- Можно звонить в экстренных случаях?

- До шести нельзя.

Проехав по бульвару Санта Моника, свернул в одну из боковых улиц и сразу оказался в неблагополучном районе: раскуроченные телефонные аппараты, бродяги с нагруженными тележками, черные наркодилеры с настороженными глазами. Какой-то ненормальный остановился на машине посреди дороги, и Марку пришлось объезжать его по тротуару.

Дом, в котором теперь жила вдова Салливана стоял в конце улицы, на самом отшибе, далее начиналась производственная территория с кирпичными коробками то ли гаражей, то ли складов. Постройка двухэтажная, без изысков: ни террасы, ни балкона, голубые стены из продольных досок, крыша острая – смахивает на картонный домик.

На звонок отозвались не сразу. Когда Марк поднял руку позвонить во второй раз, послышались торопливые шаги по деревянному полу – гулкие, как перестук копыт.

Открыла сама Мэри Эллис с влажным взглядом и накрашенная, как для вечеринки. Полный макияж в середине дня - неудачная идея, тем более для ее рыхлого, съехавшего вниз лица. На фото четырехлетней давности она выглядела симпатичной женщиной, теперь... как бы помягче сказать – не отталкивающей, но неудачно молодящейся.

Увешана кольцами, серьгами, браслетами вроде манекена в магазине бижутерии. Одетая в легкое, до колен платье с цветочным принтом и глубоким декольте, которое выглядело неуместно для разговора с адвокатом. Ей было что показать в вырезе, но это не имело практического значения и работало не в ее пользу.

На Марка пахнуло тяжелой смесью кокаина, алкоголя и приторных духов, от чего желудку захотелось вывернуться. Мелькнул малодушный порыв – окатить вдову переваренными остатками ланча и обратиться восвояси.

Но вспомнил Бернса, профессиональный долг и прочую мишуру, управляющую поступками. Задержал дыхание, призвал себя к порядку: дело превыше всего, он приехал установить контакт, а то, как клиентка выглядит или пахнет – к делу не относится.

- Добрый день. Я ваш адвокат - Марк Руттенберг, - сказал как можно приветливее.

Дама ожила и как-то сразу вся зашевелилась – качнула головой, передернула грудью, повела бедрами, потопталась ногами в босоножках на платформе – те самые копыта. Раздвинула губы в улыбке. Зубы у нее в порядке...

- Очень приятно. Мэри Эллис Джонсон, по мужу Салливан. – Протянула руку. - Так как Боб умер, предпочитаю, чтобы меня называли по девичьей фамилии. Или просто Мэри Эллис.

- Нет, лучше мисс Джонсон. - Марк пожал руку, пухлую и безвольную как сосиска.

- Хорошо. Проходите, пожалуйста.

Внутри работал кондиционер, охлаждая, но не освежая спертый воздух. В гостиной были такие же голубые стены, как снаружи. Мебель в стиле Икеа - стандартный набор стандартной формы, не скажешь, что хозяйка совсем недавно купалась в долларах.

Марк устроился в кресле у низкого столика, дама в углу дивана.

Первым делом она расстегнула ремешки на своих «копытах», скинула и задвинула под стол - видимо, сильно мешали передвигаться. Закинула ногу на ногу, колени поднялись и вышли на первый план. Подол платья пополз назад, остановился на половине бедра - Мэри Эллис и не подумала поправлять, вроде не заметила. Игриво покачала босой ногой, демонстрируя на шиколотке аккуратный, черный обруч с датчиком.

Что ж, каждый ведет себя так, как считает нужным, тем более у себя дома. Марк сделал вид, что не имеет возражений против ее обнаженных ног. Про себя насторожился: от женщин, столь явно предлагающих себя, можно ожидать каких угодно провокаций. Зря он сюда приехал. Назначил бы встречу в официальном месте - в участке, например, пусть бы ее полицейские доставляли туда-сюда. А то проявил сочувствие, не хотел, чтобы даму лишней раз нервировали люди в форме. Как бы не пришлось пожалеть.

Впрочем, может он ошибается, и она ничего непристойного не имеет в виду...

Только собрался задать первый вопрос, хозяйка опередила:

- Простите, не спросила - хотите выпить чего-нибудь холоденького?

- Нет, спасибо. Давайте сразу перейдем к делу, мисс Джонсон.

- А я выпью, - заявила она, не обращая внимания на его последние слова. – Вы уверены, что не хотите?

- Хорошо, принесите, пожалуйста, колы. – Постоянные отказы не способствуют наведению эмоциональных мостов.

Оттолкнувшись от дивана, Мэри Эллис встала, одернула платье и отправилась на кухню подпрыгивающей походкой, от которой полные ягодички задрожали как пудинг. Марк усмехнулся - что на уме у этой дамы? Всерьез задумала его соблазнить или флиртует по привычке?

Вернулась с двумя высокими бокалами с колой, в которой плавали кубики льда. Один поставила перед гостем, наклонившись так низко, что глубокий вырез оказался прямо перед его носом. И глазами. Невольно заглянув туда, он рассмотрел подробности ее обширного бюста: голубые прожилки вен, коричневые соски и даже шишечки на них.

Бюст впечатления не произвел - Марк не любил гигантских размеров у женщин. Отшатнулся, принял бокал и, сосредоточившись взглядом на фиолетово-черной жидкости, стал заливать ее в горло.

Мэри Эллис устроилась на прежнем месте в той же позе. Потягивая колу, она нервно покачивала ногой и поглядывала на адвоката то ли разочарованно, то ли обиженно. А чего она, собственно, ждала? Что он бросит все и нырнет с ней в постель? Или завалит ее прямо здесь, на диване?

Что она вообще о себе представляет? Думает, что неотразима? Пусть поприветливее посмотрит на себя утром - если смыть косметику, будет похожа на пончик с глазами...

В это время она опять наклонилась, чтобы взять сигарету со стола, и опять нарочно низко.

- Курить будете? Нет? А я буду.

Пока прикуривала от золотой на вид зажигалки, неотрывно глядела на Марка. Вернее – старалась сосредоточить на нем взгляд, но глаза все время уплывали в сторону, и ей стоило усилий держать их сконцентрировано.

Свернув губы набок, выпустила густую струю дыма, сказала негромко:

- А ты красавчик...

- Мисс Джонсон, давайте перейдем...

- Скажите, мистер адвокат, нельзя ли снять с меня эту штуку. – Качнула ногой, показала глазами на обруч.

- Я посмотрю, что можно сделать.

- Тогда мы встретились бы в другой обстановке. На пляже Эл Матадор в Малибу есть отличный бар «Сиамский шалаш». Мы звали его «Сиам». Там вместо пола песок – танцуй до упаду, ноги не устанут. Подают самый вкусный на побережье коктейль Коко-Локо в настоящем кокосовом орехе. Знаете, как его готовят? Берут кокос, срезают верхушку...

Марк начинал раздражаться. Скользящая дама, с ней следует быть начеку, иначе не успеешь оглянуться, окажешься в центре скандала. Его еще Грибс предупреждал, что мисс Джонсон – редкая манипуляторша. Ну, пусть она на ком-нибудь другом упражняется, Марк рисковать карьерой ради ее второсортных прелестей не намерен.

Проще, конечно, психануть и уйти с пустыми руками, но это не выход.

Надо перенастроиться. Посчитать про себя - от двадцати пяти в обратном порядке: двадцать пять, двадцать четыре, двадцать три... Пока считал, осушил стакан наполовину, достал ноутбук, раскрыл, включил.

Вроде успокоился, но про себя решил: если она еще раз слишком близко подойдет или будет провоцировать по-другому, он прекратит разговор и попрощается.

Когда вдова замолкла, чтобы сделать затяжку, Марк проговорил деревянным голосом:

- Мисс Джонсон, у меня мало времени, давайте по существу. Наша фирма защищает ваши интересы в деле об убийстве мистера Салливана. Мне необходимо в подробностях восстановить картину происшествия. Насколько возможно. Протоколы я читал, теперь хочу услышать от вас. Для того и приехал. – «О чем уже пожалел», - добавил про себя. - Прошу, будьте со мной откровенны. Полностью. Не бойтесь, я ваших тайн не выдам. Все, что будет произнесено

в этой комнате, в ней и останется. – Посмотрел на клиентку: поняла ли она его или все еще занята какими-то своими идеями?

Она не поняла и не хотела.

- Скажите мистер... Не разобрала вашей фамилии.

- Руттенберг.

- А по имени можно?

- Нельзя.

- Хорошо, - согласилась охотно и без обиды в голосе.

- Вы поняли, что я сейчас сказал?

Она рассеянно кивнула. Кажется, не поняла, ну неважно. Надо с ней пожестче. Продолжил:

– Не собираюсь вас осуждать или давать оценки. Это неважно. И прошу не обижаться на мои вопросы. Задаю их не из праздного любопытства, а из желания выслушать ваше мнение о случившемся. - Сделал паузу и спросил влоб: - Вы участвовали в убийстве мистера Салливана?

- Нет, - не моргнув глазом, ответила Мэри Эллис и дернула головой в сторону.

- Где вы были, что делали в тот день?

- Была в гостях у друзей в Лондейле. Целое утро пыталась Бобу дозвониться. Безуспешно.

Оставляла сообщения на автоответчике.

Да, именно они послужили алиби, мысленно подтвердил Марк. По данным с телефонной вышки, ее сообщения поступили примерно в предполагаемое время убийства, из места за двадцать пять километров от дома Салливана.

- Зачем вы звонили? Кажется, вы собирались развестись?

- Да, собирались. Но это не значит, что были врагами. Мы с Бобом знаем... знали друг друга много лет, еще со школы. Договорились поддерживать дружеские отношения. В тот день – вторник, кажется, собирались встретиться. Но у меня не получалось. Хотела перенести на следующий день.

- Для чего понадобилось встречаться?

- Чтобы обсудить условия развода, финансовые вопросы.

- И что это за условия?

- Боб должен был поддерживать меня финансово, так как я не работаю. Также платить алименты на детей и кредит за жилье.

- То есть полностью вас обеспечивать. – Марк сделал пометку в ноутбуке. – Насколько я понимаю, убивать его не было в ваших интересах?

- Абсолютно не-е-ет, – протянула Мэри Эллис с выражением «Как вы могли предположить такую глупость?».

- Знаете Мэтью Крюгера?

- Кто это?

- Понятно. Перейдем к другому вопросу. Ваша дочь проходит в деле свидетелем. Она дома? Можно с ней побеседовать? В вашем присутствии, конечно.

Дама напряглась. Перестала беззаботно качать ногой, бросила на гостя хмурый, почти враждебный взгляд и жестко проговорила:

- Фиби не совсем здорова. Лежит у себя.

- Мисс Джонсон. Напоминаю, это не праздный разговор. Вы подозреваетесь в двух убийствах. Фиби – важнейший свидетель. Ее будут допрашивать в суде. Она должна знать, что можно говорить, что нет. Я подскажу. Нам троим необходимо договориться, чтобы не противоречить друг другу. От одного неудачно произнесенного слова может зависеть ни много ни мало ваша жизнь. Пожалуйста, позовите Фиби. Я ее надолго не задержу, - проговорил Марк и уткнулся в компьютер.

Мэри Эллис поднялась и с недовольным видом отправилась к лестнице на второй этаж - все той же прыгающей походкой, шлепая босыми ступнями по доскам пола. Марк не смотрел ей вслед, уткнулся в экран ноутбука и поднял голову только тогда, когда услышал голоса.

К дивану шла девочка, в том переходном возрасте от подростка к девушке, который они так ненавидят.

У Фиби было бочкообразное туловище, его усугубляли чрезмерно узкие джинсы - наверняка она надевала их лежа, а когда встала, живот выпер вперед. Его бы скрыть под просторной майкой, но она выбрала обтягивающую, вдобавок с тонкими бретельками, которые выставили на всеобщее обозрение полные плечи. Она шла, округло расставив руки, похожая на тяжело-веса, приближающегося к штанге. Бросила «привет» и тяжело плюхнулась на мамино место, обдав Марка запахом застарелого пота. Как пахнет свежий – он знал и не считал отвратительным.

Постарался не сощуриться.

- Фиби, я ваш адвокат и хотел бы задать несколько вопросов. - Сделал паузу. Фиби не произнесла ни слова, глядела, насупившись, выжидающе, как на клоуна, приглашенного ее развлекать. Если не справится, получит в лоб. - Где ты была в момент гибели мистера Салливана?

Ответила не сразу. Подняла глаза к потолку, вспоминая.

- Мы целый день тусовались в Хермоса-Бич. До обеда сидели в Макдоналдсе, потом пошли на пляж... – скованно проговорила Фиби и посмотрела на мать. Та утвердительно кивнула.

- Как ты узнала об убийстве?

Снова молчание. Думала или просто имела замедленную реакцию? Вряд ли она приучена думать прежде, чем говорить. Просто как все толстые люди не любила торопиться.

- Мне мама позвонила.

- Ты видела приемного отца мертвым?

- Видела.

- Когда, при каких обстоятельствах?

Опять взгляд на родительницу.

- Полиция попросила нас с мамой приехать опознать тело. Я приехала быстрее. Отец... мистер Салливан лежал в прихожей с подушкой на голове. Она была прострелена. И кровь кругом.

Подушка? Марк взглянул на экран, где расположились в ряд фотографии из полицейского досье. Никакой подушки, ни на труп, ни рядом. Неувязочка. Обратил внимание.

Сделал пометку и снова спросил:

- Откуда ты знаешь, что подушка была прострелена?

- Там дырки виднелись.

- Сколько раз стреляли?

- Три .

Откуда она все так точно знает? Отвечает без запинки, будто присутствовала при совершении преступления. Или слышала рассказ от убийцы?

- Как думаешь, почему соседи не слышали выстрелов?

- Так ведь через подушку... – Фиби посмотрела на него, как на идиота: что за адвокат, простых вещей не понимает.

Опять подушка! Марк насторожился. Собираясь сюда, он исходил из представления, что ни мать, ни дочь Джонсон к убийству не причастны - презумпция невиновности и все такое. Теперь уверенность поколебалась, но это не имеет значения - он возьмется за дело с удвоенной энергией.

- Что произошло потом?

- Потом приехала мама, и мы опознали труп, - произнесла Фиби совершенно равнодушно, как если бы сказала «потом приехала мама, и мы купили по мороженому».

Марк обратился к Мэри Эллис.

- Вашу дочь допрашивали в полиции?

- Нет. Я запретила.

Правильное решение при ее недалекости.

- Хорошо. В зале суда ее будут допрашивать представители обвинения и, возможно, судья. Фиби, запомни. Про подушку ни слова. Никогда. Ни с кем. Вообще забудь. Про три выстрела тоже. Говори – не помню, слишком много времени прошло. Ясно? – Марк смотрел на нее, пока согласно не кивнула.

Оставался последний вопрос к матери.

- Зачем вы разместили фото в соцсети, где вы покрыты денежными купюрами?

- А-а, это... – протянула женщина. – Я и не знала. Его Лукас поставил. Без моего ведома. Сейчас оно удалено.

Слишком поздно. Полиция за него уцепилась.

- Кто это – Лукас?

- Лукас Брэдли. Приятель Фиби. Просто знакомый, не бой-френд, - сказала она и отвела взгляд под стол, вроде проверить – как там босоножки.

На сегодня, пожалуй, все. Марк про себя облегченно вздохнул и ощутил необходимость глотнуть свежего воздуха, пусть горячего, зато вне этого протухшего дома. Захлопнул ноутбук, поднялся, торопливо попрощался с клиентками – мама подарила ему кокетливый взгляд, дочка – угрюмый.

Вышел на улицу, как узник из вонючих застенков на свободу. Не мог отделаться от ощущения, что прикоснулся к чему-то нечистому - захотелось срочно помыть руки и продезинфицировать одежду. Когда поворачивал ключ стартера, выруливал на дорогу, заметил в пальцах нервическую дрожь.

Домой к Мэри Эллис больше не пойдет. В следующий раз будут разговаривать на нейтральной территории.

25.

Дело «зеленой вдовы» было интересным с профессиональной точки зрения, но не являлось для Марка первостепенным или срочным. В следующие два дня он готовился к другому процессу, заранее зная результат. Не на сто процентов, ну на девяносто восемь – достаточно для уверенности. Недостающие два процента относил на непредвиденный, непредсказуемый случай, вероятность которого ничтожно мала, но в теории возможна.

История произошла три года назад и долго держала общество в напряжении. Медсестру крупного медицинского центра Люсию Берекел обвинили в намеренном умертвлении шести пациентов, среди которых новорожденный, а также в трех попытках. Ее арестовали, и начальник департамента по тяжким преступлениям сообщил - похоже, попалась серийная убийца.

Магические слова, заставляющие обывателя содрогнуться, а представителей прессы довольно потерять руки: удача, которую нельзя упустить. Практически на пустом месте не расследованное до конца происшествие было раздуто до сенсации. Газеты соревновались в придумывании броских заголовков - «Ангел смерти среди нас», «Монстр в белом халате». Журналисты захлеб вешали о новых «жутких подробностях», которые удалось «раскопать». Полицейские чины каждый день появлялись на экранах - рассказать об «огромном успехе» департамента.

Задолго до вынесения приговора общественное мнение осудило и возненавидело бывшую медсестру. Разыгралась целая истерия. Разговоры дома, на работе, по телевизору только на эту тему. Новость подхватили зарубежные каналы, прислали корреспондентов для освеще-

ния процесса. Гостей города специально возили поглазеть на здание больницы, где работала Берекел - как раньше на камеру Аль Капоне в тюрьме Алкатрас.

Складывалось впечатление: Лос Анджелес был рад занять собственную маньячку в качестве новой туристической аттракции.

Не смотря ни на что Берекел держалась стойко, не признала вину под нажимом следователей и адвокатов, которые склоняли ее сознаться в обмен на облегчение наказания. На суде утверждала, что стала жертвой полицейской ошибки.

Несомненно, шумиха повлияла на решение присяжных, Люсию приговорили к смертной казни.

В камере смертников она не переставала за себя бороться. Ее поддерживали дочь с мужем, которые незамедлительно обратились с просьбой о пересмотре в Верховный Суд.

Тот рассмотрел просьбу и заменил смертную казнь на шесть раз пожизненное заключение – по одному за каждую смерть.

После чего родственники Люсии обратились с открытым письмом к адвокатам штата помочь - на добровольной основе. Откликнулись четверо, среди них Марк, который с самого начала следил за процессом и сильно сомневался в «доказательствах» обвинения.

Дела, связанные с медициной, очень скользкие. В спорных смертельных случаях установить истину сложно, порой невозможно. Врачебная ошибка? Ослабленный болезнью организм? Неизвестная науке бактерия? Привыкший к добросовестности Марк потратил уйму времени – своего личного, чтобы выяснить причину гибели пациентов, в основном пожилых, тяжелобольных людей.

По каждому больному штудировал специальную литературу. Разговаривал с узкими специалистами, всегда несколькими, чтобы составить объективное мнение. Связывался с медицинскими центрами в других городах, копался в интернете, советовался со старшими коллегами – дядей Саймоном и Бернсом.

Оба признали: дело Берекел - яркий пример юстиционного блуждания. Началось с того, что все шесть смертей без доскональной проверки объявили убийствами. Далее судьей был применен метод «привязанного доказательства» - если два убийства признаны доказанными, остальные считаются таковыми автоматически.

И еще много других нестыковок, ошибок, намеренного умалчивания или прямого сокрытия фактов и результатов проверок, короче – налицо подгон результата.

Если беспристрастно посмотреть, то единственная связь между медсестрой и трупами - что умерли в день ее дежурства, и Люсию «слишком часто видели в рядом».

Под нажимом адвокатской группы во главе с Марком была создана специальная комиссия, которая после тщательного исследования сделала вывод: все шесть пациентов скончались от естественных причин. Осужденная на смертную казнь медсестра должна быть полностью и безусловно оправдана.

Выводы представили суду, но это не значило, что женщину сразу освободили. Прошло долгих десять месяцев прежде, чем назначили новое заседание. В следующий понедельник оно должно будет поставить последнюю, справедливую точку в странном деле Люсии Берекел. За годы, незаслуженно проведенные ею в тюрьме, потерянное здоровье, разрушенные отношения с близкими Марк собирался потребовать от штата компенсацию.

Он навещал клиентку ежемесячно и каждый раз наблюдал, как стремительно ухудшалось ее состояние. Надсмотрщицы ненавидели «бездушную маньячку», обращались грубо, частенько «забывали» выводить в столовую или в душ. Когда она пожаловалась на судороги и онемение конечностей с левой стороны, не обратили внимания. К чему заботиться о психопатке?

В результате – инфаркт мозга, непреходящие головные боли, неподвижность в левой руке, не считая других недомоганий, «помельче».

Возмещение в размере пары миллионов, а также оплата адвокатских услуг по самому высокому тарифу, станет достойным завершающим аккордом в этом «юстиционном заблуждении».

26.

В четверг он опять засиделся на работе, готовя материалы по бывшей медсестре, которая шесть раз оказывалась «не в то время, не в том месте». Статистическая вероятность – один на триста сорок два миллиона, этот расчет присутствует в досье. Закатав рукава, чтобы не мешали печатать, в сотый раз просматривал текст, подчищая, уточняя. Марк не имел права на ошибку. Когда адвокату удастся убедить суд пересмотреть предыдущее решение на основании вновь открывшихся доказательств, это для осужденного последний шанс.

Из коридора донесся приближающийся шум. Марк оторвался от экрана, посмотрел на приоткрытую дверь – только что читал про опухоли лимфатических узлов и ожидал, что войдет доктор.

Доктор не вошел.

Перед глазами расплывалось, взгляд не концентрировался, сознание запаздывало переключиться с компьютерного на реальное. Появилось ощущение – глубокая ночь, заработался, пора уходить.

Нет, какая ночь, вон уборщица пришла, шумит пылесосом...

Марк прикрыл веки, провел ладонями по щекам.

Да, пора домой. Завтра продолжит. Времени немного, но достаточно. Процесс начинается в понедельник – не успеет закончить в пятницу, захватит выходные.

Отключил ноутбук. Встал, подергал затекшими ногами, помассировал шею, потянулся – после многочасовой отсидки привел мышцы в подвижное состояние. Откатал рукава и направился к вешалке, где на плечиках висел пиджак.

Надеть не успел. Дверь распахнулась, едва не стукнув его по лбу, и в комнату вкатилась тележка с чистящими принадлежностями, которую толкала... та самая девушка-танцовщица, любительница «Ace of Base». Одета так же, как в прошлый раз: узкая белая майка под неприлично коротким сарафаном и босоножки на каблучках. Сегодня она не заводила магнитофона, видимо учла урок прошлой недели. Зато довольно громко напевала песенку на испанском, которую без конца крутили в барах и клубах, объявив «хитом этого лета».

Не замечая Марка, девушка поставила тележку в стороне, взяла вилку от шнура пылесоса, искала глазами – куда бы воткнуть. Оглянулась, столкнулась взглядом с хозяином кабинета, вздрогнула.

Тут же пришла в себя, хмыкнула, зажала рот рукой, чтобы не расхохотаться.

Стараясь подавить улыбку, спросила:

- Я вам не помешала? – В глазах – ни страха, ни смущения. Одно озорство.

- Нет. Ничего. Я ухожу. Не хочу путаться под ногами.

- Вы не путаетесь. Не знаете, где здесь розетка?

Шутница.

- Розетка вон там, возле стола.

Девушка задержала на мужчине взгляд, на секунду не больше, вроде размышляла – что бы еще спросить. Или ожидала от него вопроса? Марк не разобрался. Не сделал попыток сдвинуться с места, просто наблюдал.

Она пожала плечом, кокетливо крутанулась, подошла к розетке, которая едва возвышалась над полом. Прекрасно зная, что одета в короткое платье, она не присела деликатно на корточки, а стала медленно наклоняться на несогнутой ноге. Подол поехал вверх, оголяя острые девичьи ягодицы.

Марк ахнул про себя и подумал: до какой же степени она распущенная – не носит не только лифчика, но и трусов...

И тут же пристыдил себя – чего выставился? Никогда женской попки не видел? Такой не видел - миниатюрной, почти детской...

Разглядел узкий лоскуток стрингов, едва прикрывающих выпуклую промежность. Глаза полезли из орбит, в желудке задрожало... Или не в желудке?

Остаться или уйти? Ноги не двигаются, голова пустая. Глупое положение, и чем дольше он остается в неподвижности, тем глупее выглядит...

Девушка воткнула вилку, поднялась и лукаво взглянула на Марка. Коротко. Молча. Потом как ни в чем не бывало, подошла к тележке, надела розовые резиновые перчатки и принялась шустро протирать столы.

Подмышки его взмокли, запах пота пробился через дезодорант. Странная выходка. Что она хотела сказать? Считает нормальным показывать интимные места всем подряд? Не видит в начальнике полноценного мужчину? Любит шокировать или, все-таки, получилось нечаянно?

Нет, нечаянно - вряд ли.

Под наркотиком?

Возможно.

Проверим. Заодно удовлетворим любопытство.

Марк повесил пиджак на место, встал посреди кабинета – руки сложил на груди, наблюдал за ней со спины. Сегодня он не повторит ошибок прошлой недели, уйдет домой не раньше, чем выяснит все, что хочет выяснить.

- Как тебя зовут?

- Тиффани Вильямс, - ответила девушка, едва повернув голову, как бы бросила через плечо, не прекращая работы.

- Меня Марк.

- Очень приятно.

А ему нет.

Невоспитанная. Руки не протянула, даже не посмотрела в его сторону. Неуважение!

Что делать?

Пожаловаться ее начальнику.

Кто он?

Ах, да. Он.

Ладно, простим.

- Скажи, Тиффани, ты не боишься ходить вечерами по городу в таких коротких юбках?

- А я не хожу.

Остановилась. Наконец-то. Повернулась, ожидая следующих вопросов.

И они последовали.

- Не ходишь? Что же ты делаешь, летаешь?

- Да, - легко согласилась Тиффани и улыбнулась как солнышком озарилась. Такие улыбки называют обезоруживающими – за них можно простить любое озорство. Даже дерзость. – Я ведьма в черном колпаке, летаю на помеле. Потому ко мне злые люди не приближаются.

- Ха-ха! Это на Хэллоуин. А каждый день?

- Днем в Лос Анджелесе нестрашно. А вечером по улицам не хожу. Я осторожная. С работы - в машину и домой.

- Что-то не верится. – Марку понравилась ее легкая манера разговаривать. Ее улыбка. Шутки. Естественность. Всё. – Каждый вечер торопишься домой, даже в клуб по дороге не заглянешь?

- Нет. Я вообще несовременная. Ночные клубы не посещаю. Алкоголь не пью. Кокаин не употребляю. Сериалы по MTV не смотрю. Люблю старую поп-музыку и обожаю танцевать самбу. Ту самую, бразильскую, с карнавала в Рио-де-Жанейро. Вот такую.

Тиффани быстренько сбросила перчатки и, подпевая себе, прошлась танцевальным шагом, покрутила бедрами и сделала пару волнообразных, очень двусмысленных движений, которые делают стриптизерши у шеста.

Хорошо, что она вовремя остановилась - в легких Марка произошел перебой с воздухом, горячая волна ударила в лицо. Отошел к окну, прислонил лоб к холодному стеклу. Интересно, что прячется за ее спонтанностью - простота или провокация?

- У тебя здорово получается, - хрипло выдавил он. Повернулся, поставил руки в бока показать – держит ситуацию под контролем. Хотя сам не был до конца уверен. – Я еще в прошлый раз заметил. Умеешь красиво танцевать...

- Тяжелыми наркотиками тоже не увлекаюсь. Героин, метамфетамин – не для меня, - сказала она, не отвечая на его реплику и как бы продолжая собственный рассказ. - Вот смотрите.

Подошла, протянула левую руку, вывернула внутренней стороной. Машинально он взял ее снизу за локоть, провел пальцами по коже на сгибе - ощущалась нежной, теплой и гладкой. Действительно, следов от уколов нет. Но что за неожиданный жест! Доверчивый, почти интимный. Он же не просил доказательств... Странная девушка.

Или наоборот?

В нашем перевернутом мире нормальность стала приниматься за странность.

Все-таки - что у нее на уме?

Да ничего особенного. Хватит строить из себя психа.

27.

Вблизи глаза ее яснее, насыщеннее, не зыбкий туман, а два горных озера - глубоких, непрозрачных. Какую тайну они хранят? Какие они при дневном свете?

Марк сжал ее руку, прогладил от кисти до плеча и далее до шеи - рука упругая и слегка дрожит. Ее дрожь передалась ему.

- У тебя есть друг? – полюбопытствовал.

- Нет.

- Невозможно поверить.

- Никто не верит.

- Объясни.

- Здесь трудно найти нормального человека. Одни фрики. И сумасшедшие. Да вы, наверняка, сами знаете... Вот вы мне кажетесь нормальным, - добавила Тиффани без улыбки.

Они стояли так близко друг от друга, что, казалось, могли общаться телепатически.

«А с мужчинами ты спишь?» – спросил он одним взглядом.

«С вами не откажусь», - читалось в ее глазах.

Есть вещи, о которых догадываются без слов, но Марк все еще не решался. Девушка высвободила руку и с разочарованным видом вернулась к уборке. Знала, что он наблюдает, и всячески дразнила. То нарочно нагнется над столом, якобы дотянуться до самого дальнего угла – смахнуть пыль, заодно дать подняться сарафанчику. То зажмет между стройных ножек одну перчатку, у другой будет долго разлеплять пальцы и потом обе бросит в ведро. То пройдет под носом у Марка и, вроде, «нечаянно» заденет плечом или бедром.

Собралась сменить пластиковый пакет в урне и наклонилась в той же манере, что недавно над розеткой - не сгибая ног. С пакетом что-то не получалось, и Тиффани надолго застыла в одной позе, снова открыв свои спелые ягодицы как свежие пончики, от вида которых у мужчины потекла слюна.

Предложение, от которого невозможно отказаться.

Одним прыжком Марк очутился сзади, сдернул вниз стринги – треугольник на ленточках, присел, приложил губы к ее промежности.

Как и ожидалось, сопротивления не встретил.

Девушка пахла свежо, будто только что из душа.

Он стоял на одном колене, гладил и массировал ее ягодичи, прятал в них лицо, мечтал спать на них как на подушке, и от этой мысли возбуждался сильнее. Влажным языком ласкал ее вагину, проникая глубже и глубже. Нащупал отверстие, засунул язык на полную длину, покрутил - Тиффани охнула.

Ее короткое «ох!» сработало как запал для динамита.

Взрыв!

Произошел такой мощный толчок эрекции, что Марк испугался, не порвутся ли трусы. Дольше терпеть не имело смысла. Вскочил, расстегнул молнию, достал дрожащий от нетерпения фаллос и сам удивился его величине. Поднес к ее набухшим интимным губам.

Как ни велико было нетерпение, а грубо врываться в нежнейшее лоно девушки не стал, прошелся по касательной, как бы ожидая приглашения войти внутрь. Тиффани прошептала:

- Да... да...

Он скользил, каждый раз сильнее раздвигая ее промежность, нашел нужное место и осторожно двинулся вглубь. Тиффани сопровождала продвижение сладким стоном. Она заняла позицию поудобнее - оперлась о стол и пружинисто покачивалась в такт толчкам, буквально каждый одобряя звучным вздохом.

Ее вздохи заряжали и поощряли. Марк прикрыл глаза – получше сосредоточиться на ее гладком, послушном теле, ощутить его до глубины, привыкнуть к нему, насладиться...

Ничего подобного ранее не испытывал. Удивительно. Что такого особенного в этой девочке, пригласившей его к сексу? Он сто раз похвалил ее за инициативу и это было последним, что помнил отчетливо.

Даже не подумал надеть кондом.

Какой кондом? Она отдалась ему – полностью и безусловно, и он не будет мелочиться.

Самому понравилось.

Это беззаботность – когда ничто не свербит в подсознании: надо предохраняться, иначе...

Это свобода. Так было с Леонтин, много лет назад. Нет, сейчас лучше.

Это полет. Без крыльев и парашюта. Парение души – над сказочными ландшафтами, среди белых гор и вечно голубого неба.

Это счастье. И все благодаря Тиффани... Догадывалась ли она - какое ощущение дарила?

Приближался оргазм, и Марк знал: это будет самый грандиозный оргазм в его жизни – «Катрина» и «Эль Ниньо» вместе взятые. Торопиться не стал.

Для многих мужчин извержение – главная цель, но не для Марка. Он наслаждался процессом не меньше, чем концовкой, и всегда думал о партнерше. Задержать семяизвержение несложно. Он хорошо владел этой техникой, которой еще в студенческие годы научился от двоюродного брата Зака – Даниэла Старки. Тот работал гинекологом и подсказал неопытной молодежи: чтобы не кончать раньше времени, нужно замедлить движение, отвлечься, подумать о чем-нибудь постороннем, лучше смешном.

Марк так и поступил. Приостановил толчки, открыл глаза, оглянулся. Посмотрел на черноту за окном. Что, если бы полиции дали право бесконтрольно использовать миниатюрные вертолеты-дроны? Они летали бы вокруг домов, заглядывали бы по ночам в окна, не только в спальни, но и в офисы - сколько интересного могли бы обнаружить!

Кажется, был такой сюжет в кино. Да, хороший, старый фильм - «Голубой гром» назывался. Они с Заком раз пять ходили его смотреть и потом мечтали стать летчиками, обязательно на вертолетах – они шустрее самолетов...

Трюк сработал - давление подступавшего оргазма ослабло. Теперь он возвратится нескоро, лишь когда разрешит хозяин. Отлично!

Продолжим получать удовольствие. И дарить. Это как раз тот случай, когда дарить и получать одинаково приятно. Вообще повезло. Обычно секс с новой партнершей бывает скованным, ощущения поверхностными.

С Тиффани по-другому. Исключительно отзывчивая девушка - испытывает то же самое, если не сильнее. Она уже два раза кончила, о чем возвестила приглушенными криками и мелкой дрожью, которая прошла по телу. И это не игра на публику - оба раза Марк отчетливо ощутил внутри ее жаркую влагу. Эрекция усилилась, хотя он не предполагал, что это возможно. Душу тешила неэгоистичная мужская гордость: Тиффани разделяет его удовольствие, а это стимулирует к продолжению.

Когда она пришла в третий раз, он поднял ее, прижал к себе, не переставая пенетрировать - рискованный трюк, красиво выглядящий в порнофильмах. В реальности же поза «девушка стоит, мужчина сзади» получается лишь у тех счастливиц, чей мужской размер превышает среднестатистический.

Марк не волновался – положение проверено не раз, получается отлично, обеспечивает массу новых ощущений. Он давно вернулся из полета над райскими кущами и теперь действовал осознанно, технически. Одной рукой осторожно отыскал в ее интимной глубине чувствительную горошинку клитора, другую руку засунул под майку.

Нашел ее грудь, сжал и – не удержался от звучного вздоха. Настоящая. Податливая. Точно умещается в ладони - его любимый размер. Стоит, а не висит, не нуждается в лифчике. Дрожит от возбуждения и будто дразнит его своенравными, твердыми сосками, которые так и норовят проскользнуть между пальцами.

Он остался с ними наедине - прикасался, сжимал и гладил. Он еще не видел их, но уже любил и не хотел отпускать, как ребенок не желает расставаться с любимой игрушкой.

Фантастически приятная девушка...

Все, что открыл в ней, понравилось, особенно то - как идеально совпали их тела. И это только начало. Впереди целая ночь и новые открытия: он увезет Тиффани к себе и не даст ни минуты покоя.

Наклонился, поцеловал в шею, прошептал на ушко:

- Ты потрясающая... Где ты скрывалась от меня? Больше не отпущу...

Тиффани тихонько засмеялась и повернулась в полуоборот. Со лба ее скатилась капелька пота, съехала к виску и застыла на том месте, где сквозь кожу просвечивала голубая вена. Набухла и медленно двинулась вниз. Марк слизнул ее, ощутил слабо-соленый вкус, словно от морской волны. Она русалка? А выглядит очень по-земному. И ощущается как нормальная женщина. Надо держать ее крепче, а то махнет хвостом, выскользнет из рук и исчезнет в пучине...

Провел языком по ее раскрасневшейся щеке. Вкусная. Так бы и съел. Нет, нельзя. Лучше попробовать девушку на вкус по-другому. Поцелуями. Высвободил руку, ту, которая орудовала внизу, облизнул пальцы, придвинул лицо Тиффани ближе к себе. Потянулись губами друг к другу...

Соприкоснуться не успели.

Хлопнула дверь в начале коридора, послышались мужские голоса. Марк замер. Голоса приближались. Нет, только не сейчас! Кто это мог быть? Сотрудники фирмы давно разошлись по домам, охранникам обходить помещения рано.

Кто бы ни были пришельцы, они направляются к его кабинету.

Странно. Марк регулярно оставался сверхурочно, да почти каждый день, но такого бесцеремонного вторжения на свою территорию не припоминал. Или у полиции, все-таки, появились вертолеты, тайно шпионящие за морально неустойчивыми гражданами? А, глупости...

К сожалению, с Тиффани придется разъединиться.

- Прости, малыш, пойду спрошу, что им здесь нужно. - Застегнул молнию, поправил рубашку, брюки.

Тиффани кивнула, торопливо заправила майку под сарафан, одернула подол. Постояла, соображая – что делать, и принялась вытирать тряпкой стол, но как-то неуверенно, вроде не знала, зачем это делает. У нее все еще горели глаза. Румянец на щеках выдавал неутихшее возбуждение, на губах блуждала улыбка - она слишком явно находилась во власти недавних страстей.

По какому бы поводу ни явились непрошенные гости, в кабинет их пускать нельзя – решил Марк. Слишком двусмысленная ситуация: поздний вечер, раскрасневшаяся девушка, у самого глаза навеселе - мало ли что им померещится. Спросит о причине появления - построже, чтобы не думали, что им здесь сердечно рады, потом побыстрее выпроводит и продолжит...

Оглядел комнату, не осталось ли следов их с Тиффани не совсем рабочих занятий. Заметил на полу кружевной лоскуток - ее стринги. Поднял, подошел сзади, сунул в карман сарафана.

- Не спеши надевать. Я скоро вернусь. – И чмокнул в шею.

28.

Плотно прикрыв дверь, Марк вышел в коридор и увидел двоих мужчин в одинаковой черной униформе. Они заглядывали в каждый кабинет, включали свет, смотрели, выключали, шли дальше, переговариваясь. Заметив хозяина конторы, направились к нему.

Это были охранники, которые днем дежурят в холле, а ночью обходят этажи, Марк знал их на вид, но не по именам. Оба смуглые, черноволосые, скорее всего мексиканцы, один постарше – с бугристым лицом, второй - молодой парень с усами.

- Хорошо, что вы еще не ушли, сэр, - сказал старший с сильным испанским акцентом.

- В чем дело, джентльмены?

- Небольшое недоразумение, которое мы обязаны выяснить, - принялся объяснять охранник немного извиняющимся тоном. – На нашем компьютере возник сигнал, исходящий с этого этажа. Точно определить комнату сложно. Потому мы пришли проверить все.

- Что за сигнал?

- Сработала аварийная сигнализация. Не думаем, что это взлом. Но выяснить необходимо. Эти кабинеты мы проверили, там порядок. У вас есть закрытые помещения?

- Есть. Не так много. Собственно, только два: кабинет мистера Бернса и архив. – Марк сделал паузу. Как бы от них побыстрее избавиться? – Послушайте, это срочно? Думаю, ложная тревога. Сижу здесь целый вечер, никого из посторонних не заметил. Да и не вижу смысла вламываться в адвокатскую контору. Нельзя отложить проверку до завтра? Я вообще-то собирался домой.

- Простите, сэр, но у нас инструкция. Сигнал обязаны проверить. Даже, если очевидная мелочь, мышь пробежала или паук забрался в неположенное место. Вдруг неполадки в электросистеме? Короткое замыкание, например. Может привести к возгоранию. Мы обязаны немедленно принимать меры. Хорошо, что вы на месте, иначе пришлось бы вызывать из дома. Извините за задержку, но проверить придется сейчас.

В определенном смысле они правы. Не стоит ссориться или выказывать неудовольствие.

- Хорошо, - произнес без энтузиазма. - С какого помещения желаете начать? Но предупреждаю, посторонним вход туда запрещен.

- Ничего страшного, сэр, - вставил свое слово младший охранник. Он разговаривал на английском без акцента, видно, родился здесь, а не эмигрировал. - Мы постоим снаружи. Вы проверите, все ли в порядке с проводами. Может, действительно ложная тревога. Батарейка протекла в картоприемнике, или нарушился контакт. Случаи всякие бывают.

«Черт послал их на мою голову», - выругался про себя Марк. Быстро выпроводить посетителей и вернуться к Тиффани не получится. Дождется ли она его? Сколько времени? Взгля-

нул на часы и удивился: полдвенадцатого. Незаметно пролетело время, впрочем, так всегда, когда занимаешься чем-то приятным...

Коридор сворачивал налево и образовывал закуток с тремя дверьми – кабинет Бернса, архив и всегда открытая комнатка для ланча. Там холодильник, может, он источник аварийного сигнала? Лет десять ему, работает неплохо, но вообще-то давно пора поменять. Марк вознес молитву к небу – пусть это будет холодильник! Отключит его, завтра закажет новый, проблема решена...

Комнатку предоставил проверить охранникам, сам подошел к двери с табличкой «Энтони Бернс», достал карточку, провел по желобку картоприемника, нажал кнопки кода. Дверь щелкнула и распахнулась. Марк вошел, включил свет, принялся. Дымом не пахнет. Внимательно осмотрел окна, решетки вентиляции, розетки, провода - нет ли повреждений? На первый взгляд все в порядке. Вышел. Закрыл.

- Здесь ничего подозрительного, - сказал молодой охранник про комнату для ланча.

Молитва не дошла.

- Здесь тоже.

Кусая губы от досады, Марк направился к архиву, произвел ту же манипуляцию, дверь не открылась. В чем дело? Пальцы ощутили влажность на карточке. Пригляделся - от картоприемника вверх по стене тянулась мокрая полоса, на потолке растеклось пятно и сочилось водяными каплями.

- Все ясно, - сказал старший охранник. – Наверху протечка. Надо вызывать аварийную бригаду. Иначе короткое замыкание и пожар. Потом необходимо будет осмотреть комнату внутри. Кроме вас, открыть ее некому. Простите, сэр, но, видимо, придется задержаться.

Не дожидаясь ответа, он достал рацию местного действия, связался с коллегами, доложил обстановку. Марк слушал и не слышал. Проклял все на свете. Выругался самыми грязными ругательствами, которые знают только черные подростки Бронкса, увлекающиеся рэпом и кокаином. Досталось всем: и не вовремя сломавшемуся водопроводу, и чрезмерно чувствительной сигнализации, а главное – бесцеремонным и слишком усердным охранникам, которым не захотелось ждать до утра и они явились нарушить его с Тиффани уединение...

Когда вернулся к себе, кабинет был тих и покинут, как атомная станция после аварии. Да, авария – будь она проклята! Марк ощутил пустоту почти физически. Кабинет-призрак. Совсем недавно он был полон живых звуков, движений и эмоций, теперь здесь тишина и тоска. Безжизненная, бесчувственная пустыня.

Плюхнулся в кресло – без сил, вроде только что вагон кирпичей разгрузил. Откинулся на спинку, вытянул ноги, сцепил руки на затылке. Что делать, где искать Тиффани? Даже адреса не спросил. Хотя, зачем адрес? Он же не собирается ехать к ней домой. Кого там встретит: родителей, друга, мужа? Сказала, что не имеет бой-френда, но верится с трудом. Такие неординарные девушки одни не остаются.

Противно даже думать об этом.

А телефон? Ну, кретин. Давно с девушками не знакомился, забыл главное правило: первым делом обменяться номерами. Делается просто – попросить ее позвонить на свой телефон, и вот уже у обоих записаны данные друг друга.

Так что делать, отправляться домой несолоно хлебавши? По-видимому – да. Ничего другого не остается.

Жаль, очень жаль. Вечер пропал...

29.

Ночь прошла беспокойно. Терзали воспоминания о неполных двух часах, проведенных накануне с Тиффани и жуткое разочарование концовкой. Обида на собственную недогадливость и еще большая обида на тупоголовых охранников - до такой степени, что возникло жела-

ние завтра же приобрести автомат Калашникова и расстрелять их на рабочем месте. А что? Популярный сейчас способ расправляться с обидчиками...

Мысль о мщении понравилась и показалась настолько реальной, что сердце забилося в предвкушении акции. Ну-ну, потише. Не хватало инфаркт получить. Марк осадил разыгравшуюся фантазию, встал с разворошенной кровати, сходил на кухню попить, по дороге уговаривал себя успокоиться.

Нет, доходить до крайности нельзя. Что разволновался? Да, неудачно получилось, но не все потеряно – встретится с девушкой в следующий четверг.

Правильно говорят «Бог троицу любит», к третьему разу Марк отнесется со всей серьезностью. Сразу увезет Тиффани в надежное место - к себе домой. Здесь ни охрана не помешает, ни авария не случится. Здесь, в спокойной обстановке, под романтическую музыку он покажет, на что способен. И она не разочаруется.

Сердце вернулось в обычный ритм, но про сон не могло быть и речи. Про полноценное бодрствование тоже. Вернулся мыслями во вчерашний вечер и просмотрел его, как фильм, от начала до конца. На минутах соития задержался, прокрутил несколько раз - и переживания, еще свежие разлились по телу.

Сознание погрузилось в дрему, где смешались воспоминания и реальность.

К утру возбуждение достигло высшей точки и потребовало выхода - немедленного, иначе на людях Марку сегодня не появиться. Сотрудники будут глазеть на брюки в области гульфика и задаваться вопросом: от чего это шеф так перевозбудился в рабочее время?

Вставать слишком рано было лень, но необходимо. Поднялся, прошел в душ. Простыми, известными каждому подростку манипуляциями, довел себя до оргазма и кончил в бумажное полотенце. Сняв физиологическое напряжение, принял контрастный душ, сначала теплый, чтобы смыть пот, потом холодный, чтобы окончательно проснуться.

Бодрящую утреннюю зарядку делать не стал, ограничился упражнениями на растяжку, которые входили в категорию обязательных на каждый день. В голове, вроде, прояснилось, но где-то на дне, в районе шеи, проснулась боль и заявила о себе ноющим неудобством. По опыту знал – боль надо снимать сразу, иначе усилится, распространится, не даст думать. Выпил две таблетки парацетамола и решил чем-нибудь заняться до момента, когда настанет время ехать на работу.

Можно бы посидеть на террасе у бассейна, заняться умиротворенным созерцанием долины и гор на горизонте, но есть опасность снова погрузиться в воспоминания. С нежелательным результатом.

Накинув банный халат, Марк прошел в комнату для хобби, которую называл домашним кабинетом, включил компьютер посмотреть – что плохого в мире произошло. Он не очень интересовался новостями и никогда не смотрел их по телевизору. Газеты читал в интернете, вернее, не читал, а просматривал заголовки статей, чтобы быть в курсе происходящего, не вникая в подробности.

Открыл главную страницу «Лос Анджелес Таймс». Ничего сенсационного в штате не случилось: лесной пожар в районе Йосемитского парка, перестрелка в Комптоне, «пьяное» дорожное происшествие с погибшими. В мире тоже как обычно: где-то террористический акт, где-то природный катаклизм, катастрофы, аварии. Человеческие жертвы с подробным описанием и фото. Что за навязчивое стремление смаковать несчастья? Депрессивно. Хотя понятно. Давно известно: негативные новости лучше продаются.

Спорт, светские сплетни, голливудские скандалы, советы по здоровью, рецепты, рейтинги политических партий и прочую ерунду, которую печатают для зомбирования читателя, прокрутил, не глядя. Другие газеты смотреть неохота, откинулся на спинку стула. Глаза утомились. То ли от бессонной ночи, то ли от скучного чтения. Отвлечься...

Прикрыл веки и – перед глазами возникла Тиффани, как живая, в тот момент, когда они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и он повернул ее лицо к себе. Отчетливо разглядел профиль: идеально прямой нос, приоткрытые губы, голубая жилка на виске и капелька пота – вот она вздрогнула, сдвинулась с места и поползла вниз...

Стоп!

Наваждение.

Тряхнул головой. Совсем не желал повторить путь, пройденный ночью, это вредно для здоровья и для концентрации, которую сегодня важно сохранить. Пятница - последний рабочий день, предстоит проверить кучу дел и наверняка работать в выходные.

В понедельник начнется заседание, которое затянется на несколько дней и будет означать карьерную веху для Марка. Суд рассмотрит новые доказательства невиновности медсестры Люсии Берекел и, как надеялась адвокатская группа, полностью оправдает ее.

Затем без передышки займется делом «зеленой вдовы».

А как же Тиффани? Когда он снова увидит ее? Ждать до четверга?

Целая вечность...

В душе поднималась досада - не на что-то определенное, а на ситуацию вообще.

Нежелательно в начале дня. Надо поскорее избавиться, почувствовать себя счастливым. Как? Просто: начинаешь улыбаться, и хандра проходит сама собой. Глупо выглядит? Ничего, дома никто не видит. Вообще, хороший рецепт, на все случаи, к примеру: хочешь почувствовать себя бодрым – взбодрись.

Так, применяем.

Энергично хлопнув в ладоши, Марк вскочил и принялся расхаживать туда-сюда без определенной цели. Стало жарко, скинул халат, отодвинул стеклянную дверь, вышел на еще прохладный воздух террасы, вдохнул полной грудью, помахал руками-ногами.

Сработало! Энергия влилась в мышцы, забурлила.

Пора уходить, иначе закиснет дома. В офис ехать рано - до восьми контору открывать не разрешалось. Не беда, протянет время по дороге. Заедет где-нибудь перекусить. Выпьет кофе. Посидит, поглазеет на посетителей. Отвлечется, настроится на рабочий режим.

Пока одевался, укладывал ноутбук, выходил к машине, спрашивал себя: в чем, собственно, проблема? Упадок настроения настигал его по утрам ну в о-о-чень редких случаях, зато ощутимо – прямо как землетрясения в Лос Анджелесе.

Проблема по имени Тиффани.

Ладно. Для пользы дела забудем до четверга.

Устроился за рулем, сказал себе вслух:

- Когда поверну ключ, буду думать только о тексте выступления в понедельник. Кажется, хотел там что-то исправить. В какой главе это было? О причинах труднообъяснимых смертей новорожденных...

Душевное равновесие восстановилось.

На короткое время - минут на пятнадцать или около того.

Равновесие было хрупким и легко нарушилось – когда на углу Уилширского бульвара и Родео Драйв увидел название магазина «Тиффани и Ко» на вывеске нежно-голубого цвета.

Ее имя. Цвет ее глаз...

Тиффани сопровождала его всю дорогу.

Когда завтракал в по-утреннему шумном кафе - она ходила по залу, принимая заказы, и он слышал ее голос «вам с молоком или без?».

Когда ехал по торопливым улицам - она сидела во впереди идущей машине, и он видел ее профиль за стеклом.

Когда поднимался в тесном лифте, она стояла позади всех, у самой стенки, и, подняв руки, танцевала под только ей слышимую музыку.

Ее присутствие стало уже до такой степени привычным и необходимым, что показалось – она ждет его в кабинете.

Заторопился.

Вошел – никого. Оглянулся – где Тиффани?

И сразу навалилась пустота. Скука. Полнейшая бессмыслица. Зачем он здесь? Один... Пальцы дрогнули, ноутбук едва не грохнулся об пол.

Бросил его на диван, прошелся по комнате. Работу над выступлением придется отложить – совершенно не в состоянии сосредоточиться. Выход? Чтобы отвлечься от Тиффани, требуются драконовские меры.

Посмотрел через открытую дверь на Розалину. Она ответила взглядом, в котором готовность исполнять любые приказания.

Нет, неподходяще по времени. И по желанию. И вообще. Кажется, он ее больше не захочет...

И хорошо.

Нет, нехорошо.

Все, хватит о сексе! Переключиться на бизнес.

Вне этого несчастливого кабинета.

Поднял трубку, набрал номер полицейского детектива Алана Грибса, который вел дело «зеленой вдовы». Они хорошо знали друг друга и общались на «ты».

- Слушай, Алан. Мне нужно еще раз просмотреть дело мисс Джонсон. Ты когда на месте?

- Сегодня целый день, - живо, даже радостно ответил Грибс. - Тебе повезло, приятель.

Приезжай хоть сейчас. Сама девушка, я имею ввиду Мэри Эллис, тоже прибудет. Я вызвал ее на допрос к одиннадцати. Не желаешь повидаться?

- Ты экстрасенс, прочел мои мысли. Я как раз хотел с ней поговорить. Именно в полицейском участке.

- Кажется, понимаю, - хмыкнул в трубку детектив. – Она уже и тебя пыталась соблазнить? Скользкая мадам. По-моему, у нее мания преувеличенного самомнения.

- Или недостаток секса. Неважно. Я ее адвокат и обязан принимать клиентку такой, какая есть. В конце концов, она платит мне гонорар.

- Желаю успеха. Кстати, хочешь познакомиться с последними результатами расследования?

- Конечно.

- Тогда не задерживайся. Есть интересные новости.

30.

Да, задерживаться не стоило. Полицейский участок хоть и назывался «Центральный», находился в Бербанке – три четверти часа езды на север от даунтауна.

В приземистом здании из серых плит и стекла кроме участка размещалась мэрия и пожарная часть. В вестибюле на стенах под самым потолком висели развернутые флаги страны – четыре в ряд, на полу в деревянной вазе стоял один - уныло обвисший, непонятно чей, навесное штата Калифорния.

Два коридора – направо и налево, Марк свернул в правый и, шествуя бесконечными, зигзагообразными проходами, почему-то представил, что идет по Пентагону.

В комнате приема посетителей было шумно, пыльно и слишком ярко от дневных ламп и солнца за окнами. В воздухе висела смесь различных, порой несовместимых ароматов, через которые Марк прошел, словно через невидимые слои: пахло чем-то металлическим, старыми бумагами, машинным кофе, крепким потом, пыльным полом, компьютерными деталями, сладкими пирожками. Типичная атмосфера учреждения, где сотрудники сидят скученно, постоянно принимают граждан из неблагополучных слоев и не обращают внимания на такие нерелевантные понятия, как уют и гигиена.

Здесь чуть ли не впритык уместились шесть столов, за каждым сидел агент, напротив – человек, что-то рассказывающий, доказывающий или молчащий, некоторые в наручниках. В самом дальнем углу стол, занятый наполовину – только со стороны служащего. Туда направился Марк.

У Грибса желтоватые волосы, брови и ресницы, кожа белая – как он ухитрился не загореть в Лос Анджелесе? Имея невыразительную внешность, уделял повышенное внимание причёске и одежде. Подстрижен по последней моде – волосы на висках сбриты, на темечке подлиннее и разделены на пробор. Обожал носить форму, не потому что «обязательно», а потому что «девушки от нее без ума».

Сейчас они бы вряд ли проявили энтузиазм, Грибс выглядел как загнанный паровоз – красный, сопящий, взмокший. В подмышках серой форменной рубашки образовались темные круги, на лбу капли, и по мере скопления он сдвигал их к вискам прямым пальцем, как дворником.

- Поцапался с Рендаллом, - объяснил шепотом. Рендалл – начальник по убийствам. И вслух: - Пончик хочешь?

- Нет, спасибо, только что позавтракал, - отказался Марк. - Что ты раскопал?

В комнате стол гул от голосов, вентиляции, аппаратов и звонков. Чтобы не повышать голос, Алан наклонился к собеседнику через бюро, и от него повеяло хорошей дозой пота.

- Может, преждевременно об этом говорить, но по старой дружбе поделюсь. Вдова – по уши в говне. И влезла туда по собственной инициативе. Тебе придется приложить гигантские усилия, чтобы ее вытащить.

Слова его имели значение. Адвокату всегда важно знать – в каком статусе клиент: подозреваемый, свидетель или жертва.

Грибс вернулся в прямое положение и заговорил громче.

- Впрочем, ей повезло с адвокатом. Справишься, не сомневаюсь. Ты же как питбуль. Вцепишься – не отпустишь. Пока не добьешься своего. Уважаю, Марк. Люблю работать с тобой. Я сам дотошный, но у тебя можно поучиться.

Эти слова Марк пропустил мимо ушей. Грибс – хитрый волчара, с ним держать ухо остро, иначе заманит в ловушку. И друзьями они никогда не были, сотрудничали на взаимовыгодной основе.

- Ладно... Рассказывай.

- Ты знал подробности ее жизни? Мэри-Эллис любила строить из себя богемную персону, лучшую подружку тех, кто красуется на обложках и в телевизоре. Честно сказать, надоело глядеть на одни и те же рожи, ну да к делу не относится. Общалась наша дама с мужчинами моложе себя, даже содержала некоторых - на деньги мужа. Одевалась не по возрасту...

- Слушай, перестань говорить банальности, - прервал Марк. Не намеревался тратить время на пустопорожнее нытье: Грибсу – разрядка, ему – лишний хлам в голову. – Все это давно известно и не подпадает под статью уголовного кодекса. Так ведет себя половина обеспеченных жительниц Лос Анджелеса в возрасте за тридцать. А вторая половина мечтает оказаться на их месте. Выкладывай, что конкретное у тебя на нее есть? Штраф за неправильную парковку, превышение скорости на пару километров, угнанная магазинная тележка? Или другая мелочь?

- Ха, шуточки, - сказал Грибс без улыбки. – Зря не дослушал. Социально-психологический портрет подозреваемого чрезвычайно важен в расследовании преступления. Это проходят на первом курсе полицейской академии.

- Я там не учился. – Марк грубовато оборвал разглагольствования.

Хотел рассердиться, потом подумал - неважно. День все равно проходит не так, как запланирован, надо пустить его на самотек и выжать, что можно. Не стоит обижаться на Грибса, у него комплекс неполноценности по отношению к адвокатам, потому старается представить

себя поважнее, а их - поглупее. Марк знал его слабость и терпел: Алан пригласил не зря, поболтает-поболтает и выдаст что-нибудь полезное. Проверено на опыте.

- Ну, ладно, - примирительно проговорил тот и указательным пальцем сдвинул пот со лба к виску. - Дело в следующем. Только предупреждаю, информация строго конфиденциальная и пока не подтверждена. Помнишь труп в овраге у двести десятого шоссе? Мэтью Крюгер, двадцати двух лет, входил в круг знакомых Фиби Джонсон. Мы проверили их компанию. Так вот, обнаружилась одна интересная деталь.

У Фиби есть бой-френд, Лукас Брэдли. Шустрый парень. По нашим данным, успевает трахать и маму, и дочку, но не в этом суть. В день убийства Крюгера он заправлял машину неподалеку от того оврага. Его запечатлела камера наблюдения бензоколонки. Прижмем Лукаса. Если причастен, ниточка приведет к вдове. Перспективы у нее неблестящие.

Не только не блестяще, но весьма удручающие. Марк вспомнил рассказ Фиби, создавший впечатление, что она присутствовала при убийстве приемного отца, или даже участвовала. Также упоминание Мэри Эллис о том, что именно Брэдли сфотографировал ее под покровом долларовых бумажек. Значит, он - близкий друг обеих... И был на месте преступления. Точнее - в районе, где найден Крюгер.

Неудачно получается. Если полиция докажет причастность бой-френда семейки Джонсон, статус его клиентов вмиг изменится. Из просто свидетельниц превратятся в подозреваемых в организации двух убийств по заранее составленному плану. Преступление первой степени тяжести.

Наказание. Для Мэри Эллис – высшая мера, или в лучшем случае пожизненное без возможности досрочного освобождения. Для Фиби – срок до пятнадцати лет с отсидкой сначала в подростковой тюрьме, после совершеннолетия – во взрослой. Незавидная школа жизни.

А Лукас Брэдли? Стоит ли открыть Грибсу, что именно он сделал нашумевшее фото?

Нет, не стоит. Марк здесь в качестве защитника, а не добровольного помощника детектива. Вот вопрос: почему он так подробно просветил насчет планов полиции? Грибс – не добрый самаритянин, на безвозмездной основе не помогает...

- Я тебе к чему рассказал. – Детектив будто прочитал его мысли. – Поговори с Мэри Эллис, пусть выдаст настоящих убийц. А я приуменьшу ее роль в деле, чтобы не получила вышку.

Ясно.

Обещать Марк не стал, едва кивнул в знак – просьба выслушана, будет ли удовлетворена, посмотрит по обстоятельствам. Сначала выяснит вопрос с подушкой. Интересно, знает ли Грибс то, что Фиби про нее знает?

На сей раз детектив не проявил чудеса прозорливости. Он покачивался на задних ножках стула и смотрел на адвоката с высокомерной, одновременно самодовольной улыбкой. Дело, грозившее потонуть в архивах нераскрытым, сдвинулось с мертвой точки и имеет все шансы быть раскрытым. Оно сделает Грибса героем новостей, и дома он уже тренировался делать многозначительный взгляд на камеру – для солидности сдвинув брови.

Пусть наслаждается любовью к себе в-одиночку, от Марка комплиментов не дождется.

- Позволь еще раз просмотреть материалы по Салливану.

- Сейчас? Разве не хочешь присутствовать на допросе? Уже время.

- Сегодня необязательно. Обвинения не предъявлены. А сама она меня не просила.

Грибс коротко подумал. Папки с делами адвокат имеет право просматривать только в присутствии представителя полиции.

- Ладно. Я тебе доверяю. Сейчас позову нашего стажера, Дилана, пусть рядом посидит для компании. Ты потом с мисс Джонсон наедине хотел побеседовать, если я правильно понял?

- Обязательно. Не забудь пригласить, когда закончишь.

- Хорошо.

Грибс вернул стул на четыре ноги, опустошил стакан с водой, стоявший рядом с компьютером и наверняка нагретый. Наклонился, вытащил из ящика впечатляющую толщину папку, положил перед Марком. Окликнул молодого человека, который сидел у окошка и лениво пролистывал старые подшивки успешно раскрытых полицией дел.

- Эй, Дилан, если нетрудно, посиди здесь пока я не вернусь, чтобы мистеру Руттенбергу нескучно было.

Парень шустро захлопнул папку, изнутри ее вырвалось пыльное облачко. Глаза ожили, на лице радость - наконец вспомнили про него, может, удастся поболтать, за целое утро словом ни с кем не перекинулся, со скуки помереть можно. Сел на место Грибса, но надежда на беседу не оправдалась - после представления и рукопожатия адвокат склонился над папкой и принялся пролистывать, слишком явно отрешившись от окружающего.

Особое внимание Марк уделил фотографиям, которых было множество и они лежали стопками в конвертах. Раньше просмотрел их вскользь, теперь доставал каждую стопку и перебирал снимки по одному. Прошло не менее получаса прежде, чем наткнулся на искомое. Работа фотографа-криминалиста заслуживала комплимента - картинки четкие, одна и та же сцена снята с разных ракурсов так, что ее легко представить.

Лишь на одной, самой ранней, на трупе лежит продырявленная, окровавленная подушка. К тому времени, когда приехали родственники, ее убрали. Естественно. Кто станет опознавать человека с подушкой на голове?

Еще раз спасибо фотографу, он запечатлел тот момент. Фиби стоит над телом приемного отца и смотрит брезгливо, как на раздавленную крысу.

Откуда у нее подробности?

Сказала, что тот день провела в компании друзей. Каких друзей, типа Лукаса - альфонса собственной матери? Хороша компания...

И еще. Фиби уверенно заявила, что стреляли три раза. Эту информацию засекретили с самого начала, даже не все сотрудники были в курсе. Полицейского досье она не читала, как узнала?

Промелькнули предположения в газетах?

Проверим.

Просмотрел печатные вырезки, которые были собраны отдельно под заголовком «Пресса». Вырезки подшиты по датам, некоторые предложения выделены желтым маркером - молодец, Алан, аккуратно сработал, не поленился.

Газеты в деталях описывали место трагедии и ее участников, по привычке - что-то придумав, что-то искажив, но нигде, ни в одной статье не упоминается количество выстрелов. Подозрительно. Каким образом Фиби узнала вещи, которые даже вездесущие журналисты не разнюхали?

Вывод: она видела труп до приезда полиции. Участвовала в убийстве? Не исключено. Или, по крайней мере, присутствовала.

Но зачем? От смерти приемного отца она ничего не выиграла. Единственный человек, кто был заинтересован в гибели Салливана - его супруга, которой после развода грозила нищета, в ее понимании, конечно. Она задумала его убить, не самолично, а руками одного из молодых приятелей - Крюгера или Брэдли. Логично? К сожалению, да.

Крюгер мертв. Если возьмутся за Брэдли, тот выдаст организатора...

31.

Собственные выводы Марку не понравились. Он взялся за дело, когда и речи не шло о возможном участии Мэри Эллис в убийстве. Максимум, что ей официально вменялось - несколько крупных неоплаченных счетов. Несоблюдение траура и не совсем этичное поведение в соцсетях - вопрос не закона, а морали.

Сложностей не предвидел. Для присяжных он бы подготовил эмоциональную речь о том, что от горя вдова запаматовала кое-какие практические вещи. Звучит правдоподобно. А насчет ее поведения сказал бы: у каждого своя манера переживать утраты. Кто-то ежедневно ходит проведать дорогую могилу, а кто-то пытается заглушить скорбь... дорогими покупками и новыми знакомствами.

А что? Бывает и похлеще. Видел как-то по телевизору: в зале крематория проводили прощальную церемонию с умершим. Молодой человек скончался от рака и наказывал близким и друзьям не горевать на похоронах, а от души повеселиться. Они и повеселились – прыгали под заводную музыку, как на дискотеке. Дико было смотреть...

Дело повернулось невыгодной для клиентки стороной, опасной для жизни. Нужно любой ценой выудить у нее истину и на том фундаменте строить здание защиты. Причем – не хиленький пляжный домик, а основательный форпост, который выдержит напор обвинений, доказательств и общественного мнения.

Работы предстоит невпроворот.

В горле пересохло. Громко сглотнув, Марк поднял голову от досье и заметил, что в комнате почти полная тишина и пустота. Народ дружно разошелся по барам и закусочным на ланч - это святое.

Стажер Дилан с голодным видом перелистывал пропагандистскую брошюру, где на каждой странице стояли улыбающиеся полицейские в парадной форме, готовые в любую минуту прийти на помощь. Заметил взгляд адвоката, встрепенулся в угасшей было надежде пообщаться.

- Принесешь холодный чай? – спросил Марк.

- Конечно! – Парень подскочил так шустро, будто сидел на пружине и только ждал сигнала ее отпустить. Побежал к холодильнику.

Вернулся с двумя сине-желтыми баночками охлажденного чая.

- Ну, как, нравится работать в полиции? – спросил Марк чисто из благодарности, что стажер его не отвлекал.

- Нравится, - без энтузиазма ответил Дилан, звучно хлебнул из банки и тут же принялся жаловаться. – В отделе сидеть скука. Нам в полицейской академии не говорили, что будет столько писанины. Половина рабочего времени на нее уходит. Составлять планы, отчеты, описывать места преступления, вещественные доказательства. Потом рассортировывать по темам, подшивать. Потом письменно делать выводы, готовить материалы для суда... Бесполезная трата времени. Раньше было по-другому. Пока детектив работает, его на ерунду не отвлекают. У меня дядя служил в полиции. Собственно, он и посоветовал...

Возможность излить душу Дилан решил использовать на сто процентов - второй такой шанс выпадет нескоро. Может, никогда. Он стал длинно рассказывать о близких и дальних родственниках, причинах поступления в академию, планах на будущее и даже о внутреннем устройстве дома, который купит, когда дослужится до лейтенанта.

Марка чужие откровения не интересовали, самому бы исповедаться кому-нибудь... Вытянув ноги и попивая чай, он смотрел на оживившееся лицо стажера и думал о своем. Копаясь в полицейских материалах, он на время забыл о Тиффани, но знал - в тот момент, когда перестанет думать о делах, мысли о ней захлестнут сознание.

И был не рад. Любовные страдания не входили в круг его любимых занятий. Впереди уик-энд - не собирается же он два дня и три ночи терзать себя сладкими и мучительными воспоминаниями.

Надо что-то придумать, чтобы надолго не оставаться наедине с собой, хотя бы сегодня вечером...

Ладно, план спасения придумает потом, сейчас сконцентрируется на других вещах. Подробно побеседует с мисс Джонсон, выяснит, что удалось вытянуть из нее Грибсу. И пре-

дупредит, чтобы запретила дочери болтать, пусть Фиби вообще молчит, говорить за нее будет адвокат, то есть Марк.

Поставил пустую банку на стол.

- ... и обязательно с бассейном, - повествовал Дилан. Он, наконец, заметил, что беседа ведется в одностороннем порядке, и спросил: - У вас есть бассейн?

- Конечно, - коротко ответил Марк и хотел замолчать до прихода Алана. Но не стал обижать парня незаинтересованностью, он ее здесь уже нахлебался. – В Лос Анджелесе без этого не обойтись. Но имей ввиду - наличие бассейна поднимает цену дома чуть ли не на треть. В зависимости от размеров.

- А, неважно. При хорошей зарплате проблем с ипотекой не возникнет. Главное, чтобы семья жила в комфорте. Думаю, смогу себе позволить... – Стажер предался мечтаниям, озвученные - они казались почти осуществленными.

Начинал надоедать. Марк встал, прошелся, разминая ноги, и уже собрался покинуть офис, чтобы ожидать Грибса в коридоре, когда тот явился - со злыми глазами, взъерошенный и мокрый, будто занимался не допросом, а сексом, и его на полдороге прервали.

Ни слова не говоря, достал из холодильника банку, тут же рывком открыл, опрокинул в рот и заклокотал горлом. Пустую банку сжал, швырнул в урну - и не попал, судя по звону, с которым она запрыгала по полу. Вытащил из кармана скомканное бумажное полотенце из туалета, протер лоб, облокотился вытянутой рукой о холодильник и что-то ему длинно сказал. Наверное пожаловался.

- Алан, ты в порядке? – Марк еще не видел его в подобном состоянии.

- Пойдем, провожу тебя к ней, - сказал Грибс, не вдаваясь в объяснения, и первым вышел в коридор.

Шли пустыми, однообразными проходами, лишь иногда встречая деревянные скамейки напротив кабинетов да на стенах доски объявлений с пришпиленными бумагами. Скамейки, доски, стены были одинакового, приятного глазу цвета светлой древесины. Ламинатный пол – из твердых, звонких досочек, каждое прикосновение ботинок к которым сопровождалось сухим стуком.

Этот размеренный звук подействовал на Грибса успокаивающе, он даже стал посмеиваться про себя.

- Ну и клиентка тебе попалась, дьявол бы ее побрал! – сказал и мотнул головой, вроде собрался выразиться покрепче, но сдержался из уважения к родному учреждению. – Флиртует напрапалую, старая коза. И что Салливан в ней нашел? В Голливуде таких прохвосток пруд пруди, еще покрасивей. Не понимаю, дура она или действительно считает себя неотразимой? Думает - все мужики обязаны падать к ногам, только взглянув на ее сиськи. Которые, вообще-то, в порядке, но не в ее же ситуации... Слушай, ты бы стал флиртовать, если бы грозила вышка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.